АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ЮЖНАЯ РУСЬ И ВИЗАНТИЯ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ
(к XVIII конгрессу византинистов)

КИЕВ НАУКОВА ДУМКА 1991

Южная Русь и Византия: Сб. науч. тр. (к XVIII конгрессу византинистов) / АН УССР. Ин-т археологии; Редкол.: П.П.Толочко (отв. ред.), Я.Е.Боровский, Г.Ю.Ивакин. – Киев: Наук. думка, 1991. – 168 с. ISBN 5-12-003266-4

В сборнике представлены работы, посвященные изучению различных аспектов истории политических, экономических и культурных отношений Южной Руси и Византии в IX–XIV вв. Печатаются статьи о связях Киева и Галицко-Волынской Руси с Византией, о распространении христианства в Южной Руси, проблемах взаимоотношений двух культур, а также по нумизматике, источниковедению и литературе. Материалы, полученные в результате археологических исследований городов Южной Руси, позволяют полнее проследить историю ее взаимоотношений с Византией.

Для историков, искусствоведов и всех интересующихся проблемой русско-византийских отношений.

Редакционная коллегия

П.П.Толочко (ответственный редактор), *Я.Е.Боровский, Г.Ю.Ивакин*

Утверждено к печати ученым советом Института археологии АН УССР

Отделение редакционно-издательской и рекламной деятельности УкрЦЭНДИСИ

Редактор *Л.Л.Ващенко*

Выпущено по заказу Института археологии АН УССР

Ю 0504000000-441
М221(04)-91

ISBN 5-12-003266-4

© Институт археологии АН УССР, 1991

ПРЕДИСЛОВИЕ

В сборнике "Южная Русь и Византия" публикуются новые исследования социально-экономических и культурных связей Киевской Руси с Византией в IX–XIV вв., которые традиционно являются одной из важнейших проблем советской и зарубежной историографии. Особое оживление исследовательского интереса к этой теме наблюдалось в связи с празднованием 1500-летия Киева и 1000-летием введения христианства на Руси.

Византия с ее высокой материальной и духовной культурой, впитавшей лучшие традиции античности и Востока, на протяжении многих веков была наиболее передовой державой средневекового мира. Выдающиеся образцы византийского зодчества, литературы, изобразительного искусства и философской мысли составили золотой фонд мировой культуры.

Особое значение имели русско-византийские связи для Киевской Руси: становления и развития ее материальной и духовной культуры, внешнеполитических и экономических контактов, права и пр. Заимствование достижений византийской историко-культурной традиции Киевской Русью никогда не было простым копированием или трансплантацией, как считали некоторые исследователи. Влияния творчески переосмысливались, обогащались местными элементами, рождая оригинальную древнерусскую культуру.

Разработка проблем русско-византийских отношений позволяет четче определить место двух крупных стран в системе средневекового мира.

В составлении сборника приняли участие киевские историки, археологи и искусствоведы. В него вошли статьи обобщающего характера, работы, посвященные частным вопросам и проблемам, источниковедческие разработки, публикации новых археологических находок из Киева, Чернигова и других мест.

Сборник открывается статьей, где обосновывается вывод о том, что "соперничество" Киева и Константинополя возникло на почве стремления первого уравнять права на христианское наследство, анализируются особенности становления политической концепции места Руси в мире (П.П.Толочко). В других статьях устанавливаются степень

и характер внешнеполитических связей Галицко-Волынской Руси с Византией в XII–XIII вв. (Н.Ф.Котляр), рассматриваются связи Киева с Византией в XIII–XIV вв., когда контакты осуществлялись главным образом в церковно-политической сфере (Г.Ю.Ивакин), дается характеристика развития художественной культуры Древней Руси после введения христианства и определяется роль византийского наследия в этом процессе (В.Г.Пуцко). Рассмотрен также процесс усвоения византийских духовных ценностей на Руси как двунаправленное влияние в виде диалога культур (Р.С.Орлов), поставлен вопрос о крещении княгини Ольги и князя Игоря при Романе I Лакопине в 944 г. после подписания известного договора с греками (М.Ю.Брайчевский), подводится итог изучения светской живописи в киевском Софийском соборе, прославляющей деятелей, связанных с введением на Руси христианства (С.А.Высоцкий).

В отдельных статьях рассматривается обычай вывешивать в храмах Руси одежды великих князей, ритуал которого восходит к аналогичным церковным обрядам Византии, отражающим идеологию возвеличивания императорской власти (А.П.Толочко), анализируются вопрос формирования монетного обращения на территории Южной Руси в IX–XIII вв. и роль византийской монеты в этом процессе (В.Н.Зоценко). Публикуются новые произведения византийской каменной мелкой пластики, хранящиеся в музеях Украины (Л.В.Пекарская, В.Г.Пуцко), новые находки из Киева – иконки византийского происхождения XII – начала XIII в. с изображением Христа и Иоанна Предтечи (Я.Е.Боровский, Е.И.Архипова), вводится в научный оборот открытый на черниговском детинце неизвестный ранее памятник византийского зодчества XI в.

Сборник "Южная Русь и Византия" Института археологии АН УССР приурочен к Международному конгрессу византинистов, который состоится в Москве в 1991 г.

П.П.ТОЛОЧКО

КИЕВ – СОПЕРНИК КОНСТАНТИНОПОЛЯ

В статье обосновывается вывод, что "соперничество" Киева и Константинополя возникло на почве стремления первого уравнять права на христианское наследство, анализируются особенности становления политической концепции места Руси в средневековом мире.

Псковский монах Филофей в одном из посланий великому московскому князю Василию III сформулировал теорию "Москва – третий Рим"[1]. Считается, что возникла она как попытка осмыслить место России во всемирной истории, особенно после падения Константинополя (1453).

Претензии Москвы на место третьего Рима, однако, не были безусловны. В "Повести о новгородском белом клобуке" обосновывается таже идея смены двух вселенских центров – "ветхого Рима" и Константинополя "третьим Римом", "еже есть на русской земли", но им выступает не Москва, а Новгород. В то время, как царский венец был пожалован русскому князю "изволением земного царя Константина (Мономаха. – *П.Т.*) от царствующего сего града (Константинополя. – *П.Т.*), белый клобук дан архиепископу великого Новгорода "изволением небесного царя Христа"[2].

"Сказание о князьях Владимирских" – монаха Спиридона-Саввы – преемником Константинополя считает Киев. Император Константин Мономах, покоренный русским оружием, послал киевскому князю Владимиру Всеволодовичу царский венец и "крабицу сердоликову, из нея же Август кесарь римский веселящеся", а также "ожерелье", которое Август "на плещу свою носяще". С этого времени, согласно сказанию, "князь велики Володимир Всеволодович наричеся Мономах и царь Великиа Росиа". Позже царские инсигнии, получившие наименование "шапки" и "барм" Мономаха, попали во Владимир, а затем в Москву[3].

Политическая доктрина "третьего Рима" в русской общественной мысли эпохи централизации XV–XVI вв. обрела, таким образом, естественное историко-правовое обоснование, а история России через Киевскую Русь как бы сомкнулась с римско-византийской.

©П.П.Толочко, 1991
ISBN 5-12-003266-4. Южная Русь и Византия. К., 1991

Была ли идея преемственности власти Москвы от Рима и Константинополя новой? Большинство исследователей отвечало на этот вопрос утвердительно. М.А.Алпатов полагал, что она возникла как антитеза усиления Турции, захватившей юго-восточную часть Западной Европы, служила символом общеславянского единства и знаменем борьбы за национальную независимость. Это отвечало и интересам Запада, пытавшегося использовать идею исторической миссии России как преемственницы византийского наследства, чтобы столкнуть ее с Турцией[4].

А.Л.Гольдберг в поисках предыстории идеи "Москва – третий Рим" обратился к представлениям древнерусской общественной мысли о "богоизбранности" Руси. Они начали формироваться уже после принятия христианства, но служили якобы для противопоставления православной Руси степным соседям, а в последующие века – татаро-монгольским поработителям. И только с середины XV в. идея об особом назначении "избранной богом" Русской земли приобрела новый смысл[5].

Н.В.Синицина, исследуя проблему римско-византийской преемственности в русской общественно-политической мысли XV–XVI вв., хотя и утверждает, что доктрина "Москва – третий Рим" не возникла сразу в готовом виде, тем не менее также не выводит ее генезис за пределы XV–XVI вв.[6].

Конечно, события второй половины XV в., в том числе установление автокефалии московской митрополии (1448), овладение турками Константинополем (1453), брак Ивана III с Софьей Палеолог, создали в православном мире новую историческую ситуацию. Не исключено, что она оказалась действительно выгодной римскому престолу и некоторым западным государствам, пытавшимся использовать доктрину "Москва – третий Рим" в своих интересах. Однако в основе своей она была идеей национальной, имевшей глубокие исторические корни. Как показал Я.Н.Шапов, политическая концепция места страны в мире отчетливо обозначилась уже в эпоху Киевской Руси[7]. Дальнейшее обоснование этой мысли предлагается в настоящей статье.

В литературе чуть ли не хрестоматийным стал тезис о постоянном и длительном противоборстве Киевской Руси и Византии, которое диктовалось будто бы необходимостью защитить политический суверенитет молодого восточнославянского государства. Особое место в претензиях Византии лишить Киевское государство независимости отводилось якобы введению византийского христианства. Под этим углом зрения анализируется древнерусская общественная мысль, обосновывается вывод о ее антивизантийской направленности[8]. Думается, что это упрощенное понимание сути взаимоотношений Киевской Руси и Византии, а равно и их отражения в древнерусской историографии. Политическое соперничество Киева с Константинополем мы принимаем за противоборство на почве отстаивания независимости, а наличие соответствующих сюжетов в летописной и литературной традиции объясняем антивизантийскими настроениями на Руси.

М.А.Алпатов считал, что побудительными мотивами походов киевских князей против Царьграда было стремление к независимости Руси. Даже благочестивые монахи-летописцы, будто бы из этих соображений, хвалили каждый поход на Константинополь, каждый договор, ограждающий Русь, каждого князя, совершавшего эти походы[9].

В действительности угрозы независимости Руси со стороны Византии никогда не существовало. Огромное расстояние, отделявшее мировую империю от восточнославянских земель, практически исключало возможность применения ею военной силы для давления на Киевскую Русь. История этого и не знает. Наоборот, Киевская Русь осуществляла нападения на империю, которые, впрочем, также не могли привести к подчинению Византии. Неудачи военных экспедиций Святослава показали это со всей очевидностью. Да и не эти цели преследовались. Киевские князья стремились навязать Византии свое равноправное партнерство как в области экономических, так и политических взаимоотношений. Не могла Византия всерьез рассчитывать на политический сюзеренитет над Русью и с помощью христианизации. Несколько византийских церковных иерархов на всю огромную восточнославянскую страну не в состоянии были обеспечить реализацию имперских амбиций византийского двора. Этому препятствовало и то, что древнерусская православная церковь изначально строилась как национальная, о чем свидетельствует церковнославянское богослужение.

К тому же инициатива христианизации Киевской Руси, как и развитие других связей, исходила не из Константинополя, а из Киева. Выражение типа "до Киева дотягивалась рука Константинополя" не отвечает действительности. Летописная повесть о выборе веры Владимиром, как и сообщения о переговорах Ольги и Ярополка с представителями римской церкви, показывает принципиальную возможность любых решений. Суверенное право Руси в этом выборе никем не могло быть ущемлено. Но Владимир и его предшественники склонялись все же к византийскому православию..

Почему? Здесь, конечно, сыграла роль традиция почти двухсотлетнего проникновения на Русь византийского христианства. Но она также была следствием. Причиной же являлся непререкаемый политический авторитет Византии на международной арене, который она унаследовала от своего предшественника — Рима и воздвигла собственными усилиями. На Руси хорошо знали, что византийцы называли себя римлянами — "ромеями", свою империю "римской", а столицу Константинополь "Новым Римом". Величие прошлого и настоящего Византии, военное могущество и необычайно высокий уровень культуры создавали тот идеал вселенской державы, к которому вожделенно устремилось молодое восточнославянское государство. Особенно манил к себе русских князей Константинополь, названный на Руси Царьградом.

Получить оттуда царские дары или добыть их силой оружия для многих киевских князей было делом чести. Согласно "Повести

менных лет" такой чести удостоился первый киевский князь Кий. "Сей Кий княжаше в родѣ своемь; приходившю ему ко царю, якоже сказають, яко велику честь принялъ есть от царя"[10]. Киев, таким образом, уже при своем рождении как бы сближался с Константинополем. Императорские дары, в том числе после военных походов, получали Олег, Игорь, Ольга, Святослав. Ничего необычного в этом, разумеется, не было, но летописцы считали необходимым особо выделить эти факты, чтобы таким образом уподобить киевских князей императорам.

Важным идеологическим обоснованием претензий киевских князей на равенство с императорами, а также на право преемственности византийской власти явилось описание визита Ольги в Константинополь. Побеседовав с Ольгой, император Константин заявил: "Подобна еси царствовати въ градѣ с нами". Акт крещения Ольги осуществлен императором вместе с патриархом: "и крести ю царь с патриархом"[11]. В крещении Ольга получает имя Елены. "Бѣ же речено имя ей во крещеньи Олена, якоже и древняя царица, мати Великого Костянтина"[12].

Выбором крестильного имени (возможно, не без участия самой Ольги и ее советников) киевская княгиня обретала духовное родство не только с константинопольскими, но и с римскими традициями власти. Византийская дипломатия скорее всего не придавала этому событию большого значения, но русская видела в нем особый смысл. Оно побудило киевского летописца даже на сочинение поэтической легенды о неудачном сватовстве императора Константина к Ольге.

На самом деле стремление породниться с императорами исходило от киевских князей. Первым его реализовал Владимир Святославич. Для этого ему пришлось осуществить поход на Херсонес и овладеть им. В крещении Владимир принял имя Василий, которое носил византийский император. Заметные успехи византийской политики Владимира, увенчавшиеся крещением Киевской Руси, создали ему необычайно высокий авторитет. Летописцы сочли возможным сравнить киевского князя с римским императором Константином: "Се есть новый Костантинъ великого Рима, иже крестивъся сам и люди своя; тако и съ створи подобно ему"[13].

На монетах Владимир изображался в императорском венце и одеждах. Удалось ли ему получить императорские одежды и инсигнии в качестве приданого за принцессой Анной или же на монетах была запечатлена несбывшаяся мечта Владимира, сказать с определенностью трудно. По свидетельству Константина Багрянородного, русы, как и другие варварские народы, часто обращались в Царьград с просьбой прислать царские одежды и украшения, но всегда получали отказ. Правда, Владимир сам позаботился, чтобы Киев обрел византийско-римские реликвии. С этой целью он вывез из поверженного Херсонеса мощи Климента Римского, а также иконы, кресты и книги.

Еще больших успехов в уподоблении византийскому цесарю достиг Ярослав Мудрый, названный современниками царем. При нем, как думают некоторые исследователи, усилились антивизантийские настроения на Руси. Подтвердить этот тезис событиями реальной жизни практически невозможно. Наоборот, широкая строительная программа Ярослава, в результате реализации которой Киев обогатился собственными Софией и Золотыми Воротами, свидетельствовала о продолжавшемся соперничестве Киева и Константинополя. "Заложи Ярославъ городъ великый, у него же града суть Златая врата; заложи же и церковь святыя Софья, митрополью"[14].

Характерно, что и в этом случае киевский князь обратился не столько к современной ему византийской действительности, сколько к ее истокам, к строительной деятельности Юстиниана. И дело не только в заимствовании названия главного храма Константинополя, построенного императором Юстинианом в 532–537 гг., но в самих строительных традициях, масштабности программы. В конце X — первой половине XI в. в Византии таких больших храмов, как София Киевская, уже не строили. Своеобразной рефлексией оценки творения Юстиниана было отношение современников к Софии Киевской. Прокопий Кессарийский, Агафий, Павел Силенциарий писали о Константинопольской Софии с необычайным восторгом, называли ее "чудом и славой века", "чудом света". Митрополит Иларион назвал Софию Киевскую церковью "дивной и славной всѣмъ окружным странам".

Эпизод с поставлением на митрополичью кафедру русского церковного деятеля Илариона также вряд ли возможно квалифицировать как проявление антивизантийских настроений. Если даже оценивать его с позиций попытки киевского князя осуществить национализацию русской церковной иерархии, то и в данном случае антивизантийства здесь немного. Речь может идти все о том же политическом соперничестве. Поставление на митрополичью кафедру русского и даже военный поход 1043 г. на Византию не помешали Ярославу женить своего сына Всеволода на дочери императора Константина IX Мономаха Марии и оказать ему помощь в подавлении восстания Льва Торника 1047 г.

Как же обстояло дело с антивизантийской концепцией в общественной мысли?

М.А.Алпатов полагал, что наиболее ярким памятником с антивизантийскими настроениями является "Слово о законе и благодати", и в этом смысле оно представляет собой как бы идейное вступление к летописи[15]. Главный аргумент — отсутствие в перечислении стран, славящих апостолов христианства, Византии. В этом ученый увидел попытку перечеркнуть ее монополию в распространении христианства и показать, что оно — всемирное явление.

Вряд ли такое замечание справедливо. Монополией на распространение христианства в мире Византия никогда не обладала. Илариону это хорошо было известно, и перечеркивать это ему вряд ли бы приш-

ло в голову. Перечисление стран, и в первую очередь Рима, славящих своих апостолов, Илариону понадобилось как своеобразный зачин для похвалы Владимиру Святославичу, которого он считает равноапостольным. "Хвалить же похвальными гласы Римьскаа страна Петра и Павла... Асіа і Ефесь и Пафм — Иоана Богословца, Индия — Фому, Египетъ — Марка, вся страны и гради и людіе чтять и славять, коегождо ихъ учителя... похвалимъ же и мы, по силѣ нашеи малыми похвалами, великаа сътзорьшааго, нашего учителя и наставника, великааго кагана нашеа земли Володимера"[16].

В этом отрывке отсутствует противопоставление Руси Византии, как и утверждение о несомненном преимуществе первой над второй, как показалось М.А.Алпатову[17]. Наоборот, из продолжения похвалы Владимиру явствует, что христианская вера заимствована им из Византии: "Паче же слышно ему (Владимиру.— *П.Т.*) бѣ всегда от благовѣрьнии земли Гречьскѣ, христолюбиви же и сильнь вѣрою... и си слыша вѣждела серцемъ, възгорѣ духомь, яко быти ема хрестиану и земли его, еже и бысть"[18].

Неоднозначную оценку получило в литературе летописное сказание о посещении апостолом Андреем днепровских гор. М.Д.Приселков, В.М.Истрин были убеждены в прогреческом характере сказания[19], Н.К.Гудзий видел в нем стремление летописцев уравнять Русь и Византию в правах на христианское наследие[20]. М.А.Алпатов решительно склонялся к антивизантийскому толкованию легенды, к чему его побудило умолчание в сказании о Константинополе, а также обратный путь Андрея, приведший его не в Константинополь, а в Рим[21]. Людольф Мюллер, обстоятельно исследовавший сказание летописи о хождении апостола Андрея в Киев и Новгород, не поддержал ни одну из приведенных точек зрения. Путешествие Андрея по Руси, согласно исследователю, предшествовало времени основания им византийской церкви. Следовательно, говорить о зависимости русской церкви от еще не существовавшей византийской нет оснований. Упоминания же Константинополя в Сказании не могло быть по той простой причине, что такого города еще не было. Что касается упоминания древнего Рима, то оно, как полагает Людольф Мюллер, носит индифферентный характер[22].

С последнием выводом согласиться трудно. Рим в Сказании не просто пункт на обратном пути Андрея. Это город, где апостол представил своеобразный отчет о своем путешествии в страну славян. Людольф Мюллер считает, что Сказание не говорит о миссионерской деятельности Андрея на Руси. В Синопе он проповедует, на Руси молится, благословляет, воздвигает крест[23]. Но грань между этими деяниями апостола столь тонка, что для русского книжника конца XI — начала XII в. могла быть несущественной. Посещение киевских гор, их благословение, предсказание рождения большого города и водружение креста апостолом Андреем представлялось ему равным проповеди христиан-

ской веры: "И заутра въставъ и рече к сущимъ с нимъ ученикомъ: "Видител ли горы сия? – Яко на сихъ горах восияеть благодать Божья; имать градъ великъ быти и церкви многи Богъ въздвигнути имать"[24].

Главный смысл Сказания об Андрее заключен в том, чтобы уравнять Киевскую Русь с Византией в деле обретения христианской веры. Обе наследовали ее от Рима и обе имели единого апостола. Своеобразным выражением тенденции соперничества Киева с Константинополем явилось и то, что на Руси X–XII вв. пользовались особой популярностью не современные ей произведения византийской литературы, а древние хроники. В них летописцев привлекала прежде всего концепция мировой истории, творцом которой был Бог.

Влияние ранневизантийских авторов испытал и Нестор. В "Повести временных лет" он не только смог воссоздать широкую историческую картину мира, но и органически ввести в нее историю Руси. Еще Иларион она представлялась страной "яже вѣдома и слышима есть всѣ ми четырьми конци земли".

Политическое соперничество Киева с Константинополем нашло отражение и в западноевропейской историографии. Адам Бременский называл Киев "соревнователем константинопольского скипетра" и "славнейшим украшением Греции"[25].

Подводя итог сказанному, можно утверждать, что политическое соперничество Киева с Константинополем в течение всей древнерусской истории велось не на почве вражды и противопоставления, а на почве стремления уравнивания в правах на христианское наследие.

[1] *Малинин В.* Старец Елизарова монастыря Филофей и его послания. – Киев, 1901. – Прил. – С.49–55; *Гольдберг А.Л.* Три "послания Филофея" // ТОДРЛ. – 1974. – Т.29. – С.68–97.

[2] *Памятники* старинной русской литературы. – Спб, 1860. – С.296.

[3] *Дмитриева Р.П.* Сказание о князьях Владимирских. – М. ; Л., 1955.

[4] *Алпатов М.А.* Русская историческая мысль и Западная Европа XII–XVII вв. – М., 1973. – С.165.

[5] *Гольдберг А.Л.* К предыстории идеи "Москва – третий Рим" // Культурное наследие Древней Руси. – М., 1976. – С.111–116.

[6] *Синицина Н.В.* О происхождении понятия "шапка Мономаха" (к вопросу о концепциях римско-византийского преемства в русской общественной политической мысли XV–XVI вв.) // Древнейшие государства на территории СССР. – М., 1987. – С.189–196.

[7] *Шапов Я.Н.* Политические концепции о месте страны в мире в общественной мысли Руси XI–XIV вв. // Там же. – С.159–166.

[8] *Алпатов М.А.* Указ. соч. – С.115.

[9] *Там же.* – С.116.

[10] *ПВЛ.* – М. ; Л., 1950. – Ч.1. – С.13.

[11] *Там же.* – С.44.

[12] *Там же.*

[13] *Там же.* – С.89.

[14] *Там же.* – С.102.

[15] *Алпатов М.А.* Указ. соч. – С.115.

[16] *Розанов Н.Н.* Списокъ сочинений Илариона – русского писателя XI в. // Slavia. Časopis pro slovanskou filologii. – 1963. – Roc XXXII. – С.163.

[17] *Алпатов М.А.* Указ. соч. – С.116.
[18] *Розанов А.А.* Указ. соч. – С.164.
[19] *Приселков М.Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. – СПб, 1913. – С.160–162; *Истрин В.М.* Очерки по истории древнерусской литературы домосковского периода (11–13 вв.). – Пг., 1922. – С.130
[20] *Гудзий Н.К.* История древнерусской литературы. – М., 1966. – С.61–63.
[21] *Алпатов М.А.* Указ. соч. – С.117.
[22] *Мюллер Л.* Древнерусское сказание о хождении апостола Андрея в Киев и Новгород // Летописи и хроники. 1973. – М. – 1974. – С.53, 60–61.
[23] *Там же.* – С.49.
[24] *ПВЛ.* – Ч.1. – С.12.
[25] *Сборник* материалов для исторической топографии Киева. – Киев, 1874. – Ч.2. – С.3.

М.Ю.БРАЙЧЕВСКИЙ

ОЛЬГА И КОНСТАНТИНОПОЛЬ

Рассматривается вопрос о крещении княгини Ольги и ее супруга – киевского великого князя Игоря – при Романе I Лакапине в 944 г. после подписания известного договора с греками.

История окончательного утверждения христианства на Руси чрезвычайно запутана "Владимировой легендой", созданной в правление Ярослава Мудрого в связи с его экклезиастическими планами (подготовка канонизации Владимира Святославича в роли единоличного просветителя Руси). Из-за ее появления подверглись основательной критике и переработке летописные и прочие тексты, связанные с историей древнерусского христианства в довладимирово время. Среди испытавших деформацию оказалось и описание эпизода крещения Ольги, канонизированной православной церковью, по-видимому, вскоре после ее смерти, в период второго антихристианского террора (969–972).

Летописные сведения о крещении Ольги носят внеисторический характер и представляют собой типичную церковную легенду. Однако сквозь фольклорно-фантастическую оболочку выразительно проступают реальные сообщения о конкретных событиях (реформы Ольги после подавления древлянского восстания, поездка в Константинополь, прием у императора Константина VII Багрянородного и т.д.)[1].

В литературе сам факт обращения киевской княгини сомнений не вызывает, но подчеркивается сугубо частный характер акта, чем резко снижалось его историческое значение.

Неопределенность имеющихся сведений (в том числе в иностранных источниках) породила целый спектр мнений, из которых ни одно не может претендовать на полную достоверность. Большинство историков связывает крещение Ольги с ее визитом в Константинополь. Однако существуют и серьезные возражения против этого мнения, причем

© *М.Ю.Брайчевский, 1991*
ISBN 5-12-003266-4. Южная Русь и Византия. К., 1991

исследователи делятся на две группы: одни полагают, что киевская княгиня крестилась еще до поездки, другие – после.

Достоверно, что Ольга посетила Царьград при императоре Константине Багрянородном в период его единоличного правления, то есть между 944 и 959 гг. Константин оставил нам подробное описание двух приемов Ольги во дворце во время ее пребывания в греческой столице[2]. К сожалению, он не называет год, когда состоялись эти приемы, но фиксирует индикт (четвертый), а также числа и дни недели: первый визит состоялся 9 сентября в среду, второй – 18 октября в воскресенье. Такое совпадение дат и дней недели в пределах названного выше хронологического диапазона имело место дважды: в 946 и 957 гг. Хотя четвертый индикт соответствует первой альтернативе[3], в литературе еще совсем недавно единодушно отдавали предпочтение второй[4]; лишь недавно Г.Г.Литаврин обосновал вероятность первой[5]. Во всяком случае не подлежит сомнению ошибочность летописной даты – 955 (6463) г.

Имя Константина VII в роли императора, принимавшего Ольгу, называется в "Повести временных лет" (правда, не во всех списках)[6]. Однако в других летописных кодексах встречаем имя Иоанна Цимисхия. Последняя версия более популярна, она выступает в Новгородской первой летописи[7], в Устюжской[8], Никоновской, Вологодско-Пермской, Никаноровской, в Тверском сборнике, Владимирском летописце, в большинстве московских сводов конца XV в.[9] и др.[10] Мы считаем эту версию совершенно неправдоподобной. Иоанн Цимисхий вступил на престол в результате дворцового переворота в декабре 969 г., т.е. уже после смерти Ольги, последовавшей 11 июля того же года.

Однако трудно счесть "цимисховский" вариант простой ошибкой летописцев. Здесь мы, по-видимому, имеем дело с сознательной подтасовкой, продиктованной какими-то серьезными мотивами. Крещение Ольги необходимо было передвинуть на более позднее время, чем происходило в действительности. А это, в свою очередь, бросает определенную тень на летописную хронологию в целом.

Еще больше путаницы вокруг имени патриарха, якобы совершившего обряд[11]. Греческие хронисты XI в. Скилица[12] и Зонара[13] утверждают, что Ольга посетила Константинополь в понтификат Феофилакта (сын Романа Лакапина), занимавшего кафедру с 983 по 956 г., когда на его место вступил энергичный и решительный Полиевкт.

Слабовольный и непопулярный Феофилакт не пользовался при дворе авторитетом; возможно, именно поэтому Константин Багрянородный ни разу не упомянул его в описании Ольгиных приемов. Это дает основание утверждать, что киевская княгиня ездила в Грецию во всяком случае до 956 г., и следовательно, традиционная дата 957 г. отпадает.

"Повесть временных лет" имя патриарха вообще не называет, ограничиваясь титулом. То же – большинство других сводов; однако в некоторых находим имена и Феофилакта, и Полиевкта, а кроме того. –

современника Иоанна Цимисхия Скомодрена и даже Фотия, умершего за полстолетия до начала Ольгиного правления. Двое последних исключаются автоматически по соображениям хронологии. Ясно, что и в этом вопросе летописная традиция отражает бесцеремонное редакторское вмешательство[14].

В киевском "Синопсисе" читаем: "Тогда Патріархъ Цареградскій Полієвктъ, а по свидѣтельству лѣтописца Зонары Феофилактъ, получивъ ю вѣрѣ Христіанстѣй, окрести со многими Россійсими боляры...". Автор XVII в. фиксирует разнобой в показаниях источников и относительно императоров: то ли Константин, то ли Цимисхий.

Все древнерусские источники единодушно связывают крещение Ольги с ее пребыванием в Константинополе, что подтверждают и греческие хронисты. Мысль, что обряд был выполнен самим патриархом, очевидно, весьма импонировала киевским книжникам. (Однако именно этот тезис вызвал наибольшую дискуссию.)

Если иметь в виду ту поездку в Константинополь, которая отражена в произведении Порфирогенета, то справедливость распространенной точки зрения повисает в воздухе. Венценосный автор при описании обоих посещений Ольгой императорского дворца ни словом не упоминает о крещении киевской княгини, которое, якобы, состоялось при его непосредственном участии. Это выглядит совершенно невероятным, если принять летописную версию об императоре как о крестном отце обращенной архонтиссы. Поэтому многие исследователи считают красноречивое молчание писателя решающим аргументом против традиционного взгляда[15]. Б.А.Рыбаков писал, что "о крещении княгини император не говорит ничего. Трудно допустить, что если бы Ольга действительно была окрещена в Царьграде императором и патриархом, то Константин, перечисливший состав посольства, размер уплат, приемы, беседы и обеды, не намекнул бы в своем тексте на это важное событие". С этим выводом трудно не согласиться.

Правда, в литературе встречаются попытки как-то объяснить странное молчание порфирородного историка и участника событий. Выдвигались, в частности, соображения, что это молчание диктуется темой произведения, посвященного придворным церемониям[16]. Но ведь и крещение — церемония, причем с позиции средневекового мировоззрения более важная, нежели описанная Константином. Невозможно представить себе, чтобы Порфирогенет не отметил бы, пусть кратко, это выдающееся по значению событие.

В связи со сказанным многие исследователи допускают, что реально были две поездки княгини в Константинополь — одна подробно описана Константином, вторая не удостоилась его внимания[17]. Но которая была первой, а какая второй? И когда они состоялись? И во время которой совершился акт крещения? Думается, на эти вопросы можно дать вполне определенный ответ.

Решающее значение для нас имеет тот факт, что Ольгу в ее поездке сопровождал пресвитер ("поп" – πʼαπας) Григорий. Высказывалось мнение, что в свите киевской княгини данное лицо выполняло функции не священника, а переводчика[18]. Но толмачи в списке лиц, сопровождающих Ольгу, упоминаются отдельно. Другие полагали, что Григорий принадлежал к константинопольскому клиру[19]. Однако и это решительно противоречит показанию источника: у Порфирогенета Григорий значится среди придворных княгини, прибывших вместе с ней из Киева, входивших в состав ее свиты и получивших царские подношения.

Понятно, что княгиню-язычницу православный священник не мог сопровождать, даже если роль его имела сугубо утилитарный, практический характер. Следовательно, не подлежит сомнению, что Ольга стала христианкой еще до того, как состоялись описанные Константином приемы.

Возражения против данного вывода, высказанные в литературе, не кажутся нам убедительными. Прежде всего – имя. Порфирогенет трижды употребляет имя княгини, и все три раза – языческое ("Ольга"), тогда как христианское имя ее было "Елена"[20]. Известно, что на Руси (даже в церковных документах!) употреблялись главным образом традиционные народные имена. Поэтому нет ничего удивительного, что Константин пренебрег христианским именем. Автор XI в. Скилица, писавший, естественно, после крещения киевской княгини, называет ее также Ольгой.

Не решает вопрос и ссылка на то, что Константин Багрянородный считает Русь и ее властителей ("архонтов") язычниками и варварами[21]. Данная характеристика относится к концу 40-х – началу 50-х годов, когда киевский престол официально занимал христофоб Святослав. Он был не просто язычником, а убежденным врагом "греческой" веры. Язычниками являлись большинство его вельмож ("игемонов"). Поэтому характеристика Константина вполне закономерна, но распространять ее на Ольгу отнюдь не обязательно. Ведь никто не может отрицать, что в середине X в. в Киеве было немало христиан, но этот факт не повлиял на изложение Порфирогенета.

Таким образом, не видим оснований отрицать православный конфессионализм Ольги во время приемов, описанных императором. Если поездок было две, то княгиня стала христианкой во время первой. (Определение даты зависит от того, когда состоялись приемы – в 946 или в 957 г.)

Ключевым источником оказывается тот, на который менее всего обращали внимание. Имеем в виду сообщение западноевропейской хроники так называемого Продолжателя Регинона[22]. Ее автором принято считать Адальберта из Трира, посетившего Киев в 961 г. по приглашению Ольги и, следовательно, бывшего лично знакомым с киевской княгиней. Его свидетельство следует считать весьма важным документом, оставленным хорошо информированной особой.

Рассказывая о русском посольстве к германскому королю Оттону I в 959 г., Продолжатель пишет, что крещение киевской княгини состоялось в Константинополе при императоре Романе[23]. Исследователи, комментировавшие это сообщение, полагали, что речь идет о Романе II, сыне Константина Багрянородного[24]. В 957 г. он стал соправителем отца, а после его смерти в 959 г. — единоличным правителем. Отсюда следовало бы, что Ольга могла креститься либо во время предполагаемой поездки в 957 г., либо еще позже, в 958–959 гг. Но это решительно противоречит установленному факту, что обращение княгини состоялось раньше 957 г. — при Константине и патриархе Феофилакте.

Так как немецкий хронист не мог иметь в виду Романа II, речь, безусловно, идет о Романе I Лакапине — одном из наиболее выдающихся деятелей на Цареградском престоле. Но этот вывод влечет за собой тотальный пересмотр устоявшихся представлений.

Роман Лакапин, как известно, был узурпатором. Он пришел к власти, отстранив от нее законного императора Константина VII. Формально он считался соправителем Порфирогенета, поэтому период этого двоевластия с полным основанием можно назвать и временем Константина, и временем Романа. Германский хронист отдал предпочтение фактической стороне дела, а византийская и древнерусская традиции — формально-юридической.

10 декабря 944 г. Лакапин был свергнут с престола собственными сыновьями и заточен в монастырь. Следовательно, если Ольга крестилась в период его правления, то случилось это при жизни ее мужа — великого князя Игоря Рюриковича Старого. Данный вывод коренным образом меняет все наши представления о середине X в. Он действительно снимает все источниковедческие недоумения и противоречия, но взамен выдвигает историческую проблему, едва ли не более важную и сложную — о роли Игоря в обсуждаемых событиях.

Склонность Игоря к христианству не раз отмечалась в литературе. В частности, Е.Е.Голубинский называл первого Рюриковича на киевском престоле "внутренним христианином", подчеркивая, что в его правление христианская партия пользовалась бóльшим влиянием и бóльшим авторитетом, нежели языческая[25].

В самом деле, текст договора с греками, заключенного Игорем в 944 г., рисует Русь как народ двоеверный, часть которого исповедует христианство, а часть — язычество[26]. Из ряда формулировок ясно, что православие в то время пользовалось на Руси большим пиететом. Его адепты не испытывали никакой дискриминации и принимали активное участие в политической жизни страны. В Киеве функционировала церковь св.Ильи[27]. В тексте договора христиане неизменно стоят на первом месте. Их Бог угрожает не только христианам, но и язычникам, в отличие от Перуна, чьи прерогативы ограничены собственной паствой, и т.д.

Сейчас можем выдвинуть предположение, что Игорь Старый, по крайней мере в конце своей жизни, был не внутренним, а самым настоящим христианином, и только "Владимирова легенда", для которой любое сообщение о христианине на киевском престоле до 988 г. было нетерпимым, обусловила отсутствие в летописных текстах даже намека на его крещение.

Вполне вероятно, что осенью 944 г., в момент подписания договора с греками, Игорь еще был язычником. Во всяком случае таковым его представляет летопись: киевский князь присягал вместе с языческой частью дружины перед статуей Перуна[28]. Конечно, не исключено, что эта справка представляет собой интерполяцию Ярославовых книжников или автора третьей редакции "Повести временных лет" Мстислава Владимировича. Некоторые основания для подозрения есть: "Игорь призва слы и приде на холмъ, кде стояше Перун, и покладаша оружье свое..."[29] и т.д. Первый выделенный глагол стоит в единственном числе, что хорошо согласуется с подлежащим "Игорь". Но второй — во множественном, т.е. без грамматического согласования. Здесь редакторская правка несомненна; первоначально, по-видимому, речь шла о дружине-язычниках.

Умышленное подчеркивание язычества Игоря вполне отвечало интересам "Владимировой легенды". Однако мы не располагаем убедительными доказательствами умышленного подлога. Во всяком случае обсуждаемая гипотеза не мешает видеть в Игоре, подписавшем договор, язычника. Но оставался ли он таковым после торжественного акта подписания и присяги?

Реальная история демонстрирует зависимость постепенного утверждения христианства в восточнославянской среде от событий военно-политического свойства. Еще на рубеже VIII и IX вв. древнерусский правитель Бравлин крестился после взятия Сурожа в Крыму. Вероятно, таким же был финал нападения Руси на Амастриду в первой половине IX в. В 860 г. каган киевский Аскольд вводит новую веру на Руси после успешного похода на Константинополь и заключения выгодного мира с имперской администрацией. Позже, в 988 г., после похода в Тавриду и взятия Херсонеса, Владимир Святославич принимает крещение.

Поэтому представляется весьма вероятным, что Игорь Старый вместе со своей женой Ольгой[30] крестился сразу же после подписания договора 944 г. Не исключено, что трагическая смерть новообращенного правителя в 945 г. была в какой-то степени спровоцирована его крещением, которое языческая часть дружины должна была расценивать как предательство. Во всяком случае конфликт Игоря со Свенельдом[31] мог иметь и конфессиональное содержание.

Обратимся к уточнению хронологии.

Имя императора Лакапина фигурирует вместе с именами его соправителей Константина и Стефана и в тексте самого договора, и в ле-

тописном рассказе о его заключении. Игорь сначала посылает своих послов к Роману, а затем у себя в Киеве принимает греческих представителей. Следовательно, договор заключался еще до свержения Лакапина (от имени которого был подписан трактат), т.е. до декабря 944 г. Это верхняя дата – terminus ante quem. Нижняя дата – terminus post quem – фиксируется летописью: статья, посвященная подписанию договора, помечена 6453 (945) г., который начался 1 сентября 945 г. Таким образом, возможный временной интервал сужается до трех месяцев. Этого времени вполне достаточно для подготовки и осуществления обряда крещения княжеской четы.

Когда же произошла поездка Ольги, описанная Константином Багрянородным? Выше названы две приемлемые даты – 946 или 957 г. Но если обращение княгини состоялось в конце 944 г. (в начале 6453 по византийскому летоисчислению), то теоретически обе даты оказываются реальными. Киевская княгиня могла ездить в Константинополь и через два года после крещения, и через двенадцать.

Однако первый вариант выглядит предпочтительней. Прежде всего в его пользу свидетельствует индикт, названный Порфирогенетом (о чем уже была речь выше). Но главное – этот вариант лучше накладывается на общую схему развития греко-русских отношений в середине X в. Имеющиеся в нашем распоряжении данные[32] позволяют связать, казалось бы, разрозненные, отрывочные сведения в единый, достаточно крепкий и монолитный узел, чрезвычайно важный как для Руси, так и для Византии.

Летом 944 г. Игорь Старый осуществил удачный поход против греков и принудил императора Романа заключить выгодный для Руси договор, восстанавливавший все основные ее преимущества в отношениях с Византией, утерянные после переворота 882 г. Одним из следствий этого договора явилось крещение киевского князя и его супруги. Однако вскоре после этого оба правителя сошли с политической сцены: Роман был лишен власти и заточен, Игорь погиб во время Древлянского восстания 945 г.

Таким образом, исчезли оба контрагента, заключавшие и подписывавшие договор, что поставило под угрозу реальную силу достигнутого соглашения (подобно тому как насильственная смерть Аскольда в 882 г. дала основания грекам фактически денонсировать договор 874 г.).

Этим, надо думать, и была вызвана поездка Ольги в Константинополь. Но результаты оказались далеко не блестящими; киевская княгиня возвратилась на Русь с чувством глубокого разочарования.

Следовательно, поездка Ольги в греческую столицу была хорошо мотивированной и преследовала существенные цели. В некотором смысле она была даже необходимой – несмотря на неблагоприятный исход. Для 957 г. такого обоснования предложить не можем. Во второй половине 50-х годов взор киевской княгини обращается на запад, но смерть "русофоба" Константина коренным образом меняет ситуацию.

Итак, предлагаемая схема примиряет различные точки зрения. Крещение Ольги действительно состоялось до константинопольского визита, описанного Порфирогенетом, и наличие пресвитера в ее свите вполне оправданно — так же, как и умолчание венценосного писателя об обращении русской архонтиссы. Дата крещения действительно приходится на время Константина и Романа, так что оба варианта хронологической дефиниции соответствуют реальности. Пребывание Ольги в Константинополе и ее крещение относится к понтификату Феофилакта (а не Полиевкта, если принять традиционную дату 957 г.). Император Константин действительно принимал Ольгу один, без соправителя, ибо в 946 г. Романа I уже не было в живых, а Роман II еще не был венчан на царство. Короче говоря, изложенная версия учитывает все достойные внимания факты и обстоятельства, не оставляя неразъясненным ни одного недоумения.

Дискуссионным, пожалуй, остается вопрос о месте крещения княжеской четы. Все источники единодушно называют Константинополь. С этим приходится считаться. Возможно, данные сведения соответствуют действительности, и мысль о двукратном посещении Ольгой византийской столицы получит новое подтверждение. Но, с другой стороны, настаивать категорически на такой версии было бы неосторожно.

Упоминание Константинополя в подобном контексте может быть объяснено литературной условностью. Хронистам XI в. (и греческим, и древнерусским) были известны два факта: крещение Ольги и ее пребывание в Цареградском дворце. При отсутствии достоверных подробностей их сюжетное сближение представляется вполне правдоподобным. Поэтому не видим оснований для отрицания мнения тех исследователей, которые полагают, что Ольга крестилась в Киеве либо в каком-нибудь другом городе на Руси, например — в Переяславе, где в то время находилась Русская православная кафедра, лишь в правление Ярослава Мудрого и стараниями митрополита Феопемпта передислоцированная в столицу Древнерусского государства.

[1] *ПВЛ.* — М. ; Л., 1950. — Т.1. — С.43–44.

[2] *Constantini* Porphyrogeneti : De cerimoniis. — Boenac. — 1829. — N XV.

[3] *Литаврин Г.Г.* К вопросу об обстоятельствах, месте и времени крещения Ольги // Древнейшие государства на территории СССР. — М., 1985. — 1986. — С.50–51.

[4] *Греков Б.Д.* Киевская Русь : Избр. тр. — М. ; 1959. — Т.2. — С.365; *Левченко М.В.* Очерки... — С.222; *Пашуто В.Т.* Внешняя политика... — С.66; *Сахаров А.Н.* Дипломатия древней Руси... — С.276; *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. — М., 1982. — С.370.

[5] *Литаврин Г.Г.* Путешествие русской княгини Ольги в Константинополь./Проблема источников // ВВ. — М., 1981. — Т.42; *Литаврин Г.Г.* О датировке посольства княгини Ольги в Константинополь // История СССР. — 1981. — № 5; *Литаврин Г.Г.* Состав посольства Ольги в Константинополь и "дары" императора // Византийские очерки. — М., 1982; *Литаврин Г.Г.* К вопросу об обстоятельствах...

[6] *ПВЛ.* — Т.1. — С.44.

[7] *Новгородская* первая летопись старшего и младшего извода. – М. ; Л., 1950. – С.113–115.
[8] *Устюжский* летописный свод. – М. ; Л., 1950. – С.25.
[9] *ПСРЛ.* – Т.9. – С.29; Т.26. – С.18; Т.27. – С.21, 186, 312; Т.28. – С.15, 169; Т.15. – С.62; Т.30. – С.21.
[10] *Там же.* – Т.1. – С.60; *Приселков М.Д.* Троицкая летопись. – М. ; Л., 1950. – С.82.
[11] *Левченко М.В.* Очерки... – С.223.
[12] *Joannis* Scylitzae Synopsis historiarum. – Berolini, 1973. – II. – P.239.
[13] *Joannis Zonarae.* Epitome historiarum libri XIII–XVIII. – Bonnae, 1897. – III, 194.
[14] *Синопсис.* – Спб., 1798. – С.36–37.
[15] *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь... – С.370.
[16] *Левченко М.В.* Очерки... – С.228–229; *Мавродин В.В.* Образование... – С.256–257; *Сахаров А.Н.* Дипломатия древней Руси... – С.284.
[17] *Костомаров Н.И.* Предания русской летописи // Вестн. Европы. – 1913. – Ч.2. – С.11–63; *Шахматов А.А.* Введение в историю русского языка. – СПб., 1916. – С.75; *Приселков М.Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. – СПб., 1913. – С.9–14; *Пархоменко В.А.* Древнерусская княгиня, святая равноапостольная Ольга. – Киев, 1911; *Пархоменко В.А.* Начало христианства на Руси. – Полтава, 1913. – С.129–140.
[18] *Грушевський М.С.* Історія України–Русі. – К., 1913. – Т.1. – С.451; *Мавродин В.В.* Образование... – С.254.
[19] *Айналов Д.В.* Очерки и заметки... – С.299–300.
[20] *Литаврин Г.Г.* К вопросу об обстоятельствах... – С.52–54.
[21] *Острогорский Г.* Византия и киевская княгиня Ольга // To Honor of Roman Jakobson. – Paris, 1967. – Vol.II. – P.1466; *Литаврин Г.Г.* К вопросу об обстоятельствах... – С.55.
[22] *Continator* Reginonis Trevirensis. Monumenta Germaniae Historiae, Scriptores, 1925. – P.624–625; *Голубинский Е.* История русской церкви. – С.103.
[23] *Голубинский Е.* История русской церкви. – С.103, 624; Имя Романа называет Маринский летописец, очевидно, на основании западных хроник (*ПСРЛ.* – Т.31. – С.39).
[24] *Пархоменко В.А.* О крещении св.Ольги // Вера и разум. – 1911. – № 10; *Левченко М.В.* Очерки..., С.229; *Ариньон Ж.П.* Международные отношения... – С.16.
[25] *Голубинский Е.* История русской церкви. – С.69–71.
[26] *ПВЛ.* – Т.1. – С.34–39.
[27] *Там же.* – С.39.
[28] *Там же.*
[29] *Там же.*
[30] Естественно, при живом муже Ольга не могла переменить веру без его ведома и согласия (*Голубинский Е.* История русской церкви... – С.75–76).
[31] *ПВЛ.* – Т.1. – С.39–40.
[32] *Там же.* – С.45.

Н.Ф.КОТЛЯР

ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКАЯ РУСЬ И ВИЗАНТИЯ В XII–XIII ВВ. (связи реальные и вымышленные)

Сопоставляются сведения различных источников, летописей и хроник, устанавливаются степень и характер внешнеполитических связей Галицко-Волынской Руси с Византией в XII–XIII вв.

©Н.Ф.Котляр, 1991
ISBN 5-12-003266-4. Южная Русь и Византия. К., 1991

Русско-византийские отношения второй половины XII–XIII вв. в значительной мере отличались от связей предыдущего времени между двумя великими державами средневековья. Канули в прошлое большие войны, морские и сухопутные походы русских на Царьград, государственные договоры, обмены полномочными посольствами. Расколовшая Русь на полтора десятка земель и княжеств феодальная раздробленность стала главной причиной того, что отношения между двумя странами как бы измельчаются, сводятся к локальным контактам между императорским престолом и главами тех или иных княжеств, переносятся преимущественно в церковную сферу. Едва ли не на первый план по интенсивности и важности новых связей с Византией выдвигаются Галицкая и Волынская земли.

На Руси отчетливо представляли это. В сознании древнерусского общества XII–XIII вв. Галицко-Волынская Русь и Византия постоянно пребывали в дружеских отношениях. Первая оказывала второй военную помощь, в Галиче скрывался от опасности будущий греческий император, а галицкие послы с почетом принимались в Царьграде. Такая уверенность в близости двух дворов временами рождала искаженные представления о характере отношений Галицко-Волынской Руси с империей. Это отразилось и в древнерусской письменности.

Возникшее не ранее 30–40-х годов XII в. и сразу же стремительно возвысившееся, Галицкое княжество с первых десятилетий своего существования стремилось вести независимую политику в отношении могущественного южного соседа. В 60-х годах князь Ярослав Владимирович заключил союз с Венгрией против греков и оказал поддержку сопернику императора Мануила I Андронику Комнину. Киевская летопись отметила, что в 1164 г. "прибеже ис Царягорода братан царев кюр Андроник к Ярославу в Галич, и прия и Ярослав с великою любовью"[1].

Император был недоволен Ярославом, который очень гостеприимно принял беглеца, – по словам Киевской летописи, "да ему (Андронику. – *Н.К.*) неколико городов на утешение". Андроник подружился с галицким князем, принимал участие в его пирах и "ловах", особенно отличившись в опасной охоте на зубров. Он даже заседал в княжеской думе вместе с ближними боярами.

Однако Андроник пробыл в Галиче недолго, поскольку Мануил пошел на примирение и прислал за ним посольство. Это событие отразилось в Киевской летописи, воспользовавшейся в данном случае, несомненно, галицким источником: "Потом же присла царь два митрополита, вабя и (Андроника. – *Н.К.*) к собе; Ярослав же пусти к нему (Андроника. – *Н.К.*) с великою честью, приставив к нему пискупа своего Кузму и мужа своя передняя"[2].

Затем Мануил I сумел расстроить русско-венгерский союз и восстановить дружеские отношения с Галичем. Зимой 1165 г., намереваясь напасть на Венгрию, император решил привлечь на свою сторону Киев-

скую Русь, в частности галицкого князя. По свидетельству Киннама, "в Тавроскифию отправился некто Мануил, производящий свой род от Комнинов. Он должен был напомнить правителю русов о заключении с императором договора и упрекнуть за дружбу к галицкому князю Ярославу, нарушителю договора с Византией, гостеприимно приютившего у себя бежавшего из византийской тюрьмы Андроника". Приведенный отрывок относится к тогдашнему киевскому князю Ростиславу Мстиславичу, правителю слабому, заискивавшему перед Ярославом. Поэтому одновременно, как сообщает Киннам, греческий император отправил письмо Ярославу Галицкому, призвав его к участию в войне против Венгрии[3]. Русская летопись, к сожалению, обходит вниманием этот сюжет, но из византийских источников создается впечатление, что Мануил добился своего.

В 1185 г. Андроник, бывший императором с 1183 г., потерявший популярность в народе и находившийся под угрозой свержения с престола, вновь пытался убежать на Русь, вероятно, к Галицкому князю Ярославу, но неудачно[4]. Об этом также могло быть известно русским людям. Поэтому в их представлении Ярослав Владимирович являлся могущественным монархом, находившимся в близких отношениях с самим византийским василевсом.

По всей вероятности, подобным представлением древнерусского общества объясняется смысл обращения "Слова о полку Игореве" к галицкому князю:

"Галичкы Осмомысле Ярославе!
Высоко седиши на своем златокованнем столе,
подпер горы Угорскыи своими железными плъки,
заступив королеви путь, затворив Дунаю ворота,
меча бремены чрез облакы, суды рядя до Дуная.
Грозы твои по землям текут, отворяеши Киеву врата,
стреляеши с отня злата стола салътани за землями"[5].

Певец "Слова" рисует образ могущественного властелина, повелевавшего Киевом и "замкнувшего на замок" свои рубежи от Византии, земли которой достигали Дуная. "Слово о полку Игореве" настойчиво подчеркивает, что и Галицкая земля простиралась до Дуная: выражение "суды рядить" означает, что, по мнению его автора, Ярослав осуществлял судебно-административную власть на огромной территории – вплоть до Дуная, несомненно, Нижнего, поскольку Средний Дунай в ту пору находился в сфере политического влияния Венгрии и Византии.

Смысл обращения "Слова" к Ярославу Владимировичу нельзя сводить лишь к владению Галицким князем территорией по Нижнему Дунаю: в этом случае было бы "на Дунае", а не "до Дуная". Отсюда многие историки делали вывод, что южная граница Галицкого княжества в 80-х годах XII в. проходила по левому берегу Дуная – в его нижнем течении.

Проведенное нами исследование убедило, что в действительности южная граница Галицкого княжества времен Ярослава Владимировича и позднее пролегала вдоль среднего течения реки Днестр, где опорными крепостями были Кучелмин, Ушица, Василев, Калюс и Бакота[6]. Помимо них в низовьях Дуная размещались какие-то русские поселения, не входившие в состав Галицкого княжества. Там проживали и действовали с оружием в руках бродники – в основном этнически русская вольница. В низовьях Дуная одно время находился злейший враг Ярослава Иван Берладник – первый на Руси князь-кондотьер. С отрядами бродников и берладников (разновидность бродников) он захватывал галицкие торговые корабли и "пакостяше рыболовом галичьскым"[7].

Таким образом, хотя Нижнее Подунавье в XII и XIII вв. не зависело от галицких князей, происходившие там события, связанные с мятежной деятельностью бродников и берладников, создавали в общественном мнении представление, что Галицкая Русь граничит с Византией. Еще более могла укрепить в этом мнении смерть в 1162 г. бежавшего от преследований Ярослава Ивана Барладника в греческом городе Фессалониках, по всей вероятности, от руки подосланного галицким князем убийцы, на что недвусмысленно намекает летопись[8].

Менее ясна следующая строчка обращения "Слова о полку Игореве" к Ярославу Галицкому: "Стреляеши с отня злата стола салътани за землями". Еще в 40-х годах XIX в. Д.Н.Дубенский предложил правдоподобное объяснение этого загадочного места памятника: "Около 1185 г. Фридерик Барбаросса занят был важным делом – сборами в Палестину на героя Востока султана Саладина (в третий крестовый поход. – *Н.К.*). Галичане вместе с венграми могли принять участие в походе или по крайней мере вызываемы были на святое дело сильным соседом"[9]. Предложенное объяснение принято Д.С.Лихачевым и другими знатоками "Слова о полку Игореве". Киевская летопись под 1190 г. свидетельствует, что царь немецкий пошел биться "за гроб господень"[10]. Барбаросса вмешивался в русские дела. Он поддержал сына Ярослава Владимира и помог ему усидеть на зашатавшемся было под ним Галицком престоле. За это, по свидетельству того же киевского летописца, Владимир "ял бо ся бяше давати цареви (Фридриху Барбароссе. – *Н.К.*) по 2000 гривен серебра до года"[11].

Итак, вполне вероятно, что галицкие воины участвовали в третьем крестовом походе. Но вызывает удивление, что автор "Слова", создавший это произведение в 1187 г., как считалось раньше, или в 1188 г., по мнению Д.С.Лихачева, не знал, что ко времени третьего крестового похода, 1189–1192 гг., Ярослав уже скончался (1 октября 1187 г.) и никак не мог "стрелять салтанов за землями". Эти слова выглядят позднейшей вставкой, как, впрочем, и следующий фрагмент "Слова о полку Игореве", содержащий обращение к волынскому (в конце 80-х годов XII в.) князю Роману Мстиславичу:

"А ты, буй Романе и Мстиславе!
Храбрая мысль носить ваш ум на дело...
Суть у вас железныи паробци под шеломы латиньскими.
Тем: тресну земля, и многы страны –
Хинс ia, Литва, Ятвязи, Деремела и половци сулици своя
повръгоша, а главы своя подклониша под тыи мечи харалужныи"[12].

Оставляя в стороне успешные войны Романа Мстиславича, – а в этом обращении певца "Слова" речь идет, по всей вероятности, о нем одном, – с до сих пор непонятными "хиновой" и "деремелой" и хорошо известными на Руси агрессивными литовскими и ятвяжскими племенами. Отметим, что в приведенном фрагменте литературного памятника речь идет не об обычной стычке с половцами, которыми изобиловала древнерусская история второй половины XI – начала XIII в., а о разгроме и покорении их Романом Мстиславичем.

На политической арене сын великого князя киевского Мстислава Изяславича Роман впервые появился в 1168 г., когда в Новгородской летописи было кратко отмечено: "Приде князь Роман Мьстиславиць, внук Изяславль, Новугороду на стол, месяца апреля в 14"[13]. Киевский летописец указывает, что новгородцы "просяче сына у него"[14] (Мстислава. – *И.К.*). Но когда Мстислав Изяславич, в следующем году потеряв киевское великое княжение, ушел на Волынь и умер там в 1170 г., так и не вернув себе стольный град Руси, "новгородци показаша путь князю Роману"[15] – юноша был ценен для них только как сын великого князя киевского. Он был неопытен и делал только первые шаги на государственном поприще.

С 1170 г. Роман княжил в доставшемся ему от отца домене – Владимире Волынском с княжеством, занимая весьма скромное место в южнорусской правящей иерархии. Вплоть до смерти Ярослава Владимировича в 1187 г. он, образно выражаясь, находился в глубокой тени своего могущественного соседа. После кончины Ярослава Роман предпринял попытку отбить Галич у сына последнего – Владимира, но потерпел неудачу.

Тем не менее с конца 80-х годов начинается медленное восхождение Романа Мстиславича по иерархической лестнице. Этому способствовала его женитьба на дочери Рюрика Ростиславича, и когда тот, после смерти своего соправителя в Киеве Святослава Всеволодича становится единовластным великим князем, то открывает путь зятю в Поднепровье. Вначале, не позднее лета 1195 г., Роман получает от тестя пять городов в Киевской земле (Торческ, Богуслав, Триполье, Корсунь и Канев), а затем другой удел в той же земле – город Полонное с округой[16]. Лишь после овладения волостью в Киевской земле возникает объективная возможность столкновения Романа Мстиславича с Половецкой степью. До 1187 или 1188 г. – времени написания "Слова о полку Игореве" – такой возможности у него попросту не было. Нами давно высказывалось предположение, что в нынешнем виде обращение "Слова" к Роману появилось позднее создания самого памятника[17].

В период между 1197 и 1204 гг. Роман Мстиславич осуществил три победоносных похода против половецких ханов. Два из них – второй и третий – известны русской летописи. Лаврентьевский свод датирует их 1202 и 1205 гг.[18] Однако первый поход остался неведом нашим летописцам. О нем повествует византийский историк-современник Никита Хониат. Он начинает рассказ о военном предприятии Романа словами "В следующем году..."[19] Поэтому, дабы верно датировать это событие, – сам Хониат почти никогда не приводит точных дат, – следует внимательно рассмотреть записи предыдущего года. В них речь идет о соперничестве за власть между сыновьями турецкого султана Килич-Арслана II (1152–1188) в Иконии и Малой Азии. Запись заканчивается сообщением, что старший сын Султана Рукратин выгнал из Икония младшего Кайхосроя и последний бежал вначале в Малую Армению, к Леону II, а затем в Константинополь, к Алексею III Ангелу[20]. Первое правление Кайхосроя продолжалось с 1192 по 1196 г.[21] Следовательно, можно считать, что поход Романа Мстиславича против половцев состоялся в 1197 или в крайнем случае в 1198 г., если прибавить время на скитания изгнанника.

Итак, в 1197 или 1198 г. половцы совместно с болгарами вторглись в Византию, опустошили прилегавшие к Константинополю земли и намеревались подступить к самой столице, как вдруг Роман внезапно напал на них, прошел через их кочевья, нанес врагам сокрушительное поражение, чем оказал важную услугу империи[22]. По всей вероятности, он ударил на них из недавно полученной Полоннской волости в Киевской земле. Очевидно, волынский князь откликнулся на просьбу о помощи греческого императора. В связь с этими событиями следует, возможно, поставить пребывание галицкого посольства в Царьграде в 1200 г.[23] (в 1199 г. Роман, наконец, сумел объединить Галицкую и Волынскую земли в могущественное княжество).

Таким образом, к рубежу XII и XIII вв. отношения между Галицко-Волынской Русью и Византией были особенно дружественными и даже союзническими. Об этом знали в древнерусских землях, чем и следует, вероятно, объяснить бытовавшую в средневековой историографии версию о бегстве византийского императора в Галич после взятия Константинополя крестоносцами.

Событиям, связанным с IV крестовым походом и созданием Латинской империи, посвящено немало источников и поистине необъятная научная литература. Однако доселе остается неясной судьба императора Алексея III Ангела[24], исчезнувшего летом 1203 г. из осажденного крестоносцами Константинополя. Страшная трагедия гибнущего города, многих тысяч унесенных жизней и разрушенного государства, естественно, затмила невыразительную фигуру императора, который не пользовался вниманием современных ему историков и хронистов даже в годы пребывания на престоле. Попытка проследить дальнейшую судьбу Алексея III после бегства из окруженной врагами столицы пред-

ставляется нам целесообразной в связи с тем, что в отечественной научной литературе с его именем обыкновенно связывают фантастическую историю, ведущую к ошибочному пониманию характера и хода русско-византийских отношений начала XIII в. Вплоть до нашего времени в работах историков-русистов можно прочесть, будто бы Алексей III Ангел нашел пристанище в Галиче, у князя Романа Мстиславича.

Историки далекого прошлого были менее категоричны в утверждении этой версии, чем наши современники. Например, В.Н.Татищев осторожно заметил: "О Алексии же императоре Бельский* сказует, что пришед к Роману, просил помощи, но с чем и куда отъехал, не объявлено, и в иностранных (источниках. – *Н.К.*) сего не нахожу"[25]. В подобном же сдержанном тоне высказывался в 70-х годах прошлого столетия и Н.П.Дашкевич со ссылкой на польского историка Длугоша[26]. Но уже в начале нашего столетия строгий знаток генеалогии Н.Баумгартен утверждал эту версию без малейшего сомнения[27]. Точно так же современный исследователь Д.С.Лихачев пишет как об известном всем факте, даже без ссылки на источник, что Роман Мстиславич "...приютил у себя византийского императора Алексея III Ангела после изгнания его крестоносцами из Константинополя"[28]. Подобного мнения придерживается и Б.А.Рыбаков: "У Романа искал приюта византийский император Алексей III Ангел, изгнанный из Царьграда в 1204 г. рыцарями-крестоносцами"[29]. Отметим еще одну существенную неточность процитированных трудов: император бежал из Константинополя **до** а не **после** взятия города участниками IV крестового похода.

Было бы несправедливо не отметить прозвучавший в начале века одинокий голос М.С.Грушевского, который счел известие о бегстве императора Алексея III в Галич "простым недоразумением компилятора" (одного позднего русского источника); но и этот ученый признался, что "не мог понять, каким способом появилась такая мысль"[30]. Поэтому мы позволим себе рассмотреть подробности скитаний свергнутого властелина и предложить свою версию рождения мнения о его бегстве на Русь. Отметим прежде всего, что император никогда не бывал на Галицкой Руси, о чем выразительно свидетельствуют источники, современные падению Византии в 1204 г. и первым годам существования Латинской империи.

О странствиях Алексея III Ангела узнаем главным образом из фундаментального труда византийского историка второй половины XII – начала XIII в., уже упоминавшегося нами Никиты Хониата, оставившего, пожалуй, наиболее подробное и яркое описание последних дней Византийской империи. Историк сообщает, что во время первой осады Константинополя крестоносцами (июнь – июль 1203 г.) император после некоторых размышлений бежал во Фракию, в город Девельт[31]. Затем он перебрался в Адрианополь, не теряя надежды вновь

завладеть троном. Но вскоре его племянник Алексей IV Ангел*, опираясь на поддержку одного из руководителей крестоносцев Бонифация Монферратского, изгнал дядю из этого города[32]. Далее в рассказе Никиты Хониата речь идет о событиях, происшедших уже после взятия крестоносцами греческой столицы (апрель 1204 г.). В г.Лариссе (Фессалия) Алексей III объединился со своим зятем Львом Згуром – правителем городов Навплии и Коринфа на Пелопоннесе.

В связи с победоносным продвижением в материковую Грецию войск Бонифация Монферратского Алексей III попытался укрыться в Темплейской долине[33], между горами Олимпом и Оссой, по реке Пенею, однако был схвачен Бонифацием и поселен в местности Альмире[34] (по-гречески нечто вроде "солено-горькое", с намеком на горькую судьбину экс-императора). Далее мы видим Алексея III в Фессалониках, где он попытался восстать против Бонифация, но неудачно. Последний отослал бывшего императора к "правителю алламанов". В конце своего рассказа Никита Хониат высказывает ужас по поводу того, что византийского императора, пусть и бывшего, выслали за пределы империи: "Для ромеев это было неслыханным и невиданным"[35].

Современник IV крестового похода Ж.Вилльардуэн со многими подробностями описал штурм и разорение Константинополя крестоносцами, а также первые годы существования Византийской империи. Он сообщает, что Бонифаций Монферратский арестовал ("prist") Алексея III Ангела, отослал в Константинополь к своему синьору, императору Бодуэну (Балдуину Фландрскому) отнятые у Алексея III императорские регалии*, а его самого с супругой отправил в свои владения в Северной Италии, в Монферрат, где знатных пленников заключили в тюрьму[36].

Поскольку маркграфство Монферрат расположено к северу от Генуи, немалое значение имеет следующая запись в "Генуэзских анналах" под 1205 г.: "Маркиз Бонифаций Монферратский, которому принадлежала власть и королевство Солунское (Фессалоники. – *Н.К.*), когда пришел для осады Навплии и Коринфа, которыми владел Алексей, бывший константинопольский император, самого Алексея, его жену и сына (ошибка писца, нужно было "filiam", ведь Алексей III имел дочь, а не сына. – *Н.К.*) схватил и при помощи Энрико из Кармандина направил в Геную на одной галере под названием "Portus Veneris" (т.е. "Portovenere", приморский город вблизи Генуи, существующий и ныне. – *Н.К.*), которая стояла в Фессалониках. Когда они причалили к берегу в Генуе, маркиз Вильгельм, сын Бонифация, за которым из Генуи прибыл посол, самого императора, его жену и сына вместе с собой перевез в Монферрат"[37].

Привлекает внимание изобилие достоверных деталей в записи "Генуэзских анналов". Напротив, известия Никиты Хониата делаются

все более беглыми и общими по мере отдаления экс-императора от столицы империи. Описывая чуть ли не каждый шаг Алексея III вблизи Константинополя, во Фракии и Фессалии, Никита Хониат ограничивается лишь лаконическим замечанием относительно дальнейшей судьбы свергнутого властелина: его отослали к "правителю алламанов". Поэтому рассказ византийского историка мы можем считать заслуживающим полного доверия лишь для начального этапа странствований Алексея III. Следующим пунктом на его пути, в соответствии со свидетельствами Вилльардуэна и "Генуэзских анналов", принимаем маркграфство Монферрат. Это подтверждается сообщением весьма осведомленного хрониста Салимбене (1221–1290), самолично бывавшего в Генуе. Под 1205 г. он повествует: "Непобедимый маркиз (Бонифаций Монферратский. – *Н.К.*) захватил побежденного Алексея, бывшего императора, с женой и переслал его в Ломбардию (широкое понятие, относящееся ко всей Северной Италии. – *Н.К.*), чтобы сидел под стражей и чтобы его удерживали от тирании, которую он всегда осуществлял"[38].

Свидетельство Никиты Хониата об отправке свергнутого императора в Германию следует, по-видимому, объяснить сугубо логической ошибкой: говоря о "правителе алламанов", византийский историк, вне сомнения, имел в виду германского императора Филиппа Швабского, который поддержал Алексея IV, племянника Алексея III, в борьбе с дядей за византийский престол. Никита Хониат, потерявший из виду бывшего императора, естественнее всего мог предположить, что Алексея III отдали в руки одного из главнейших его недругов.

Рассмотренные источники сходятся в главном: Алексея III Ангела схватил Бонифаций Монферратский, один из руководителей четвертого крестового похода, и отослал в Западную Европу. Однако византийский писатель Георгий Акрополит (1217–1282), внимательный и добросовестный историк, сообщает версию, несколько отличающуюся от изложенной Никитой Хониатом, Вилльардуэном и Салимбене.

Георгий Акрополит пишет, что Алексей III после бегства из Константинополя прибыл вначале в Филиппополь в Македонии, а затем в Мосинополь, откуда направился в Фессалоники, где поднял восстание против Бонифация Монферратского. Но в отличие от Никиты Хониата Георгий Акрополит утверждает, что Бонифаций изгнал, а не пленил экс-императора из Фессалоник вместе с женой и дочерью Евдокией. Алексей III был вынужден бежать в Коринф, к Згуру, но через некоторое время, опасаясь ареста, подался в Эпир, к своему двоюродному брату Михаилу. В дороге его схватили лангобарды (реминисценция его пленения Бонифацием Монферратским?), но он сумел откупиться. Далее Георгий Акрополит рассказывает, что из Эпира бывший император поехал к сельджукскому султану Гияс-эд-дин-Кей-Хюсреву I[39] (этот историк называет его Ятатином). Однако в этом месте сочинения Георгия Акрополита имеется хронологическая лакуна: у султана Алексей III появился в 1210 г.[40], а Бонифаций (или соответ-

ственно лангобарды Акрополита) захватил его в плен в 1205 г.* Георгий Акрополит не знал об отсылке Алексея III в Монферрат и поэтому описал как близкие по времени события, на самом деле разделенные несколькими годами. Трудно сказать, где именно пребывал до появления у сельджукского султана Алексей III Ангел. Никита Хониат и Вилльардуэн более не интересовались судьбой сброшенного с престола императора и не упоминали о нем после 1205 г. Возможно, Алексей III выехал (или бежал) из Монферрата и ранее 1210 г., например, в 1207 г., когда скончался Бонифаций.

В последующих разделах своей хроники Георгий Акрополит повествует о войне между никейским императором Федором I Ласкарем (1204–1222) и султаном Гияс-эд-дин-Кей-Хюсревом I, на стороне которого находился и Алексей III. В битве вблизи Антиохии на р.Меандре в Малой Азии весной 1211 г.[41] победили войска Ласкаря. Султан погиб, а Алексей III попал в плен. Его отвезли в Никею, торжественно сняли с него атрибуты императорской власти и заключили в монастыре св.Иакинфа, где экс-император вскоре и умер[42]. К этой части сообщения Георгия Акрополита стоит отнестись с доверием, поскольку, находясь в Никее, греческий историк хорошо знал малоазийские дела.

Мнение о бегстве Алексея III в Галич разделяют отнюдь не все отечественные ученые. Специалисты в области истории Византии, например, или вовсе не рассматривают приключений этого императора после его бегства из осажденного Константинополя или в соответствии с доступным им грекоязычным материалом источников коротко упоминают, что Алексей III Ангел вначале находился во Франции[43], а затем его вывезли на Запад. Поэтому происхождение легендарной версии о бегстве Алексея III в Галич к галицко-волынскому князю Роману Мстиславичу, на наш взгляд, естественнее всего искать в круге источников, наиболее известных, да и доступных большинству историков-русистов[44]. Поиски приводят к двум сравнительно поздним произведениям, не заслуживающим особенного доверия относительно рассматриваемого нами сюжета. Речь идет об "Истории Польши" Яна Длугоша (1415–1480) и о так называемой Густинской летописи, созданной, вероятно, в 20-х годах XVII в.[45]

Под 1201 г. Я.Длугош сообщает, что греческий город Константинополь, в котором правил некто Асхарь ("Ascharius"), захватили венецианцы и немцы. Асхарь удрал через Черное море в Херсонес, откуда прибыл в Галицию, где его приветливо и доброжелательно принял русский князь Роман, у которого беглец пребывал некоторое время[46].

Упомянутый Я.Длугошем Асхарь мог быть только Федором I Асхарем, будущим императором Никейской империи, который, как мы уже знаем, пленил Алексея III при Антиохии. Известно, что ни один Ласкарь никогда не правил в Константинополе до 1204 г. и не бежал оттуда. Курьезное сообщение Я.Длугоша представляется возможным разгадать, если принять во внимание, что арабские писатели начиная

с XIII в. всех византийских императоров, и не только Ласкарей, но и Палеологов, именуют вообще, вне зависимости от их настоящих имен, "Ласкарями". Как бы там ни было, уже то, что Алексея III Ангела польский историк называет "Асхарем", свидетельствует, что известие о падении Константинополя и последующих событиях Я.Длугош взял из вторых рук.

По нашему мнению, рассказ польского историка о бегстве византийского императора в Галич и о якобы имевшем место дружественном приеме, устроенном в его честь галицким князем, напоминает приведенное выше сообщение Киевской летописи о пребывании будущего императора Андроника Комнина у Ярослава Владимировича Галицкого в 1164 г. Но был у Я.Длугоша, думается, еще один яркий летописный пример, повлиявший на его рассказ о путешествии свергнутого греческого императора на Русь, о чем речь пойдет ниже.

А пока отметим, что не исключена возможность, что на "Историю" Я.Длугоша опирались чрезвычайно популярные в Европе и на Руси польские хронисты XVI в. – уже упомянутый нами М.Бельский и Мартин Кромер (1512–1589), известия которых, по свидетельству самого составителя Густинской летописи, положены в основу его записи о бегстве Алексея III к Роману Мстиславичу в Галич. Характерно, что и в "Истории" Я.Длугоша, и в Густинской летописи рассказ об осаде Константинополя крестоносцами и бегстве императора помещен под одной и той же (при этом неверной) датой – 1201 г. Но более позднее, чем свидетельство Длугоша, сообщение Густинской летописи является и более подробным, изобилуя неизвестными польскому писателю исторически важными деталями.

Вначале Густинская летопись повествует об узурпации власти Алексеем III, затем об отъезде Алексея IV, сына сброшенного с престола Алексеем III Исаака Ангела, за помощью к Филиппу, "кесарю немецкому", наконец, о приходе крестоносцев к Константинополю: "Они же придоша ко Цариграду морем, и обретоша Алексея Ангела, царя греческого, неготова (застав его врасплох. – *Н.К.*), их же Алексей убоялся, к сему же яко не имея в Грецах (Византии. – *Н.К.*) никогожде себе приязного, сего ради оставив царство Исаакию, ослепленному брату своему, а сам со своими бояры и со множеством богатства и сокровищ побеже в Русскую землю, ко Роману Мстиславичу, в Галич"[47].

В основном, приведенное сообщение Густинской компилятивной летописи построено, как упоминалось, на известиях польских историков XVI в. Но последние, в свою очередь, могли заимствовать их из каких-то более ранних источников. Возможно, что Я.Длугош, М.Кромер и М.Бельский воспользовались ныне утраченной древнерусской летописью[48]. С нашим мнением н согласен польский историк И.Граля, полагающий, что версия Длугоша о пребывании Алексея III Ангела в Галиче идет от "Новой церковной истории" Птолемея из Лукки, написанной в 1294–1313 гг.[49] Однако его гипотеза представляется

нам надуманной и недостаточно обоснованной источниковедчески. В случае наличия древнерусского источника, общего для польских историков и хронистов, с одной стороны, и Густинской летописи – с другой, возникновение версии о бегстве Алексея III Ангела на Русь можно представить следующим образом.

На Руси конца XII – начала XIII в. продолжали помнить о гостевании будущего греческого императора Андроника Комнина в Галиче у князя Ярослава. Галицкие ратники, вероятно, ходили в третий крестовый поход, а Роман Мстиславич Волынский помог империи отразить нашествие половцев.

Вполне естественно, что, находясь далеко от событий в Византии 1203–1205 гг., древнерусский летописец мог прийти к выводу, что Галицко-Волынская Русь и ее стольный град были наилучшим и наибезопаснейшим местом на земле для союзника Романа Мстиславича Алексея III Ангела. Вполне вероятно, что подобная книжная легенда могла родиться даже в оригинальном источнике начала XIII в. В этом нас убеждает отмеченное сразу несколькими летописями, аутентичность которых не вызывает малейших сомнений, известие о приходе в Новгород в 1186 г. греческого царя Алексея: "Том же лете приде цесарь грьцьский Алекса Мануиловиць в Новъгород"[50].

Сын императора Мануила I Комнина Алексей II Комнин в момент смерти отца (1180) был еще ребенком. Андроник I Комнин стал вначале соправителем Алексея (с мая по сентябрь 1183 г.), а затем умертвил его[51]. Следовательно, Алексей Мануилович никак не мог побывать на Руси в 1186 г.

Известный дореволюционный ученый Х.М.Лопарев высказал остроумную гипотезу, в соответствии с которой в 1184 г. в Новгороде появился двоюродный внук императора Мануила I Комнина по имени Алексей, изгнанный за пределы империи Андроником I Комниным[52]. Согласно этой гипотезе, Алексей Комнин, надеясь получить в Новгороде финансовую поддержку в борьбе против Андроника, выдал себя за сына императора Мануила Алексея II. По мнению Х.М.Лопарева, беглец воспользовался тем, что в Новгород не успели еще дойти известия о гибели подлинного Алексея II. Однако эта смелая гипотеза не подтверждается источниками.

Мы думаем, что после убийства мальчика Алексея II Андроником пошли слухи на Руси о его бегстве в Новгород. Эта версия, подобная приведенной выше, вероятно, родилась из общего для древнерусской летописной литературы представления об интенсивности галицко-волынско-византийских связей второй половины XII – начала XIII в. и, возможно, повлияла также на создание легенды о бегстве императора Алексея III Ангела в Галич.

[1] *ПСРЛ* (Ипатьевская летопись) : 2-е изд. – Спб., 1908. – Т.2. Стб. 524. Летописная дата (6673 г.) уточнена в соответствии с исследованием: *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. – М., 1963. – С.176–177.

[2] *ПСРЛ.* – Т.2. – Стб. 524.
[3] *Cinnami.* – V, *10*/ ed. Bonn. – P.232, 235; *Vasiliev A.A.* Was Old Russia a vassal state of Byzantium? // Speculum. – Vol. VII. – N 3.
[4] *Nic. Chon.* De Andron. – II, *11*/ ed. Bonn. – P.452.
[5] *Слово* о полку Игореве / Под ред. В.П.Адриановой-Перетц. – М. ; Л., 1950. – С.22.
[6] *Котляр Н.Ф.* Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси X–XIII вв. – Киев, 1985. – С.99–109.
[7] *ПСРЛ.* – Т.2. – Стб. 497.
[8] *Там же.* – Стб. 519.
[9] *Дубенский Д.Н.* Слово о полку Игореве. – М., 1844. – С.158–160.
[10] *ПСРЛ.* – Т.2. – Стб. 667.
[11] *Там же.* – Стб. 666.
[12] *Слово* о полку Игореве. – С.23.
[13] *Новгородская* первая летопись старшего и младшего изводов. – М. ; Л., 1950. – С.33.
[14] *ПСРЛ.* – Т.2. – Стб. 543.
[15] *Новгородская* первая летопись старшего и младшего изводов. – С.33.
[16] *ПСРЛ.* – Т.2. – Стб. 681, 683.
[17] *Котляр М.Ф.* Чи міг Роман Мстиславич ходити на половців раніше 1187 р.? // УІЖ. – 1965. – № 1.
[18] *ПСРЛ* (Лаврентьевская летопись). – Л., 1927. – Т.1. – Стб. 417, 419. 1205 г. соответствует в действительности 1204 у-г. *Бережков Н.Г.* Указ. соч. – С.88.
[19] *Nic. Chon.* De Alex. Is. Ang. fr. – III, *5* / ed. Bonn. – P.691.
[20] *Ibid.*, III, *4*. – P.688–691.
[21] *Гордлевский В.* Государство сельджукидов в Малой Азии. – М. ; Л., 1941. – С.185–186.
[22] *Nic. Chon.* – III, *5*. – P.691–692.
[23] *Книга* Паломник : (Сказание мест святых во Цареграде Антония, архиепископа новгородского в 1200 году). – Спб., 1899. – С.15.
[24] Алексей III Ангел царствовал с 8 мая 1195 г. по 18 августа 1203 г. Здесь и далее даты правления византийских императоров приведены по: *Fr. Dölger.* Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches. – 2 Teil: Regesten von 1025–1204. – München; Berlin, 1925.
* Мартин Бельский (1495–1575) – польский хронист.
[25] *Татищев В.Н.* История Российская. – М. ; Л., 1964. – Т.3. – С.257.
[26] *Дашкевич Н.П.* Княжение Даниила Галицкого по русским и иностранным источникам. – Ки , 1873. – С.96.
[27] *Баумгартен Н.* Вторая ветвь князей галицких // Летопись историко-родословного общества в Москве. – 1909. – Т.5, вып.1. – С.9.
[28] *Лихачев Д.С.* Комментарий исторический и географический // Слово о полку Игореве. – С.445.
[29] *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества в XII–XIII вв. – М., 1982. – С.515.
[30] *Грушевський М.С.* Історія України–Руси. – Львів, 1905.-Т.3. – С.12.
[31] *Nic. Chon.* De Alex. Is. Ang. fr. – III, *10* / ed. Bonn. – P.723.
* *Алексей* IV (вместе с отцом Исааком Ангелом) правил с 18 августа 1203 по 29 января 1204 г.
[32] *Nic. Chon.* De Is. Ang. cum Alex. fil., 3 / ed. Bonn. – P.735.
[33] *Nic. Chon.* Urbs capta / ed. Bonn. – P.803.
[34] *Ibid.* – P.808.
[35] *Ibid.* – P.819.
* "Les houses vermeilles et les draps emperial", т.е. пурпурные сандалии (их имели право носить только византийские императоры) и императорские одеяния. *Treitinger O.* Die oströmische Kaiser – und Reichsidee nach ihrer Gestaltung im hö

lischen Zeremonieli vom oströmischen Staats – und Reichsgedanken. – Darmstadt, 1959. – S.25.

[36] "Il envoya puis après l'empereor Alexi et l'empereriz sa fame en prison en Monferrat" (*Geoffroy* de Villehardouin. La conquête de Constantinople. – Cap. 68; цит по: *Historiens* et Chroniqueurs du Moyen Age / Ed. A.Pauphilet et E.Pognon. – Paris, 1952. – P.160).

[37] "...Ipsumque imperatorem, uxorem et filium apud Monteferratum secum duxit" (*Annales* Januenses (Operi Panis Annales) / Monumenta Germaniae Historica– Scriptores (далее – MGH SS). – 1863. – T.XVIII. – P.123).

[38] "Verumtamen invictus marchio vinctum, quem ceperat, Alexium condam imperatorem cum uxore misit in Lombardiam, ut in custodia servaretur et a tyrannide, quam semper exercuerat, arceretur" (*Cronica* fratris Salimbene de Adam // MGH SS. – T. 32. – P.25).

[39] *Georgii* Acropolitae Opera / Rec. Aug. Heisenberg. – P.1. – Lipsiae, 1903. – P.8–10.

[40] *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. – М. ; Л., 1948. – Т.3. – С.548.

* Не исключено, что пленение Алексея III лангобардами случилось в действительности и что ему тогда удалось освободиться, а уже после этого, у Коринфа, он вновь попал в плен, на этот раз к Бонифацию.

[41] Относительно даты сражения см.: *Ostrogorsky G.* Geschichte des Byzantinischen Staates. – München, 1952. – S.342.

[42] *Georg. Acrop.* I, *9–10;* История Византии. – М., 1967. – Т.3. – С.53–54.

[43] *Левченко М.В.* История Византии. – М. ; Л., 1940. – С.226.

[44] *Успенский Ф.И.* Указ. соч., с.437.

[45] *Єршов А.* Коли і хто написав Густинський літопис? // Записки Наукового товариства ім. Т.Г.Шевченка. – Львів, 1930.

[46] *Ioannis* Dlugossii Annales seu Cronicae incliti Regni Poloniae. – Lid. V–VI. – Cap.III. – Varsoviae, 1973. – P.177.

[47] *ПСРЛ (Ипатьевская летопись).* – Спб., 1843. – Т.2. – С.327.

[48] Это предположение было высказано мною четверть века назад (*Котляр М.Ф.* До питання про втечу візантійського імператора в Галич у 1204 р. // УІЖ. – 1966. – № 3. – С.117). Самостоятельно к подобному мнению позднее пришел Ю.А.Лимонов в кн.: *Культурные* связи России с европейскими странами в XV–XVII вв. – Л., 1978. – С.81.

[49] *Ptolomaei* Lucensis Historia ecclesiastica nova // Ed. L.Muratori // Scriptores Rerum Italicarum. – Mediolani, 1727. – T.11. – P.1119 (см.: *Hrala H.* Tradycija dziejopisarska o pobycie władcy Bizantium w Haliczu // Kwartalnik historyczny. – Warszawa, 1987. – R. XCIII. – N 3. – S.661).

[50] *Новгородская* первая летопись старшего и младшего изводов. – С.38; см. также: *ПСРЛ* (Псковская первая летопись). – Спб., 1848. – Т.4. – С.177; *Софийская* первая летопись. – Спб., 1851. – Т.5. – С.168.

[51] *Успенский Ф.И.* Последние Комнины // Византийский временник. – 1928. – Т.25. – С.1–23.

[52] *Лопарев Х.М.* Опыт толкования некоторых мест в памятниках древнерусской письменности // Журн. М-ва народ. просвещ. – 1897. – Ч.311. – № 6. – С.415–418.

А.П.ТОЛОЧКО

"ПОРТЫ БЛАЖЕННЫХ ПЕРВЫХ КНЯЗЕЙ": К ВОПРОСУ О ВИЗАНТИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕОРИЯХ НА РУСИ

В статье рассматривается обычай вывешивать в храмах одежды великих князей. Делается вывод, что эта особенность ритуала восходит к аналогичным церковным обрядам Византии, отражающим идеологию возвеличивания императорской власти.

Проблема рецепции Русью византийских политических доктрин в XI–XIII вв. ставится заново в отечественной исторической литературе. Несмотря на давнюю традицию подобных исследований[1], уровень изученности вопроса далеко не удовлетворителен. Немногочисленные попытки рассмотреть взаимоотношения Руси и Византии под этим углом зрения все еще не приводят к однозначным выводам[2]. Степень усвоения Русью доктрин вселенской империи, супрематии византийских императоров, иерархического миропорядка до настоящего времени не вполне ясно представляют себе даже исследователи, поставившие эту задачу среди главных целей своих работ[3].

Такое положение не в последнюю очередь обусловлено тем, что в интересующей нас области до последнего времени трудились главным образом византиноведы. Ими собран довольно внушительный фактический материал, не оставляющий сомнений, что на берегах Босфора смотрели на Русь, как на безусловно подчиненное (если в данном контексте уместен такой термин) государство, отводя ему притом непомерно скромное место в иерархии держав, возглавляемых византийским императором. В отношении Византии проблема, в сущности, решена еще в трудах начала века. Империя высказывалась вполне отчетливо. Позиция же противной стороны – Руси – гораздо менее ясна.

Историографическая ситуация, таким образом, требует не только "взгляда с юга", но и ответной оценки "с севера", усилий не только византинистов, но и историков Руси. Шаги по этому пути сделаны только в самое последнее время Я.Н.Щаповым и Б.Н.Флорей[4], но они, конечно же, не исчерпали проблему. По-прежнему историки не располагали "вещественными доказательствами" русского происхождения, определенно свидетельствовавшими бы о знакомстве Восточной Европы с византийскими политическими доктринами в XI–XIII вв.[5]

По существу, исследователи, разделяющие мысль, что Руси не вполне была чужда идея вселенской империи и до некоторой степени с нею в Киеве считались, располагая документальными свидетельствами XIV–XV вв., ретроспективно переносят подобное же положение и в XI–XIII вв. Только недавно был поставлен вопрос о вкладе киевского периода в генезис позднейшей легенды о "Мономаховых дарах"

©А.П.Толочко, 1991

ISBN 5-12-003266-4. Южная Русь и Византия. К., 1991

и концепции "Москвы — третьего Рима". Б.Н.Флоре удалось показать своеобразное преломление в сознании древнерусского общества мысли о превосходстве Империи: во второй половине XII в. на берегах Днепра "перст" Иоанна Предтечи, принесенный в Киев в княжение Владимира Мономаха, считали частью византийских коронационных регалий, что впоследствии, возможно, дало основание приурочивать передачу царских утварей именно ко времени Владимира Всеволодовича[6].

Сказанным, естественно, не ограничивается количество перетрактовок византийских взглядов в русской среде. Хотелось бы обратить внимание еще на одно явление, стоящее в этом же ряду.

Под 1237 г. Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку в рассказе о разгроме татарами Владимира-на-Клязьме среди прочих ужасов описывает падение последней твердыни защитников Богородичного Златоверхого собора. После того, как монголы взломали двери храма, они "святую Богородицю разграбиша — чюдную икону одраша, украшену златом и серебром и каменьемъ драгым, — и манастырѣ всѣ. И иконы одраша, а иныѣ исѣкоша, а ины поимаша. И кресты честныя, и ссуды священныя и книгы одраша, и порты блаженных первых князьи, еже бяху повѣшали в церквах святых на память собѣ, — то все положиша собѣ в полонѣ[7].

Несомненен вставной характер процитированной записи[8], что заставляет искать ее источник. В этом достаточно стандартном для древнерусского летописания изображении грабежа с традиционным перечнем разграбленного[9], далеко не всегда отражающим действительный масштаб происходящего, из общего привычного ряда выделяются только "одежды первых князей", сохраняемые в церквах. Можно было бы гадать, о каких именно "первых" владетелях Северо-Восточной Руси в данном случае идет речь, если бы приведенный отрывок не был полностью заимствован из реляции о взятии Киева союзными великому князю Рюрику Ростиславичу войсками (помещена в той же летописи под 6711/1203 г.). Текст идентичен: "Не токмо одино Подолье взяша и пожгоша (Рюрик с Ольговичами. — *А.Т.*), ино Гору взяша, и митрополью святую Софью разграбиша, и Десятинную святую Богородицю разграбиша, и манастыри всѣ. И иконы одраша, а иныѣ поимаша, и кресты честныя, и ссуды священныя, и книгы, *и порты блаженныхъ первых князьи, еже бяху повѣшали в церквахъ святыхъ на память собѣ* (курсив наш. — *А.Т.*), — то положиша все собѣ в полонъ"[10]. Как видим, все несообразности текста в приложении к Владимиру-на-Клязьме исчезают в контексте киевских событий 1203 г. Именно этот текст и следует считать первоначальным, описывающим именно киевские реалии[11].

О каких одеждах первых киевских князей, сохраняемых в Софийском соборе и, возможно, в Десятинной церкви, упоминал летописец? Подобная практика, кроме этих уникальных сообщений, древнерусскими источниками, как нам известно, не засвидетельствована. Удивление

вызывает уже сам факт хранения (в алтарях?) храмов светских одежд княжеского происхождения.

Единственной аналогией может служить, пожалуй, только византийский обычай хранения царских одежд и инсигний, засвидетельствованный Константином Багрянородным: облачения, принадлежавшие некогда Константину Великому, хранились в соборе св.Софии в Константинополе. Полагаем, что в данном случае он послужил и источником древнерусской (киевской) практики.

В византийской теории отправным пунктом вселенской власти императора расценивалось правление первого царствующего христианина – Константина. Согласно традиции, его одежды не были произведениями рук человеческих, но ниспосланы богом через ангела, повелевшего "положить их в Великой божьей святой церкви, которая именем самой истинной мудрости божьей святою Софией нарекается"[12]. Этим одеждам придавалось почти мистическое значение: "они подвешены над святым престолом в алтаре этого самого храма и являлись украшением церкви. Прочие же царские одеяния и облачения разостланными положены поверх святого сего престола"[13], служа своего рода символом и вещественным доказательством супрематии императора в христианском мире.

Некоторые ученые с полным доверием относились к сообщению Константина[14]. Однако Г.Г.Литаврин вслед за Р.Дженкинзом совершенно справедливо полагает, что в данном случае перед нами "сознательная идеологическая фикция", рассчитанная на полное неведение варваров в этом вопросе[15]. Действительно, согласно трактату "О церемониях византийского двора" того же царственного автора основная часть царских одежд хранилась в храме св.Феодора, размещавшемся в северо-восточном углу Хрисотриклина. Облачения находились "в длинных плоских ящиках (*τα ταβλία*) (от tabula)", царские венцы – в "ларцах" цилиндрической формы (*τα χορνίχλία*[16]).

Вместе с тем не все из написанного императором – ложь. Так, царские одежды, видимо, действительно служили покровом престола св.Софии. Согласно обряднику "О церемониях" император целовал покров престола, названный *τὸ ταβλίον*, что означает либо ящик, в котором хранились царские одежды, либо нашивку на хламидах царей и высших чинов, выполненную "из другой, нежели остальная одежда материи, часто всю вышитую и расшитую золотом и шелками"[17]. Д.Ф.Беляев предполагал, что таким же образом был расшит и покров, но указание "Об управлении империей" склоняет видеть тут собственно одежды.

В сопоставлении константинопольского и киевского обычаев удивляет, помимо почти текстуального сходства сообщений, совпадение целей – напоминание о началах государственной власти; о первом императоре Нового Рима; о "первых" князьях. Да и сам ритуал, видимо, был идентичен: в обоих случаях царские или княжеские одежды были развешаны в церквах, возможно, в алтаре, как украшение храма.

Что позволяет, помимо внешнего сходства, сопоставлять эти два обычая и выводить один из другого?

По крайней мере с самого начала XII в. русскому обществу хорошо была знакома идея translatio imperii, давшая начало византийскому ритуалу хранения императорских одежд. В сугубо византийской трактовке ее внушал Владимиру Всеволодовичу Мономаху митрополит Никифор, замыкая эту теорию именно на императоре Константине: "Понеже великый Костянтинъ отъ Христа приимъ Царство и хрьстовие и чаросты, и преложи Римъское Царство ветхаго Рима въ Константинъ градъ..."[18]

В этом контексте привлекает внимание то обстоятельство, что древнерусские памятники 40–50-х годов XI ст. утверждают мысль о Владимире Святославиче — первом князе-христианине, как о "Новом Константине" ("Слово о законе и благодати" Илариона, "Память и похвала" Иакова Мниха, "Слово о том, како крестися Володимер, возмя Корсунь", летопись). Неоднократно высказывалось и, очевидно, уже утвердилось мнение, что в это же время в Киеве наблюдаются явные попытки imitatio imperii: названия Софийского собора, Золотых ворот и др., — видимо, явления из этого же ряда. Полагаем, что к ним следует отнести и незамеченный ранее факт копирования обычая хранения царских одежд[19].

Наконец, располагаем и прямым свидетельством знакомства Руси с константинопольским обрядом, оставленным Добрыней Ядрейковичем, ставшим впоследствии новгородским архиепископом Антонием. Описывая константинопольские святыни, виденные им около 1200 г., в том числе и Софийский собор, русский паломник отметил среди прочего "Во олтари же великомъ надъ святою трапезою великою, на средѣ ея, подъ катапезмою повешенъ Коньстянтиновъ в нѣнецѣ и у него же повѣшенъ крестъ, подъ крестомъ голубь златъ; и иных царей вѣнцы висятъ окрестъ катапезмы. Та же катапезма вся сотворена отъ злата и сребра..."[20] А у катапезмы повѣшены вѣнцы малы, 30 ихъ, — въ память всѣмъ христианомъ и въ незабытии Июдиныхъ ради 30 сребреникъ..."[21]

Характерно, что Антоний, как позднее Игнатий Смолянин[22], концентрирует свое внимание на венцах, не упоминая собственно царских одежд. Возможно, это подтверждает давно высказанную мысль, что Русь не знала чего-либо подобного княжеским диадемам или коронам, а головным уборам князей не придавалось никакого ритуального значения. Поэтому паломники и обращали внимание прежде всего на необычное для них явление.

Любопытно сближение византийского обряда украшения алтаря императорскими венцами с позднейшей практикой русской православной церкви: "Венцы вешались (в Византии. — *А. Т.*) по всем четырем сторонам кивория... В некоторых церквах у нас встречается на святых или царских вратах корона, венчающая их. Думается, что она представляет следы давно минувшей практики. С выходом из употребления кивориев украшения их перешли на святые врата..."[23]

О времени возникновения киевского обычая хранения княжеских "портов" мы не можем уверенно судить. Как отмечалось, документальное свидетельство знакомства русских с византийским прототипом датируется 1200 г.[24], а первое недвусмысленное упоминание о его бытовании на Руси – тремя годами позже. Однако относить и само его начало к этому времени препятствует весь контекст политической и идеологической жизни Руси рубежа XII–XIII вв., заставляя отодвигать дату вглубь. Но описания убранства церквей XI–XII вв., как отмечалось, – трафаретные, не упоминают в них княжеских одежд. Например, изображение погрома Киева в 1169 г. как будто бы не дает оснований полагать, что уже в это время "княжеские порты" хранились в Софии[25]. Однако молчание о них летописи может объясняться и тем простым фактом, что они не пострадали в тот год. Приходится, таким образом, датировать обряд, исходя из его содержательной стороны. Поскольку, как указывалось, он был одним из элементов imitatio imperii, под "первыми князьями" следует понимать первых христианских владетелей Киева – Владимира и Ярослава (первому из них действительно источники прилагают адъектив "блаженный"[26]), с определенной долей вероятности возникновение разбираемого обычая можно относить к середине XI в. – времени наиболее интенсивного идеологического "соперничества" с Византией.

Вполне вероятно, что заимствование Русью обряда было победой константинопольской дипломатии, сознательно пропагандировавшей этот "экспортный вариант" имперской идеологии, далеко не во всех деталях соответствовавший истинному положению вещей.

Что же представляли собой княжеские одежды, какой ранг киевского князя в византийской придворной иерархии они отражали? Об этом можно только гадать, так как вопрос не разработан, а сами облачения погибли[27].

Имел ли киевский обряд какой-либо резонанс в других землях Руси? Прямых свидетельств тому найти не удалось, но летописные записи содержат, кажется, основания для утвердительного ответа. Находим их в записи 1185 г. Лаврентьевской летописи о пожаре во Владимире-на-Клязьме, от которого пострадал и собор Богородицы, где, как считалось позже, хранились княжеские одежды: "Бысть пожаръ великъ в Володимери граде... Погорѣ бо мало не весь городъ... И зборная церквы святая Богородиця Златоверхая, юже бѣ украсилъ благовѣрны князь Андрѣ и, и та загорѣся сверху, и что бяше въ неи: узорочии, поникадила сребреная, и ссудъ златных и сребреных, и *портъ, золотом шитых и женчюгом*" (курсив наш. – *А.Г.*)[28]. Такой же, но несколько более подробный рассказ содержится и в Ипатьевской летописи, расширенный за счет описания, что "расшитые золотом и жемчугом порты" из церкви Богородицы вешали в дни праздников на двух веревках от Золотых ворот до собственно собора, и от него – до "владычных сеней"[29].

В текстах отсутствуют прямые указания о светском характере одежд, хранимых во Владимире, но их можно предполагать. В XI–XIII вв. для обозначения мирских и священнических одежд употреблялись слова "порты" и "ризы", семантически почти равноправные. Однако значение мирских облачений все же преимущественно принадлежало первому из них, тогда как "ризы", употребляемые в этом значении, как правило, сопровождались пояснительными прилагательными (властительские, "брачные" и т.д.)[30]. Аналогично и "порты" в значении церковных одеяний чаще всего оговариваются (священнические, мнишеские)[31]. Собственно, косвенное подтверждение тому, что хранимые в св.Богородице одежды были княжеского происхождения, находим у позднейшего суздальского летописца, под 1237 г. писавшим именно о светских одеждах в этой церкви (которые совершенно не обязательно погибли в пожаре 1185 г.), для чего он и заимствовал сообщение о киевских событиях 1203 г.[32]

Примечательно, что начало этого обычая во Владимире летопись связывает с именем князя Андрея Боголюбского, на протяжении всей своей деятельности пытавшегося перенести "великое княжение" из Киева во Владимир. Нет необходимости специально подробно обосновывать реальность этого русского "translatio imperii"[33]. Напомним только, что на княжение этого князя приходится копирование киевских атрибутов: Золотые ворота во Владимире, учреждения параллельной митрополии – далеко не полный перечень фактов этого рода.

Вполне вероятно предположить, что и наследование киевского обряда хранения княжеских одежд, в свою очередь скопированного с византийского оригинала Андреем Боголюбским в соборе Успения Богородицы, построенном специально для одноименной византийской иконы, перенесенной из Вышгорода и долженствовавшей служить сакральным свидетельством преемства "великого княжения" от Киева[34], являлось одним из мероприятий князя по утверждению равноправности Владимира и "матери городов русских".

Таким образом, если в Киеве хранению одежд князей в Софийском соборе и Десятинной церкви придавали значение соревнования с Константинополем, то во Владимире – с Киевом.

Какая-то память о подобном же обычае хранилась несколько позже и в Рязани, свидетельство чему можно усмотреть в "Повести о разорении Рязани Батыем", и здесь он связывался с Богородичным собором: "И приидоша (татары. – *А.Т.*) в церковь соборную пресвятыя Богородици... и ерѣи, черноризца до останка исѣкоша, и весь градъ пожгоша, и все *узорчье нарочитое, богатство резанское и сродних ихъ киевское и чернѣниговское* поимаша, а храмы божия разориша, и *во святыхъ олтарехъ* (курс. наш. – *А.Т.*), много крови пролиаше"[35].

Д.С.Лихачев, комментатор "Повести о разорении Рязани Батыем", переводит "узорочье" как "драгоценности", ювелирные изделия. Едва

ли это точный перевод. Словом "узорочье" обозначали драгоценные расшитые ткани, одежду и только иногда – просто ценности[36]. В значении "дорогие ткани" употребляет "узорочье" и автор "Слова о полку Игореве"[37].

Под 'сродниками" текста, несомненно, следует понимать князей. Любопытно упоминание, помимо киевских, черниговских "сродников": княжеские одежды из Софии Киевской и Десятинной церкви стали трофеем именно черниговских князей в 1203 г.

Возвращаясь к киевскому обряду, отметим совпадение, на наш взгляд, не случайное: княжеские одежды хранились в двух храмах – Софийском и Десятинной церкви. Именно в них находились и княжеские "столы", и происходил официальный обряд интронизации киевских князей[38] Княжеские одежды, хранимые в этих церквах, могли иметь, следовательно, не только декоративное и мемориальное значение, но и, подобно Константинополю, использоваться в ритуале "посажения на стол".

Говоря о бытовании византийских политических доктрин на Руси, исследователи, как правило, ограничивают его время первой половиной XI в. – правлением Владимира и Ярослава Мудрого. В данной статье мы попытались показать, что и в XII–XIII вв. они продолжали оказывать влияние на древнерусское общество, переосмысливались, формировали идеи и моделировали соответствующие ритуалы[39].

[1] *Иконников В.* Опыт о культурном значении Византии в русской истории. – Киев, 1869. – 575 с.; *Дьяконов М.* Власть московских государей : Очерк из истории политических идей Древней Руси до конца XVI в. – Спб., 1889. – 224 с.; *Савва В.* Московские цари и византийские василевсы : К вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей. – Харьков, 1901. – 400 с.; *Соколов Пл.* Русский архиерей из Византии и право его назначения до конца XV в. – Киев, 1913. – 577 с.; *Вальденберг В.* Древнерусские учения о пределах царской власти : Очерк русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII в. – Пг., 1916. – 463 с.

[2] *Obolensky D.* Relations between Byzantium and Russia (11th – 15 th Century) // Obolensky D. The Byzantine Inheritanse of Eastern Europe // L., Var. repr. – 1982; *Медведев И.П.* Империя и суверенитет в средние века (на примере Византии и некоторых сопредельных государств) // Проблемы истории международных отношений. – Л., 1972. – С.412–424.

[3] *Dvornik F.* Byzantine Political Ideas in Kievan Russia // Dumbarton Oaks Papers. – 1957. – Vol. 9, 10; *Poppe A.* Państwo i kostiol na Rusi w XI w. – Warszawa, 1968.– S.66 et pass.; *Meyendorf J.* Byzantium and the rase of Russia : A study of Byzantino-Russian relations in the fourteenth century. – Cambridge, 1981; *Ševčenko I.* Byzantium and the Slavs // Harvard Ukrainian Studies. – Cambridge (Mass.) 1984. – Vol. 8, N 3/4. – P.289–303; *Литаврин Г.Г., Янин В.Л.* Некоторые проблемы русско-византийских отношений в IX–XV вв. // История СССР. – 1970. – № 4. – С.43–53.

[4] *Щапов Я.Н.* Политические концепции о месте страны в мире в общественной мысли Руси XI–XV вв. // Древнейшие государства на территории СССР : Материалы и исслед. 1987 г. – М., 1989. – С.159–166; *Флоря Б.Н.* К генезису легенды о "дарах Мономаха" // Там же. – С.187–195; *Толочко О.П.* З історії політичної думки Русі XI–XII ст. // УІЖ – 1988. – № 9. – С.70–77.

[5] Среди таковых Ф.Дворник и Д.Оболенский называют знакомство Руси с Номоканоном, где подчеркнута супрематия императора, некоторые другие памятники, переведенные на Руси, а также особенности иконографии росписей Софийского собора в Киеве. Нетрудно заметить, что и эти свидетельства отражают точку зрения Византии.

[6] *Флоря Б.Н.* Указ. соч. – С.186–187.

[7] *ПСРЛ.* – Т.1. – Ч.2. – Стб. 463.

[8] Так, приведенное описание приурочено к разграблению внутренностей Успенского собора ("св. Богородицы"), но здесь же некстати упоминаются "монастыри", "святые церкви"; название церкви отождествлено с иконой Богородицы.

[9] Иконы, книги, монастыри и т.д. встретим, например, и в описании погрома Киева 1169 г. *ПСРЛ.* – Т.1. – Ч.2. – Л., 1927. – Стб. 354, 470; *ПСРЛ.* – Т.2. – Спб., 1908. – Стб. 545, 785 (и в 1240 г.).

[10] *ПСРЛ.* – Т.1. – Ч.2. – Стб. 418. Далее, как и в статье 1237 г., следует идентичная резюмирующая цитата из Писания.

[11] Видимо, упоминание в статье 1203 г. Десятинной церкви (св. Богородицы) дало основание суздальскому летописцу отождествить ее с Успенским собором (св.Богородицей).

[12] *Багрянородный Константин.* Об управлении империей / Текст, перевод, комментарий под ред. Г.Г.Литаврина и А.П.Новосельцева. – М., 1989. – С.55.

[13] *Там же.*

[14] *Ostrogorsky G.* The Byzantine Emperor and the hierarhical world order // The Slavonic and East European Review. – 1956. – Vol.XXXV. – N 84. – P.3–4.

[15] *Багрянородный Константин.* Об управлении империей. – С.336, 340–342.

[16] *Беляев Д.Ф.* Byzantina. Очерки, материалы и заметки по византийским древностям (Ежедневные и воскресные приемы византийских царей и праздничные выходы их в храм св.Софии в IX–X в. – Спб., 1893. – Кн.2. – С.44).

[17] *Беляев Д.Ф.* Указ. соч. – С.155.

[18] *Калайдович К.* Памятники российской словесности XII века, изданные с объяснением и образцами почерков. – М., 1821. – С.157.
Это находилось в полном соответствии с развиваемой с VII в. в самой Византии идеологией, утверждающей Константина "идеальным правителем", основателем Нового Рима и самой христианской державы (*Багрянородный Константин.* – Об управлении империей. – С.341).

[19] Святости и нерушимости императорских облачений, хранящихся в Константинопольской Софии, придавалось большое значение. Известно, какие строгие предписания касательно невозможности изменения древних установлений приводит Порфирогенет (*Багрянородный Константин.* Об управлении империей. – С.55–57).

[20] Термин "катепезма" в употреблении Добрыни Ядрейковича П.Савваитов комментирует следующим образом: "Словом катапезма или катапетазма наш паломник называет надпрестольную сень, и завесу, употребляя, впрочем, и это последнее название" (Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце XII столетия / Предисл. и примеч. Павла Савваитова. – Спб., 1872. – С.83. – Прим. 40). Константин Багрянородный для обозначения завесы употребляет иные термины – "ἡ χορτίνα, το ρῆλον". (*Иоанн, иеромонах.* Обрядник византийского двора / De ceremoniis aulae Byzantinae / как церковно-археологический источник. – М., 1895. – С.43). Возможно, что Антоний не различил завесу и императорские одежды, приняв их за одно (см. прим. 17).

[21] *Путешествие...* – Стб. 83; Книга паломник : Сказание мест святых во Цареграде Антония, архиепископа Новгородского в 1200 году / Под ред. Хр.М.Лопарева // Православный палестинский сборник. – Спб., 1899. – Т.17. – Вып.3. – С.9, 45, 75.

[22] *Никоновская* летопись // ПСРЛ. – Т.12. – С.95–104.

[23] *Иоанн, иеромонах.* Обрядник византийского двора. – С.74.

[24] Добрыня Ядрейкович, с одной стороны, приводит дату своего пребывания в Царьграде – май 1200 г., а с другой – указывает, что его паломничество совершено в правление Алексея III Ангела (1195–1203) и в патриаршество Иоанна X Коматира (1198–1204). См.: *Путешествие...* – С.89.

[25] *ПСРЛ.* – Т.1. – Ч.2. – Стб. 354; Т.2. – Стб. 545.

[26] *ПВЛ.* – Ч.1. – М. ; Л., 1950. – С.89; *Молдован А.М.* "Слово о законе и благодати" Илариона. – Киев, 1984. – С.97.

[27] Последнее исследование княжеских одежд с этой точки зрения см.: *Кондаков Н.П.* Изображения русской княжеской семьи в миниатюрах XI в. – Спб., 1906. В середине XIX в. в ризнице Софийского собора уже не было одежд древнее XVII в. *Фундуклей И.* Обозрение Киева в отношении к древностям.– Киев, 1847. – С.47.

[28] *ПСРЛ.* – Т.1. – Ч.2. – Стб. 393.

[29] *ПСРЛ.* – Т.2. – Стб. 630. Ошибочно помещено под 6691 г.

[30] *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. – Спб., 1903. – Т.3. – Стб.121.

[31] *Там же.* – Спб., 1895. – Т.2. – Стб.1752–1755.

[32] И.И.Срезневский переводил "порты" в статьях Лавр. 6693 и Ипат.6691 как "пелена", видимо, ошибочно, так как зачислил сюда и "порты" из статьи 6711 (1203) Лавр. Для обозначения пелены в XII–XIII вв. употреблялось слово "завеса", как. это делал архиепископ Антоний (Путешествие... – С.83–84).

[33] *Hurwitz E.* Prince Andrej Bogoljubskij : The man and the myth. – Firenze, 1980. – P.21–29; *Лимонов Ю.А.* Владимиро-Суздальская Русь : Очерки социально-политической истории. – Л., 1987. – С.48–79.

[34] См. доклад Я.Пеленского на международной конференции, посвященной 1000-летию христианства в Руси – Украине (Равенна, 18–24 апреля 1988 г.): *Pelenski J.* The contest for "Kievan succession" (1155–1175): The religious-ecclesiastical dimention; *Pelenski J.* The sack of Kiev of 1169: Its significans for the succession to Kievan Rus // Harvard Ukrainian Studies. – Cambridge (Mass). 1987. – Vol.XI. – N 3/4. – P.303–316.

[35] *Воинские* повести древней Руси. – М. ; Л., 1949. – С.12.

[36] *Срезневский И.И.* Материалы... – Стб. 1171.

[37] *Словарь-справочник* "Слова о полку Игореве". – Л., 1984. – Вып.6. – С.99.

[38] В Византии императорский престол находился в св.Софии, там же проходил обряд венчания, там же хранились царские одеяния.
Княжеские столы, упоминания о которых в летописях – не просто фигура речи, но указание на реально существовавшие троны, стояли в Десятинной церкви и в Софии ("Ярославов стол"). *Poppe A.* Das Reich der Rus im 10 und 11 Jahrhunderts: Wandel der Ideenwelt // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge, 1980. – Bd. 28. – H.3. – S.351–352.

[39] На Руси знали и другие византийские ритуалы, например порядок хранения императорского оружия. Парный набор его (мечи, два золотых щита и два копья) выносились двумя спафариями, во всех церемониях стоявшими подле императора (*Беляев Д.Ф.* Указ. соч. – С.46), что отражено фреской Софийского собора в Киеве – "Прием Ольги византийским императором" (*Высоцкий С.А.* Светские фрески Софийского собора в Киеве. – Киев, 1989 – С.136. – Прим. 53). Знание византийского обычая прослеживается до конца XII в. Царские предметы вооружения хранились в тронном зале – хрисотриклине (*Беляев Д.Ф.* Указ. соч. – С.46). Подобно этому меч св.Бориса хранился не как церковная реликвия, а в княжеских палатах Андрея Боголюбского (*ПСРЛ.* – Т.2. – Стб.586–587).

Г.Ю.ИВАКИН

СВЯЗИ КИЕВА С ВИЗАНТИЕЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIII–XIV вв.

Рассматриваются связи Киева с Византией в послемонгольское время. Автор приходит к выводу, что в XIII–XIV вв. эти контакты осуществлялись главным образом в церковно-политической сфере.

Длительное время в историографии господствовало мнение о полном запустении Киева и всей Южной Руси после нашествия Батыя. Работы М.А.Максимовича, В.Б.Антоновича, М.В.Владимирского-Буданова[1] и многих других историков, где высказывалась противоположная точка зрения, практически не учитывались или подвергались сокрушительной, но далеко не всегда аргументированной и справедливой критике. Хотя, конечно, в них и встречались ошибки конкретного или методологического характера.

Нередко аргументированный спор подменялся наклеиванием ярлыков. Так, из утверждения, что "длительная и острая дискуссия, проходившая в XIX веке между объективно настроенными учеными, отстаивавшими тезис о запустении Киева в XIII–XIV веках, и буржуазными украинскими националистами"[2], каждому становилось ясно, что последние никогда и никак не могут оказаться правыми. Правда, "объективно настроенные ученые" утверждали, что до конца XIV в. украинцы вообще не проживали в Киеве и Среднем Поднепровье, а пришли из Карпат после ухода великороссов на Северо-Восток.

В большинстве современных исторических работ прямо не говорится о полном разрушении и запустении Киева на протяжении второй половины XIII–XVI вв., но многими историками это считается само собой разумеющимся. Поэтому в исторических разработках часто вообще отсутствуют какие-либо упоминания о Киеве этого периода. Даже если они и встречаются, то история Киева рассматривается слишком обобщенно и прямолинейно, не различается динамика его развития на протяжении указанных столетий. Такое глубоко укоренившееся мнение о полном уничтожении Киева в 1240 г. и низведении его до роли города с "местечковым" населением[3] продолжает господствовать среди историков искусства и литературы, в учебниках, научно-популярной литературе, где оно вызывает существенное смещение акцентов в подходе к исследованиям по конкретным вопросам, когда вероятность создания в Киеве каких-либо произведений искусства или литературы даже не рассматривается.

Между тем археологические исследования Киева последних лет, а также новейшие источниковедческие разработки письменных источников дают возможность более объективно представить историческое развитие города после 1240 г. Относительный упадок Киева после

© *Г.Ю.Ивакин, 1991*
ISBN 5-12-003266-4 Южная Русь и Византия. К., 1991

нашествия Батыя связан не только с конкретными разрушениями города, но и является следствием разорения основной экономической базы Киева — Южнорусских земель, гибели всей древнерусской государственной и экономической системы, установления тяжелейшего золотоордынского господства в стране. Однако и в новых исторических условиях Киев оставался значительным политическим, экономическим и культурным центром.

Одной из существенных особенностей положения Киева в новой исторической обстановке, сложившейся в Восточной Европе, являлась историческая традиция, по которой Киев оставался древней политической и церковной столицей, символом единства и могущества Руси в общественном сознании народа, что отразилось в фольклоре, памятниках Куликовского цикла. В представлении золотоордынских ханов и западноевропейских государей Киев оставался столицей Руси и в XIII в.[4] Все это обусловливало специфику положения города в политической жизни того времени, превращало его в потенциальный центр консолидации русских земель, центр борьбы против ордынского ига.

Продолжали оставаться старые и устанавливаться новые политические и экономические связи Киева с различными восточно-славянскими землями, крупными центрами Центральной и Западной Европы, Балканами и Византией. Связи Киева с Византией сохранились прежде всего по церковно-политическим, а также торговым каналам. В первую очередь это связано с местонахождением в Киеве древней резиденции митрополитов и сложной политической борьбой, развернувшейся вокруг судеб общерусской митрополии.

Уже вскоре после Батыева нашествия, в 1246 г., Плано де Карпини, возвращавшийся из Каракарума, встретил в Киеве множество купцов — представителей наиболее значительных торговых центров Средиземноморья, прибывших из Константинополя: "Михаил Генуэзский, также и Варфоломей, Мануил Венецианский, Яков Реверей из Акры, Николай Пизанский — это более главные. Другие менее важные суть: Марк, Генрих, Иоанн Вазий, другой Генрих Бонадиес, Петр Пасхами; было еще много других, но имена их нам не известны"[5].

Вероятно, главную роль в это время играл торговый путь из Киева в Константинополь, шедший через Белгород (Аккерман, Монкастро). Этим путем прошел в 1419 г. игумен Зосима: "Я пошел из Киева с купцами и вельможами великими и прошел 30 миль" до Брацлава на Буге, оттуда "пошли татарской степью, и шли 50 миль татарскою дорогою, которая зовется "на великий дол" до перевоза и таможни на р.Днестр. "И оттуда три дня шли по валашской стороне до Белгорода... Оттуда девять верст до моря. На самом устье Днестра стоит столп, который зовется Фонарь, тут была корабельная пристань". Через три недели (к 14 ноября), несмотря на осенние штурма, корабль с Зосимой вошел в "цареградское устье"[6]. Этим же путем ездил из Киева в Константинополь и обратно митрополит Киприан. Он писал в своем

послании к Сергию Радонежскому: "еду к Царюгороду коньми на Волошскую землю"[7]. В 1389 г. Киприан возвращался из Константинополя морем до Белгорода (попал при этом в бурю и грозу), а оттуда сухопутным путем пришел в Киев[8].

Наиболее прямой путь из Киева по Днепру в XIV–XV вв. имел уже второстепенное значение. По предположению М.Н.Тихомирова, "в условиях развитого судоходства однодеревки не могли удовлетворять торговые потребности, тем более что и татарские отряды были куда опаснее древних печенегов"[9]. Если татарские отряды далеко не всегда угрожали купцам (ведь существовал сухопутный путь в Крым, казалось бы, куда более опасный, чем речной), то большие морские корабли новой конструкции, конечно, не могли преодолеть пороги. Однако определенное значение Днепровский путь продолжал играть и в это время. Южную его часть охраняло Олешье (здесь проходили кордоны Великого княжества Литовского и Русского). Позднее Олешье стало генуэзским замком Лерици. Оживленным был и участок Днепровского пути до Черкасс, откуда начинался сухопутный путь на Перекоп.

В середине XIII в. киево-византийские контакты, веротяно, были прежде всего связаны с митрополитом Кириллом и его окружением. Кирилл – один из наиболее выдающихся политических деятелей Руси своего времени являлся, по выражению Д.С.Лихачева, звеном, связывавшим Южную и Северную Русь. Он был инициатором русско-никейско-сарайского сближения, направленного против папства и крестоносцев. О тесных связях с Болгарией свидетельствует Кормчая книга, присланная болгарским князем (русским по происхождению) Иаковом-Святославом в 1264 г.: "преосвященному архиепископу Кириллу преславного града Киева, учителя же всей Руси и светильника церквам богоспасеннаго града Киева"[10]. В 1273 г. в Киеве митрополит Кирилл созвал общерусский собор епископов, на котором киево-печерского архимандрита Серапиона поставили владимирским епископом и были приняты Правила Кирилла, распространившие на всю территорию "руськой" митрополии единый порядок, принятый в Киеве. Я.Н.Щапов убедительно показал ошибочность бытовавшего в историографии мнения, что собор происходил в 1274 г. во Владимире-на-Клязьме[11]. (Предположение, что собор происходил в Киеве, в свое время высказал еще Н.Г.Бережков.) Можно с уверенностью предположить, что все эти активные действия Кирилла по "упорядочиванию" русской церкви и в политической сфере сопровождались контактами с патриаршей кафедрой.

После смерти Кирилла 7 декабря 1282 г. (что аргументированно доказано В.Л.Яниным)[12], а не 1280 г., как обычно считается в историографии, в 1284 г. из Константинополя в Киев приходит новый митрополит Киевский и всея Руси Максим "родом Гречин". Для утверждения новой редакции Кормчей книги, куда вносились принципиальные дополнения, он созывает новый собор русских иерархов: "Позвани бы-

ша епископи вси русскиа в Киев к Максиму митрополиту Киевскому и всеа Руси"[13]. Естественно, что, находясь до 1300 г. с митрополичьим двором в Киеве, Максим и его окружение поддерживали контакты с Константинополем.

В 1300 г. митрополит Максим вместе с клиром переезжает из Киева во Владимир-на-Клязьме, "не терпя насилиа от татар в Киеве". Источники ясно не говорят, какие же конкретно события стоят за этим переездом. Традиционное объяснение – уничтоженный Киев и золотоордынский террор – не может удовлетворить современного исследователя. Ведь в самом Киеве ордынские войска постоянно не стояли; Владимир пострадал не меньше, а скорее всего больше Киева и также зависел от Золотой Орды. Непонятно, почему Максим не перевел митрополию во Владимир раньше или позже, а главное, почему одновременно "весь Киев разыдеся"[14].

Мы можем предположить, что это было связано с общей политикой Сарая по отношению к Киеву, направленной на ликвидацию политического авторитета и влияния древней столицы. Сначала Киев был лишен политического руководства в лице великого князя. Южнорусские князья на киевский стол не допускались. Город передавался как знак верховенства на Руси северо-восточным князьям, которые заведомо в Киев не перешли бы (хотя, возможно, ханы их тоже не пустили бы – источники об этом молчат). Во всяком случае ни Ярослав Всеволодович, ни Александр Невский, ни его брат Андрей Ярославич ни разу Киев не посетили. Теперь, в 1300 г., из Киева удалялась и другая наиболее влиятельная политическая и идеологическая сила, обладавшая к тому же развитым аппаратом. Таким образом, нам представляется, что инициатором перевода митрополии являлись не великие князья Владимирские, не митрополит Максим, а Золотая Орда, точнее, хан Тохта. Конкретно этот перевод митрополии мог быть связан с борьбой темника Ногая с сарайским ханом Тохтой[15]. Киевские правящие круги, входившие, судя по всему, в это время в сферу влияния Галицко-Волынского княжества, и митрополия поддерживали темника Ногая. После его поражения и гибели со стороны хана Тохты последовали репрессии и "весь Киев разыдеси", а Максим со своим клиром переводится во Владимир, лишь номинально носивший титул великокняжеского стольного града.

Однако и после переноса митрополичьей кафедры во Владимир, а затем в Москву Софийский собор официально продолжал оставаться митрополичьей резиденцией – "собственным престолом и первым седалищем архиерейским". Патриархия только в 1354 г. официально утвердила перенос кафедры. Новые митрополиты, приходя на Русь, сначала шли в Киев, где, вероятно, происходила в Софийском соборе торжественная церемония, посвященная вступлению в сан главы русской церкви. В 1380 г. патриарший собор постановил, что "невозможно быть архиереем Великой Руси, не получив сначала наименования

по Киеву, который есть соборная церковь и главный город всей Руси"[16].

Так, в 6816 (1308) г. "прииде изо Царяграда пресвященный Петр митрополит в Киев и на всю Русь, и сяде в Киеве". И только на следующий год "прииде из Киева в Володимир пресвященный Петр"[17]. Последний — выходец из Волыни — был игуменом Ратского монастыря, сам писал иконы. Великий князь галицкий Юрий Львович направил Петра в Константинополь для посвящения в митрополиты, стремясь посадить его на отдельную галицкую митрополию. Но в это время в Византию пришло известие о смерти Максима (1305), и патриарх Афанасий рукоположил Петра на митрополита Киевского и всея Руси.

Следующий митрополит — Феогност, поставленный патриархом Исаей, также пришел сначала в Киев, а затем во Владимир и Москву: "6836 (1328). Преосвященный Исайя патриархъ Констянтиноградцкий постави Феогнаста митрополитом Киеву и всей Русской земле Грека... и иде изъ Киева по градомъ многимъ таже прииде и въ Володимеръ и въ славный градъ Москву"[18]. В 1329 г. Феогност, выйдя из Новгорода, посетил Волынскую землю, Галич, Жараву и пришел в Киев, где пребывал около года[19]. В дальнейшем, пребывая на протяжении нескольких лет во Владимире-Волынском, обходя другие центры Юго-Западной Руси, митрополит посещал и свою киевскую резиденцию. Об одном из таких посещений Киева свидетельствует граффити в главном алтаре Софийского собора (на восточной плоскости южного крещатого столба): "Грешному митрополиту Феогносту всея Руси многие лета"[20] (фото 1).

В сложной, часто меняющейся политической обстановке середины XIV в. Киев вызывал пристальное внимание Константинополя, прежде всего патриархата, являвшегося наиболее влиятельной политической силой в этот период. Борьба за единство общерусской митрополии, попытки создать самостоятельные митрополии, соперничество различных претендентов на митрополичье кресло, борьба за лидерство в собирании всего древнерусского наследства, а также против Золотой Орды — во всех этих политических перипетиях, на которых мы не будем останавливаться специально, Киев выступает как один из важнейших, узловых пунктов[21].

Проблема состояла в том, что значительная часть бывшей древнерусской территории, большинство населения входило в состав Великого княжества Литовского и Русского. Киев — официальный центр митрополии — находился под влиянием, а вскоре и юридически вошел в состав Великого княжества Литовского. Митрополиты же "Киевские и всея Руси" со своим двором находились в Москве, временами посещая западные земли своего диоцеза и древнюю резиденцию. Ольгерд стремился или к возвращению митрополитов в Киев (вырывая их, таким образом, из-под влияния московского князя), или к разделу и образованию самостоятельной митрополии на землях своего княжения.

Для самого существования Византии в условиях наступающего мусульманского мира жизненно необходимо было сильное объединенное православное государство на бывших древнерусских территориях, а не конгломерат княжеств, принадлежащих разным государственным объединениям, нередко переходящих из одного в другое и борющихся друг с другом. Существующая Русь не могла успешно бороться с Ордой, католическим наступлением, оказывать эффективную помощь ослабленной Византии против османов или Рима. Такая ориентация Константинополя на поддержание, точнее, на воссоздание, единства Руси прежде всего проявлялась в церковной политике. Именно Константинополь поддерживал Московского князя, однако на его политику влияла борьба партий в самой Византии. Когда у власти стоял Иоанн Кантакузин и его окружение (партия исихастов), то византийская политика была последовательно промосковской; при Палеологах эта политика часто нарушалась. Так, именно при противниках Кантакузина патриархат признал независимую Галицкую митрополию. Однако вскоре после победы в гражданской войне Иоанна Кантакузина и последовавшего смещения патриарха Иоанна Калеки, в сентябре 1347 г., император ликвидировал эту митрополию, воссоединив ее с общерусской, о чем был дан специальный хрисовул, а также ряд грамот князьям Симеону Ивановичу и Дмитрию-Любарту. Во всех частях Руси по древним обычаям и законам, говорилось в них, должен быть один митрополит – "киевский, который рукополагал бы епископов на все святейшие епископии". Патриарх Исидор и его синод подтвердили императорский хрисовул соответствующим постановлением[22].

У исследователей этой эпохи нередко возникает вопрос, почему же Византия поддерживала именно Москву, а не Ольгерда, во владениях которого, отмечал И.Ф.Мейендорф, – "находился не только сам Киев – традиционная кафедра митрополита, – но и наибольшая территория, а также, вероятно, и большая часть населения бывшей Киевской Руси. Возглавляемая литовской династией территория современной Белоруссии и Украины была в языковом и культурном отношении "русским" государством, независимым от Золотой Орды и претендующим с бо́льшими, казалось бы, основаниями, чем Москва, на возглавление всей Руси. Для достижения этой цели оно обладало и экономическими, и военными возможностями". Кроме того, заключал далее исследователь, Византии было также "известно о готовности Ольгерда в случае получения поддержки из Константинополя принять византийское православие... Поэтому причины предпочтения, оказываемого Византией Москве, нелегко установить"[23].

Впрочем, советская историография последних лет достаточно убедительно осветила причины такой политики Кантакузина и патриарха Филофея. Константинополь стремился сохранить контроль над общерусской церковной организацией как мощным орудием своего влияния, чтобы после свержения ордынского ига использовать военный

К ст. Г. Ю. Ивакина
«Связи Киева с Византией во второй половине XIII—XIV вв.»

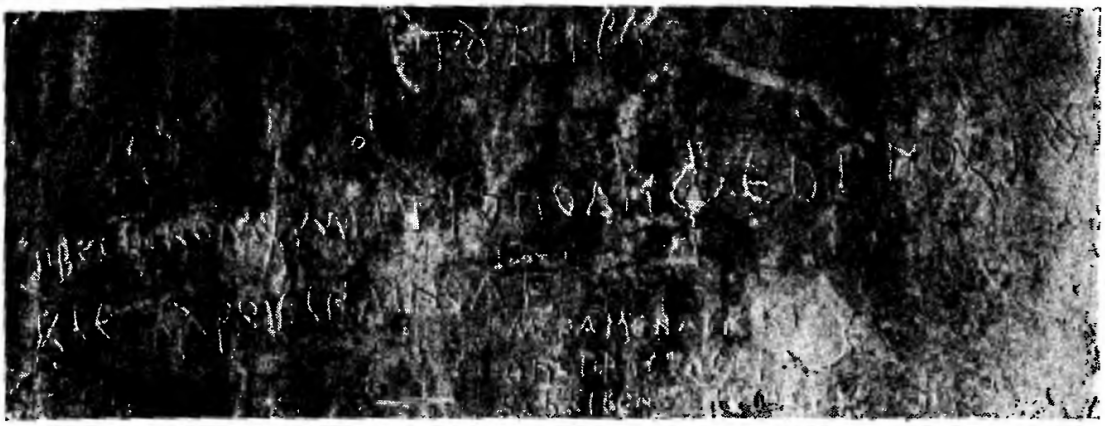


Фото 1. Граффити Софийского собора: «Грешному митрополиту Феогносту всея Руси многие лета»

Фото 2. Иллюстрация из Киевской Псалтыри 1397 г.

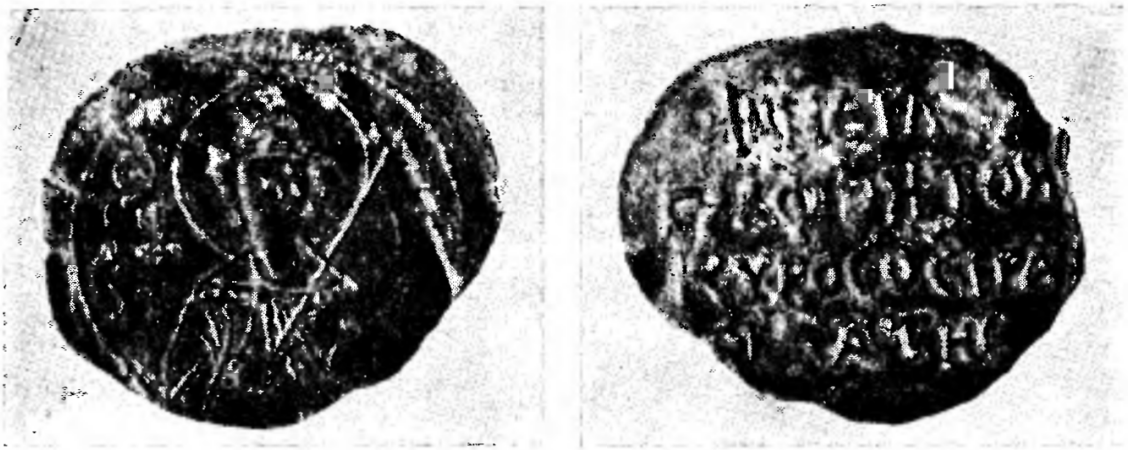


Фото 3. Печать Нила. Аверс и реверс. 1976 г.

Фото 4. Печать Нила. Аверс и реверс. 1977 г.

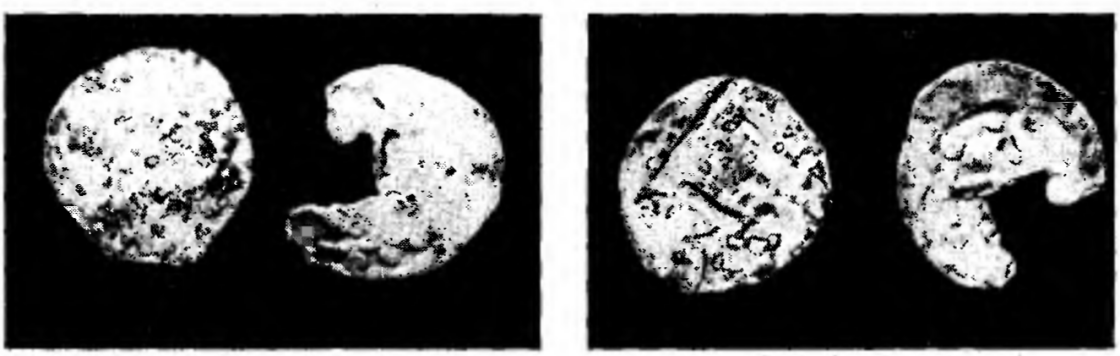


Фото 5. Монеты князя Владимира Ольгердовича из раскопок ротонды (аверс и реверс).

Фото 6. Следы ремонта ротонды, выполненной кирпичом с каннелюрами

К ст. С. А. Высоцкого «Древнерусская историческая тема в светской живописи Софийского собора в Киеве»

Фото. Киев. Софийский собор. «Княгиня Ольга и Константин Багрянородный в ложе константинопольского ипподрома». Фреска XI в.

К ст. Я. Е. Боровского, Е. И. Архиповой «Новые произведения мелкой каменной пластики из древнего Киева (по материалам раскопок)»

Фото 1. Иоанн Креститель. Конец XII в. Музей истории города Киева

Фото 2. Богоматерь Агиосоритисса. XII—XIII вв. Национальный музей в Белграде

Фото 3. Иоанн Предтеча. Фрагмент оклада чеканной иконы Спаса из Анчисхати (1184—1193 гг.). Государственный музей искусств ГССР, Тбилиси.

Фото 4. «Христос на троне». Начало XIII в. Музей истории города Киева: *1* — фрагменты иконки; *2* — реконструкция Архиповой Е. И.

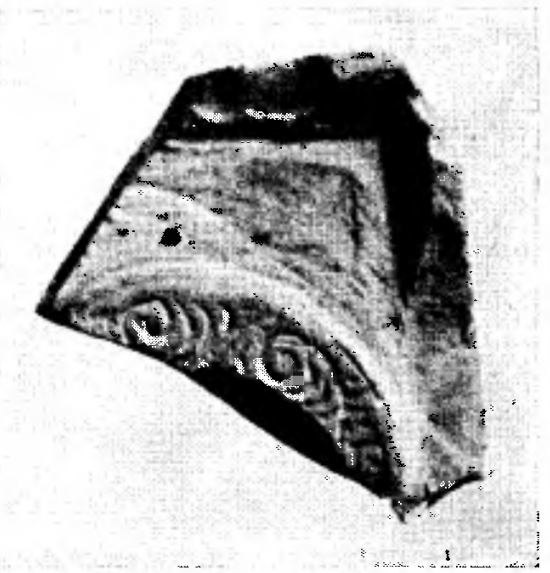


Фото 5. Фрагмент каменной иконки с рельефным нимбом. Начало XIII в. Научные фонды ИА АН УССР, Киев

Фото 6. «Христос на троне» около 1 200 г. Фреска. Скит св. Неофита на Кипре

К ст. Л. В. Пекарской, В. Г. Пуцко «Византийская мелкая п
из археологических находок на Украине»

Фото 1. Распятие, фрагмент. Стеатит, резьба. Икона конца XII — н
ла XIII в. Музей истории Киева

Фото 2. Георгий-змееборец, фрагмент. Сланец, резьба. Икона первой
ловины XIII в. Музей истории К

Фото 3. Двухсторонняя икона. Стеатит. резьба. Начало ....
Музей истории Киева:
1 — явление ангела преподобному Пахомию; 2 — Онуфрий Вели

Фото 4. Уверение апостола Фомы. Стеатит, резьба. Икона начала XIII в. Варшава, Национальный музей

Фото 5. Иоанн Богослов. Стеатит, резьба. Икона начала XIII в. Музей истории Киева

Фото 6. Георгий-воин. Глинистый сланец, резьба. Икона начала XIII в. Музей истории Киева

Фото 7. Феодор Стратилат. Стеатит, резьба. Икона начала XIII в. Ивано-Франковск. Собрание М. П. Фиголя

Фото 8. Богоматерь Одигитрия. Сланец. Икона начала XIII в. Ивано-Франковск. Областной краеведческий музей

Фото 9. Воскресение Христово — Сошествие во ад. Стеатит, резьба. Икона начала XIII в. Ивано-Франковск. Областной краеведческий музей

Фото 10. Распятие. Стеатит, резьба. Икона начала XIII в. Ивано-Франковск. Областной краеведческий музей

Фото 11. Спас на престоле. Бронза, литье. Икона начала XIII в. Ивано-Франковск. Областной краеведческий музей

Фото 12. Богоматерь с младенцем. Бронза, литье. Икона начала XIII в. Ивано-Франковск. Областной краеведческий музей.

К ст. Е. И. Архиповой «Палеологовская капитель из фондов Государственного исторического музея»

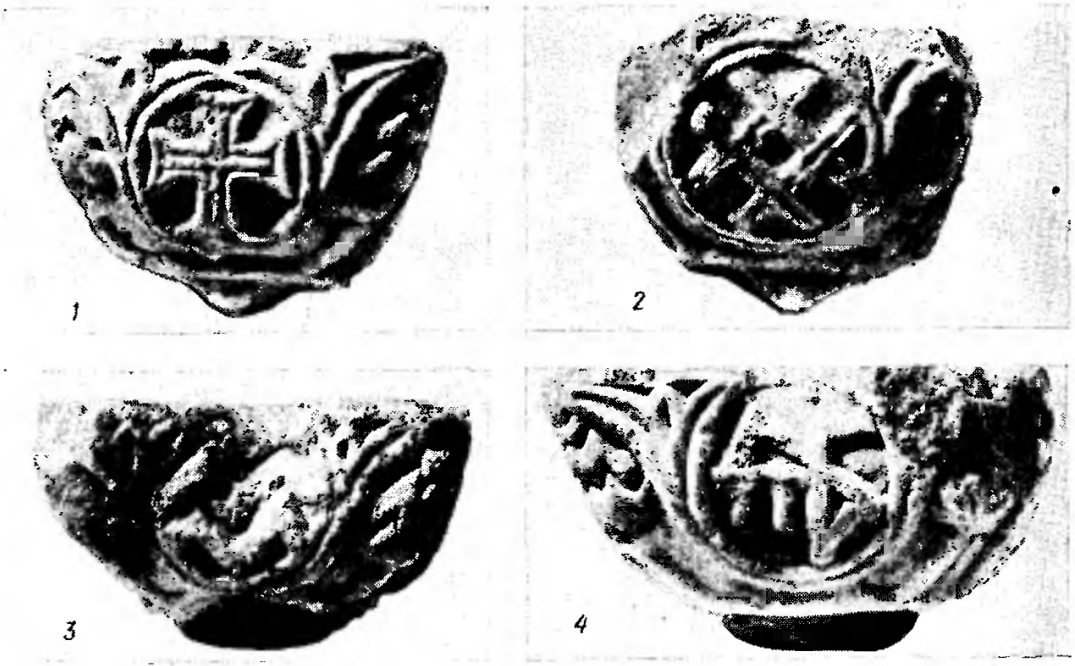


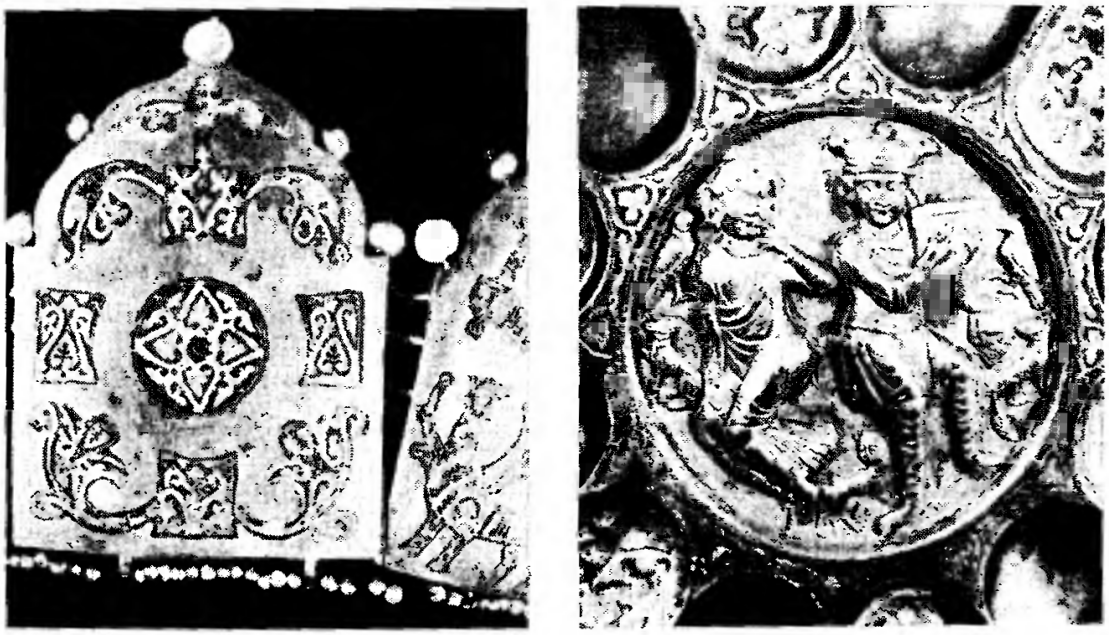
Фото Капитель:
1 — узкая сторона капители с изображением креста; *2* — узкая сторона капители с изображением плетеной решетки; *3* — широкая сторона капители с изображением зигзага; 4 — широкая сторона капители с монограммой

К ст. В. П. Коваленко, П. А. Раппопорт «Новый памятник византийского зодчества на Черниговском детинце»

Фото 1. Юго-западный угол храма

Фото 2. Северный аркосолий

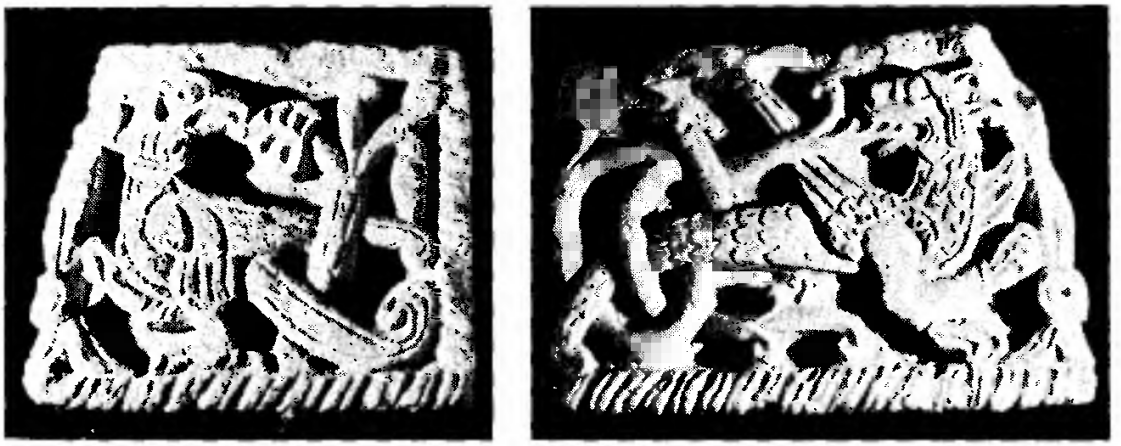
Фото 1. Результат византийско-древнерусского диалога в области архитектуры:
1 — Владимир-Волынский. Успенский собор XII в.; *2* — Чернигов. Успенский собор Елецкого монастыря, конец XI — начало XII в.



1 *2*

Фото 2. Образцы княжеского искусства:
1 — княжеский венец. Сахновка Черкасской области; *2* — чаша предположительно местного мастера, копирующего византийский образец. Чернигов

Фото 3. София Киевская. Фреска, изображающая борьбу с псоглавцем



1 2

Фото 4. Чернигов. Борисоглебский собор XII в. Угловые камни объемной резьбы

Фото 5. Миниатюра, изображающая встречу Ионна Цимисхия (слева) с киевским князем Святославом (справа). Хроника Скилицы. XII в.

и экономический потенциал объединенной Руси против османской агрессии. Литва была надолго связана обескровливающей борьбой с Орденом, а ее верхушка, оставаясь языческой, не имела давних традиций в отношениях с Византией. В Константинополе осознали растущий реальный потенциал Северо-Восточной Руси, неизбежность назревающего конфликта с Золотой Ордой. Географо-политический фактор говорил также в пользу Московского княжества: оно непосредственно соприкасалось с восточным мусульманским миром, являясь здесь оплотом православия. Ставка Византии на Литву могла толкнуть Москву в объятия мусульманского мира, теснее привязать ее к политике Золотой Орды[24].

К сказанному можно добавить, что И.Ф.Мейендорф не прав, говоря, что Киев находился в Литве, а русские земли, вошедшие в ее состав, были независимы от Золотой Орды. Эти утверждения верны лишь после событий 1361–1362 гг., когда Киев официально вошел в состав Великого княжества и киевским князем стал Владимир Ольгердович, а главное – после разгрома татарских войск на Синей Воде. В более ранний период, когда формировалась политика Кантакузина и его сторонников, Киев и Южнорусские земли находились в подчинении Золотой Орды и в сфере влияния московского митрополита.

Итак, положение Киева как древней русской столицы и традиционного общерусского церковного центра обеспечивало ему пристальное внимание византийских политиков и соответственно церковно-политические связи с Византией.

В 1352 г. Ольгерд пытался утвердить в Киеве своего ставленника Феодорита, которого он хотел возвести в общерусские митрополиты, однако константинопольский патриарх Филофей отказал ему в этом. Тогда Ольгерд обратился за помощью к болгарской церкви к тырновскому патриарху: "Того же лета инок Феодорит поставлен бысть митрополитом от терновского патриарха и прииде в Киев"[25]. Константинопольскому патриарху Каллисту пришлось разослать "во все тамошние места" грамоты, в которых Феодорит объявлялся низложенным, а в случае непослушания – и отлученным от церкви.

После смерти митрополита Феогноста в 1354 г. патриарх Филофей рукоположил в митрополиты "Киевские и всея Руси" московского кандидата Алексия, возложив на него обязанность попечения литовских земель его диоцеза и поддерживания постоянной связи с Константинополем[26]. Филофей также официально санкционировал перевод митрополичьей кафедры из Киева во Владимир[27], подчеркнув, впрочем, значение Софийского собора как второй резиденции митрополита. В результате Ольгерд потерял юридическое право требовать возвращения митрополита из Москвы в Киев.

В конце 1354 г. Иоанн Кантакузин вынужден был уйти с императорского престола, а в начале 1355 г. удален с патриаршества на Афон и патриарх Филофей. К власти вернулись Иоанн V Палеолог и патриарх

Каллист, при которых политика по отношению к Москве на некоторое время изменилась. В митрополиты был поставлен ставленник Ольгерда, выходец из Твери – Роман. Еще до своего поставления в Константинополе Роман предпринял неудачную попытку обосноваться в Киеве: "Того лета поиде из Литвы в Царьград Романь чернец на митрополию, и выиде, не приняша бо его кияне"[28]. Ситуация с борьбой двух митрополитов на Руси привела к новой поездке в Константинополь и специальному разбирательству патриаршего собора, на котором общерусская митрополия фактически была поделена между Алексеем и Романом: "В лето 6865 (1355–1356) приде Алекси митрополит из Царягорода на Русьскоую землю, а Роман на Литовьскоую и на Волыньскоую"[29]. За Алексеем осталось право на киевскую митрополию и "всея Руси" вместе с Киевом, за которым сохранялось значение "первого престола" митрополита. Роману досталась резиденция в Новогрудке с Полоцкой, Туровской, Новогрудской, а также Галицко-Волынской епархиями[30].

Как предполагают некоторые историки, Роману после нескольких неудачных попыток все же удалось обосноваться в Киеве[31]. В соборном определении патриарха Каллиста (июль 1361 г.) о пределах Киевской и литовской митрополий говорится, что "прийдя в Киев, он (Роман. – *Г.И.*) не по праву совершал здесь литургии и рукоположения и дерзостно назвал себя единственным митрополитом Киевским и всея Руси, что вызвало смуту и замешательство в области преосвященного митрополита Киевского и всея Руси и побудило литовского государя восстать против христиан и причинить им немало бед и кровопролития"[32]. П.Г.Клепатский, а вслед за ним и Ф.М.Шабульдо датируют утверждение Романа в Киеве 1357–1358 гг.[33] Исследователи располагают вескими основаниями для такого предположения. Однако следует иметь в виду, что в грамоте могли быть и отголоски событий 1354 г. Других источников об утверждении Романа в Киеве нет. Рогожский летописец лишь кратко сообщает о смерти Романа, но где это произошло, неясно. В статье 6870 (1361–1362) года говорится: "Тое же зимы преставися Роман митрополит"[34].

Важнейшую роль в политической и культурной жизни Восточной Европы с начала 70-х годов XIV в. до своей смерти в 1406 г. сыграл Киприан. В его политической карьере отразились все сложности и противоречия того времени. Он принимал активное участие практически во всех основных политических событиях тех лет и оказал существенное влияние на их ход. Перипетии его бурной и изменчивой политической деятельности рассматривались многими исследователями[35]. Отметим только, что Киприан был рукоположен в митрополиты 2 декабря 1375 г. патриархом Филофеем, предпринявшим еще одну попытку добиться церковного единства Руси. Патриарх избрал, по его собственному выражению, "в деле средний путь". Уступая энергичным требованиям Ольгерда, угрожавшего переходом Литвы в католицизм,

он поставил "кир Киприана в митрополита киевского, русского и литовского, т.е. тех мест, которые в продолжение многих лет митрополит кир Алексий оставлял без внимания. А чтобы древнее устройство Руси сохранилось и на будущее время, то есть чтобы она опять состояла под властью одного митрополита, соборным деянием законополагается, дабы после смерти кир Алексия кир Киприан получил всю Русь и был одним митрополитом всея Руси". Таким образом, православное население Великого княжества Литовского и Русского не подверглось "конечной беде и душевной погибели через присоединение к чуждой церкви", и в то же время оставался один митрополит для всей Руси, как того "требуют и право, и польза, и обычай"[36].

9 июня 1376 г. Киприан прибыл из Константинополя в Киев, где возглавил самостоятельную литовскую митрополию, выжидая время, чтобы стать общерусским митрополитом. Киприан находился в Киеве с 1376 по 1390 г. (за исключением пребывания в Москве в 1380–1382 гг.), а после переезда в Москву достаточно подолгу пребывал в Киеве в 1396–1397 и 1404–1405 гг. Отсюда он ездил в Константинополь, вел обширную переписку. Здесь в его окружении создан известный "Список городов русских ближних и дальних", а также знаменитая иллюстрированная Киевская псалтырь (рис. 1). В Киев приезжали многочисленные посланцы из разных политических и церковных центров Восточной Европы и Византии, различные его политические сторонники. Поэтому связи Киева с Византией в последней четверти XIV в. были особенно интенсивны.

Одним из свидетельств этих связей, вероятно, являются свинцовые актовые вислые печати, найденные при археологических исследованиях киевской ротонды в "городе Владимира", построенной на рубеже XII–XIII вв.[37] Первая печать, обнаруженная в 1976 г., довольно большая, диаметром 35–40 мм (рис. 2). Вторая, найденная в 1977 г., несколько меньше, оттиск на ней поместился неполностью. Обращает на себя внимание, что если печать 1977 г. является обычным моливдовулом толщиною 2–3 мм с отверстием для шнура, то у первой печати такое отверстие отсутствует, а толщина всего около 1 мм. Сама пластинка несколько больше матрицы. Похоже, что это не столько собственно актовая вислая печать, сколько ее образец или пробный оттиск. Обе печати оттиснуты одной матрицей, во втором случае пластинка печати меньше матрицы. Возможно, оттиск делался в спешке, наскоро, когда под рукой не оказалось свинцовой заготовки необходимого диаметра (фото 3).

Печати достаточно хорошо сохранились. На лицевой стороне помещено изображение Феодора Стратилата с копьем в правой руке и щитком в левой, окруженное точечным ободком. По сторонам от изображения святого нанесена колончатая зеркальная надпись с сокращением гласных на греческом языке "святой Феодор". На густые, кудрявые волосы надета диадема, украшенная посередине чем-то вроде розетки

Рис. 1. Прорись надписи на аверсе печати

с драгоценным камнем. На первый взгляд эта резко перехватывающая пышные волосы диадема и верхняя часть прически принимаются за подобие небольшой круглой шапки с меховой опушкой типа обычного княжеского головного убора. Е.Ч.Скржинская считает, что резчик изобразил шапку по своей неграмотности и непониманию предмета копирования. Такие же ошибки исследовательница усматривает и в изображении одежды святого[38]. В то же время обращает на себя внимание мастерский, уверенный рисунок, хорошая проработка деталей. На оборотной стороне помещена четырехстрочная греческая надпись (рис. 2). Текст расположен в ровных, почти полностью прямых строках. Буквы легенды также выполнены достаточно тщательно. Сама легенда хорошо сохранилась (прежде всего на печати 1977 г.). Несмотря на то что некоторые буквы сбиты и их рельеф сглажен, они просматриваются и прочитываются достаточно надежно.

Печати из раскопок киевской ротонды уникальны и аналогов им пока не обнаружено. Оформление не позволяет дать бесспорную датировку и атрибутацию.

По диаметру они значительно больше обычных древнерусских печатей XI – первой половины XIII в. На последних поясные изображения и греческие надписи (по крайней мере со светских печатей) исчезают с начала XI в.

Е.Ч.Скржинская считает, что некоторые неточности в употреблении написания букв, а также ошибки в изображении одежды "намекают на копирование сюжета, неясного для исполнителя матрицы", и предполагает, что матрица была изготовлена в Киеве в XIII–XIV вв. местным резчиком, то ли малограмотным, то ли повторившим неграмотный образец. Таким образом, печать представляет собой местную копию с византийского моливдовула[39]. Мы все же считаем, что это работа византийского мастера. Уверенный и достаточно тонкий рисунок не характерен для известных русских печатей как XI–XII, так и XIII–XV вв. Не похожа она и на стиль чеканщиков монет князя Владимира Ольгердовича, бивших монету в Киеве во второй половине XIV в. Можно, впрочем, предположить, что если матрица была изготовлена

в Византии, то сами моливдовулы (особенно второй) могли быть отчеканены в Киеве. Можно также предположить, что при изготовлении второго моливдовула воспользовались местной заготовкой – по размеру она больше отвечает обычным русским печатям. В таком скреплении грамоты в случае срочной необходимости (не в Византии, а в Киеве) в той сложной и быстро меняющейся политической обстановке не было бы ничего удивительного. По свидетельству летописей, в состав различного рода посольств иногда включались лица, в обязанность которых входило скрепление печатями грамот. Например, среди многочисленной свиты Митяя (отправившегося из Москвы в Константинополь хлопотать о поставлении на великорусскую митрополию) находился и "Дорофей печатник"[40].

Стратиграфическая ситуация находок не дает возможности для их четкой датировки. Первая найдена в поздней яме, которая пробила упавшую стену ротонды. Следовательно, она попала в яму уже после разрушения постройки, то есть никак не раньше середины XIII в., а поскольку ротонда существовала и позднее, то ее верхняя граница не определяется. Вторая печать обнаружена в переотложенном слое, лишенном каких-либо датирующих признаков. По нашему мнению, резкое отличие рассматриваемых печатей от древнерусских позволяет их отнести к XIV в.

Уточнить датировку может анализ легенды на реверсе печатей. Существует несколько возможных вариантов перевода греческой надписи легенды. Один из них сделан А.П.Кажданом: "Стратилат (Феодор) – скрепа посланий Нила"[41]. Е.Ч.Скржинская вначале предложила такой перевод: "Святой! (в звательном падеже, то есть в виде обращения) Будь милостив к пишущему – владыка Стратилат"[42]. Затем в ходе работы по изучению данных печатей исследовательница пришла к выводу, близкому к переводу А.П.Каждана. Буквальный перевод: "Нила писаний утверждение воистину Стратилат", или иначе: "Стратилат является воистину утверждением писаний Нила". Отмечая, что надпись метрична (ямбический триметр, или правильный двенадцатисложник), Е.Ч.Скржинская предлагает передать легенду печатей следующим образом: "Писаньям Нила Стратилат порука, так"[43].

Как видим, во всех вариантах перевода надписи присутствует Нил. Анализируя данные находки из раскопок ротонды, мы выдвинули предположение, что владельцем печати, вероятно, был некий Феодор ("печатник"?) из окружения высокопоставленного сановника Византийской империи Нила. Этот Нил должен был поддерживать тесные связи с Киевом. Наиболее известным в политической и церковной жизни Византии лицом, носившим такое имя, являлся патриарх Нил (1380–1389). С ним мы и связали рассматриваемые печати[44]. Такую же возможность отнести данные печати к патриарху Нилу, следуя собственным рассуждениям, увидела и Е.Ч.Скржинская.

Ее вторая "осторожная догадка" (по выражению самой исследовательницы) о том, что именно Нил был игуменом погибшего в 1240 г. "Федоровского Вотча монастыря, патроном которого естественно мыслить изображенного на лицевой стороне печати св.Феодора Стратилата"[45], вряд ли может подтвердиться. Правда, в пользу этой догадки можно добавить, что Федоровский монастырь находился в сотне метров от ротонды – места находки печатей. Однако Федоровский монастырь не погиб в 1240 г., он упоминается Ипатьевской летописью под 1259 г., когда им управляла сестра Даниила Галицкого[46]. Внушительные стены этого собора стояли еще в середине XVII в. Они зафиксированы на плане А.Кальнофойского 1638 г. и зарисованы А. ван Вестерфельдом в 1651 г. А.Кальнофойский обозначает собор как посвященный св.Феодору Тирону, а не Феодору Стратилату, т.е. покровителем монастыря должен был быть Федор Тирон. И именно он должен быть изображен на печати, если она принадлежала игумену этого монастыря.

Патриарх Нил буквально с первых дней своего патриаршества был втянут в церковно-политические дела на Руси, в которых он до своего посвящения не очень разбирался. На Руси в это время разгорелась упорная борьба за и против разделения общерусской митрополии по государственному признаку, между различными претендентами на кафедру, которая отражала различные политические тенденции, развивающиеся в стране. Одним из наиболее активных участников этой борьбы был Киприан, находившийся в этот период в Киеве. Патриарх Нил, поддерживая противников Киприана (сначала Пимена, а затем Дионисия Суздальского), пытался сместить последнего с общерусской митрополии, точнее, лишить его сана, поскольку Киприан, являясь номинальным общерусским митрополитом, обладал реальной властью лишь на территории Великого княжества Литовского и Русского.

Развязка борьбы Киприана с Дионисием прямо связана с Киевом. В 1384 г. Нил рукоположил Дионисия в митрополиты всея Руси. Казалось, Дионисий – энергичный и умный церковный и политический деятель – достиг вершины своей бурной, полной авантюр карьеры. Из Константинополя он направился в Киев: "прiйде изо Царяграда въ Кiевъ Дiонисiй епископъ, его же поставиша въ Цареграде митрополитомъ на Русь. И помышляше отъ Кiова ити на Москву, хотя быти митрополитомъ на Руси"[47]. Вероятно, Дионисий должен был заявить о своем поставлении в митрополиты и провести церемонию освещения своего вступления в сан в Софийском соборе, а также передать Киприану вызов в патриархию для низложения. Вспомним, что одним из пунктов решения патриаршего собора 1380 г., когда Пимена рукоположили в митрополиты Великой Руси, выдвигалось требование: "митрополит Киприан должен быть изгнан не только из Киева, но и вообще из пределов Руси"[48].

Однако Дионисий не учел реальной обстановки, которая сложилась в Киеве, а также силу киевского князя Владимира Ольгердовича.

Последний поддерживал политику Киприана и сам занимал достаточно самостоятельную позицию, намереваясь играть одну из наиболее важных ролей в деле объединения древнерусского наследия. За ним стоял авторитет древней столицы, заметно возрастающий военно-экономический потенциал Киевской земли, успешно возрождавшейся. Ярким свидетельством этого процесса являлась чеканка Владимиром Ольгердовичем собственной монеты где-то в 60-х годах XIV в. одновременно с Москвой и Литвой и ранее других крупных древнерусских центров. Дионисий по приходу в Киев был арестован князем: "и изнима его Кіовьскыи князь Володимеръ Олгердовичь, глаголя ему: пошелъ еси на митрополію въ Царыградъ безъ нашего повеленія". Сама формулировка обвинения Дионисия — почему не спросил согласия у Владимира Ольгердовича, говорит о силе киевского князя в это время. Дионисий "тако пребысть въ нятіе и въ заключеніи и до смерти"[49] 15 окрября 1385 г. Погребен он в "Киевской Печере великаго Антония". Исследователи полагают, что в молодости Дионисий был постриженником Киево-Печерского монастыря[50].

Этот эпизод очень важен для понимания той борьбы за общерусскую митрополию, которую вел Киприан, находившийся в этот момент в критическом положении. Вмешательство киевского князя помогло ему через несколько лет стать не только номинальным, но и фактическим митрополитом "всея Руси", переехать в Москву, после чего "и преста мятежъ в митрополии, и бысть едина митрополья Киев, и Галичь, и всея Руси"[51].

Вполне реально предположить, что именно в этот период происходил активный обмен посланиями между канцелярией Нила и Киевом. Возможно, что какие-то грамоты или послания Нила привез с собой и Дионисий, а какие-то писались в Киеве.

Ротонда, где найдены печати, носит следы ремонта послемонгольского времени (выполнена из брускового кирпича с каннелюрами, сложенного в венской системе кладки на известковом растворе, резко отличающемся от обычной древнерусской цемянки). Все это свидетельствует, что ротонда стояла в XIV в. Не исключено, что следы ремонта (фото 4) связаны с деятельностью и самого Киприана, который в послании Сергею Радонежскому и Феодору Симеоновскому от 23 июня 1378 г. упоминал, что он "места церковная запустошена давними леты, оправил есьм приложити к митрополии всея Руси"[52]. При раскопках ротонды найдены достаточно редкие серебряные монеты чеканки Владимира Ольгердовича (фото 5). Возможно, ротонда в XIV в. являлась резиденцией князя или продолжала служить палатой для княжеских или боярских советов. Таким образом, обнаруженные при раскопках ротонды актовые печати служат свидетельством связей Киева с Византией последней четверти XIV в.

Из всего изложенного можно прийти к выводу, что и после разгрома города 1240 г. войсками хана Батыя Киев оставался важным поли-

тическим и церковным центром. Киев по-прежнему поддерживал контакты с Византией во второй половине XIII–XIV вв. Связи осуществлялись главным образом по церковно-политической линии через митрополитов и их окружение. Сам Киев продолжал оставаться в фокусе внимания византийских политиков (прежде всего патриархата) постоянно.

[1] *Максимович М.А.* Собрание сочинений : В 3 т. – Киев, 1876. – Т.1. – С.131–145; *Антонович В.Б.* Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. – Киев, 1885; *Владимирский-Буданов М.В.* Население Юго-Западной России от половины XIII до половины XV века. – Киев, 1886.
[2] *Вздорнов Г.И.* Исследование о Киевской Псалтыри. – М., 1978. – С.32.
[3] Там же. – С.31, 32.
[4] *Плано де Карпини И.* История монголов. – СПб., 1911. – С.121; *Матузова В.И.* Английские средневековые источники. – М., 1979. – С.142.
[5] *Плано де Карпини И.* Указ. соч. – С.62.
[6] *Тихомиров М.Н.* Исторические связи России со славянскими странами и Византией. – М., 1969. – С.71, 72.
[7] *Прохоров Г.М.* Повесть о Митяе. – Л., 1978. – С.204.
[8] *ПСРЛ.* – СПб., 1897. – Т.11. – С.101.
[9] *Тихомиров М.Н.* Указ. соч. – С.49.
[10] *Щапов Я.Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. – М., 1978. – С.141, 159–185.
[11] *Там же.*
[12] *Янин В.Л.* О дате Новгородской Синодальной кормчей // Древняя Русь и славяне. – М., 1978. – С.288, 289.
[13] *ПСРЛ.* – СПб., 1885. – Т.10. – С.162.
[14] *Там же.* – С.172.
[15] *Шабульдо Ф.М.* Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. – Киев, 1987. – С.15–17.
[16] *РИБ.* – СПб., 1880. – Т.6. – № 30. – Стб.179.
[17] *ПСРЛ.* – Т.10. – Стб.176, 177.
[18] *Там же.* – С.199.
[19] *Там же.* – С.203.
[20] *Высоцкий С.А.* Древнерусские надписи Софии Киевской. – Киев, 1966. – С.102, 103.
[21] См. подробнее: *Греков И.Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды. – М., 1974; *Прохоров Г.М.* Указ. соч.; *Шабульдо Ф.М.* Указ. соч.
[22] *РИБ.* – Т.6. – Приложение. – № 3/7. – Стб.13–40.
[23] *Мейендорф И.Ф.* О византийском исихазме и его роли в культурном и политическом развитии Восточной Европы в XIV в. // ТОДРЛ. – Л., 1974. – Т.29. – С.303, 304.
[24] *Греков И.Б.* Указ. соч. – С.106–110; *Прохоров Г.М.* Указ. соч. – С.17.
[25] *ПСРЛ.* – Т.10. – С.226.
[26] *РИБ.* – Т.6. – № 9.
[27] *Там же.* – № 12. – Стб.63–70.
[28] *ПСРЛ.* – Т.35. – С.47.
[29] *ПСРЛ.* – Т.15. – Вып.1. – Стб.65.
[30] *РИБ.* – Т.6. – № 33. – Стб.203, 204.
[31] *Шабульдо Ф.М.* Указ. соч. – С.59, 60.
[32] *РИБ.* – Т.6. – №13. – Стб.78.
[33] *Клепатский П.Г.* Очерки по истории Киевской земли. – Одесса, 1912. С.18–20.

[34] *ПСРЛ.* – Т.15. – Вып.1. – Стб.73.
[35] *Соколов Пл.* Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV в. – Киев, 1913; *Греков И.Б.* Указ. соч.; *Прохоров Г.М.* Указ. соч.; *Шабульдо Ф.М.* Указ. соч.
[36] *РИБ.* – Т.6. – № 33. – Стб.203, 204.
[37] *Боровський Я.С., Толочко П.П.* Київська ротонда // Археологія Києва. – К., 1979. – С.103; *Боровский Я.Е., Толочко П.П.* Из работ Киевской экспедиции // АО 1977 года. – М., 1978. – С.390, 391.
[38] *Скржинская Е.Ч.* Печать Нила // ВИД. – Т.16. – С.88, 89.
[39] *Там же.* – С.89–92.
[40] *ПСРЛ.* – Т.15. – Вып.1. – Стб.129.
[41] *Письмо* А.П.Каждана от 21 декабря 1977 г.
[42] *Письмо Е.Ч.* Скржинской от 8 февраля 1977 г. П.П.Толочко.
[43] *Скржинская Е.Ч.* Указ. соч. – С.90–91.
[44] *Ивакин Г.Ю.* Памятники сфрагистики и нумизматики // Новое в археологии Киева. – Киев, 1981. – С.413.
[45] *Скржинская Е.Ч.* Указ. соч. – С.92.
[46] *ПСРЛ.* – Т.2. – Стб.791.
[47] *Там же.* – Т.15. – Вып.1. – Стб.149.
[48] *РИБ.* – Т.6. – № 30.
[49] *ПСРЛ.* – Т.15. – Вып.1. – Стб.149.
[50] *Прохоров Г.М.* Указ. соч. – С.69.
[51] *ПСРЛ.* – Т.1. – Вып.3. – Стб.537.
[52] *Прохоров Г.М.* Указ. соч. – С.200.

В.Н.ЗОЦЕНКО

ВИЗАНТИЙСКАЯ МОНЕТА В СРЕДНЕМ ПОДНЕПРОВЬЕ

Анализируется вопрос о формировании монетного обращения на территории Южной Руси в IX–XIII вв. и роль византийской монеты в этом процессе.

Одной из составляющих монетное обращение средневековой Восточной Европы совершенно определенно выступал чекан Византийской империи. В историографии до сих пор не утвердилось единое мнение о роли византийской монеты в европейском обращении. На том основании, что количество обнаруженной монеты империи уступает находкам арабского дирхема, в литературе нередко лишь регистрируется ее наличие, а иногда и вовсе отрицается функционирование этой монеты как средства обмена[1].

Отдельные авторы признают участником европейского обращения только солиды и номисмы, считая византийскую золотую монету наравне с дирхемом – "долларом средневековья"[2]. И.Г.Спасский видит в византийской монете образец для собственной древнерусской чеканки, которая, однако, экономически была связана "с длительным периодом обращения восточной монеты на Руси"[3].

Большое значение для осмысления участия византийских монет в восточноевропейском обращении имела публикация сводной топо-

©*В.Н.Зоценко, 1991*
ISBN 5-12-003266-4 Южная Русь и Византия. К., 1991

графии их находок на территории СССР. Сопоставление византийского чекана с остальным нумизматическим материалом средневековья Восточной Европы позволило автору свода продемонстрировать удельный вес византийских монет в монетном обращении Руси[4].

На территории Среднего Поднепровья между Вышгородом и городищем Княжья гора, Нежином и городищем у с.Городище Шепетовского района Хмельницкой области в настоящее время найдено более 150 экземпляров византийских монет, из которых более 100 происходят из Киева[5]. Проникновение этих монет на указанную территорию отмечается с начала VI в. (почти на два столетия ранее дирхемов). Постоянно же возобновляющееся их наличие в монетном обращении данного региона удерживалось вплоть до конца XII – начала XIII в. По характеру функционирования монет империи на территории Полянского союза – Руси в рамках шести столетий можно выделить три периода. Критерии периодизации бытования византийских монет в системе обращения Среднего Поднепровья обусловлены неравнозначностью конкретно-исторической ситуации в начальной и конечной точках их обращения.

Начальный период проникновения византийской монеты в Киев и его периферию охватывает с VI по VIII в. В Киевском Поднепровье обнаружено 15 монет выделяемого периода. Династически чекан представлен монетами Анастасия I (498–515), Юстиниана I (527–562), Маврикия Тиверия (582–602), Ираклия (610–641), возможно, Константа II (официально Константин III – 642–668) и одного из Исавров – Льва III (717–741) или Константина V Копранима (741–775). По номиналам это в основном фоллисы, хотя в двух случаях встречены солид (с.Жаботин Каменского района Черкасской области) и гексограмма (Киев). По обстоятельствам находок все монеты первого периода из Киевского Поднепровья относятся к единичным.

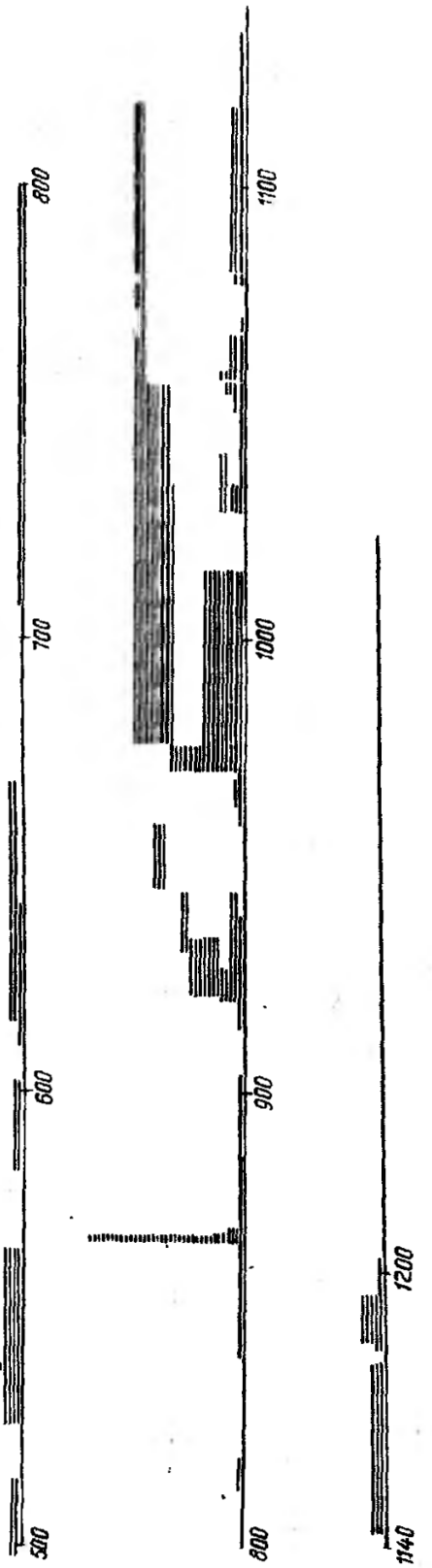
Динамика поступления в Среднее Поднепровье ранневизантийских монет отличается дискретностью (рисунок). Компактный массив составляет лишь чекан Юстиниана I, к которому примыкают две киевские и одна Бучакская (Каневский район) находки фоллисов Анастасия, а также два фоллиса Маврикия Тиверия. Три монеты относились к VII в., причем только одна из них имела удовлетворительную атрибуцию – солид Ираклия, превращенный в подвеску (с.Жаботин). Две другие – гексограмма из Киева и фоллис из Григоровки (Каневский район Черкасской области) неудовлетворительной сохранности. Но по изображениям императорского бюста на аверсе эти монеты могут быть отнесены к чеканке Ираклия после 615 г. или Константа II.

Крайне редким для Восточной Европы является оставшийся неопределенным фоллис VIII в., найденный в завале жилища XII – начала XIII в., исследованного на территории бывшего Михайловского монастыря в Киеве (1949). Обстоятельства находки данной монеты не должны нас смущать. М.К.Каргер отмечал, что монета не связана

со слоем существования жилища[6]. К тому же следует учитывать, что в условиях Верхнего города, интенсивно застраивающегося на протяжении XI–XX вв., культурный слой даже X в. неудовлетворительной сохранности, хотя именно в этом районе древнего Киева обнаружено большинство вещей третьей четверти I тыс. н.э.[7] Поэтому принадлежность монеты к современному ей, но не сохранившемуся культурному слою, более вероятна, чем ее попадание в Киев во время существования жилища, на месте которого она найдена.

Бронзовые монеты VIII в., помимо Киева, встречены в окрестностях Херсонеса и на Тамани[8]. Учитывая, что из 29 экземпляров византийских монет VIII в., обнаруженных на территории Восточной Европы, 22 принадлежали сирийской династии Исавров, главным образом чеканке Льва III и Константина V (741–775), можно предположить такую же регалию и киевского фоллиса[9].

В науке установилось мнение, что византийские импорты VI–VIII вв., в том числе и монетный металл, проникали в глубь Восточной Европы благодаря военным действиям славян против империи. Причем В.В.Кропоткин даже склонен исключить славянское участие в перемещении в Восточную Европу имперских импортов, оставляя приоритет в этих связях военным предприятиям кочевых племен[10]. Такой взгляд на процесс накопления византийского импорта и монет в лесостепной полосе Восточной Европы предполагает перемещение явлений обогащения родоплеменной



Гистограмма распределения византийских монет в Среднем Поднепровье

верхушки передовых отрядов полиэтнической людской массы, непосредственно участвующей в разбое периферийных областей Византии на все славянское население.

Во-первых, эти импорты весьма разнообразны по составу: от амфор до бронзовых монет. Роскошь в металле занимает отнюдь не ведущее место.

Во-вторых, сосредоточение импортов в основном на городищах и поселениях раннегородского типа (Киев, Пастырское, Зимное), но не в виде сокровищ. Украшения же из кладов Поросья и Киевского Поднепровья обладали чертами, характерными для общеевропейского и евроазийского убора или были изготовлены местными полянскими мастерами[11]. К тому же на славянских памятниках Среднего Поднепровья VI–VII вв. встречаются не только изделия Византии, но и Европейского Северо-Запада.

В-третьих, характерное расположение на границе лесостепи и степи и в самой степи Левобережья Днепра кочевнических памятников не предполагает широкого внедрения номадов в Днепровскую Лесостепь (единственное богатое погребение кочевнического типа на Правобережье – Глодосы обнаружено на границе со степью). Различия в составе импортов и их хронологии на кочевнических и поселенческих памятниках Среднего Днепра также не дают оснований для утверждения о наличии посредничества кочевников в поляно-византийских контактах эпохи Юстиниана.

Действительно, в кочевнических погребениях находят золотые монеты империи и драгоценную утварь. К тому же эти памятники вместе с лагерями (Вознесенка, Канцеровка) возникают не ранее второй половины – конца VII в. (археомагнитная дата – рубеж VI–VII в. для канцеровских горнов, предложенная А.Т.Смиленко, во многом удревлена, так как в них обжигалась керамика салтово-маяцкого облика середины VIII–IX в.)[12].

Таким образом, находимый в Среднем Поднепровье византийский импорт и монеты империи VI – середины VII в. нельзя рассматривать как кочевнические трофеи, занесенные в места их обнаружения.

С другой стороны, исторические источники дают полное право утверждать о существовании товарного обмена между антами и склавинами в период широкой колонизации славянами Подунавья и Балканского п-ова. В истории об анте Хильбудии, описывающей события 40-х годов VI в., Прокопий сообщает, что до того как стать самозванцем, Хильбудий-ант находился в рабстве у склавинов и был выкуплен своим соплеменником, но не из сострадания, а с целью перепродажи. Этот акт купли-продажи между славянскими союзами был осуществлен с помощью денег[13].

Надо думать, что византийский вещевой импорт и монеты VI–VII вв. из Среднего Поднепровья являются свидетельствами пока еще не регулярных, но товарно-обменных связей восточнославянского

мира с империей, потребность в которых все более ощущалась формирующимися у славян институтами социального неравенства. Начавшееся же в конце V в. массовое наступление славян на северные рубежи империи лишь создавало благоприятные условия для оживленных межплеменных и межэтнических контактов. Заключительный этап великого переселения народов создал условия для освоения полянами-русами северной границы Правобережной Лесостепи с расположенными в центре, между конечными пунктами данного передвижения, Киевскими высотами. Объединенные единой фискально-административной функцией под эгидой полянской династии, они начиная с VI в. все более приобретали черты крупного межплеменного политико-экономического центра на границе племенных группировок восточных славян Лесостепной и Полесской зон.

Дальнейшее распространение к северу и западу от Среднего Поднепровья византийской монеты VI–VII вв. совершенно определенно освещает направленность историко-экономических связей в этой части Восточной Европы. Из 11 найденных византийских монет указанного времени вне пределов Среднего Поднепровья и Верхнего Поднестровья 8 приходится на Юго-Восточную Прибалтику, 2 – на Припятско-Бугское Полесье, 1 – в области прибалтийских финно-угров, осваиваемой кривичами (регион культуры длинных курганов): Энгуре (Курземе) – солид 491–518 гг., Кранес Расас (Видземе) – фоллис 539–540 гг., бывший Брайтенштайн (Нижний Неман) – фоллис 641–668 гг., бывший Шарлоттенберг (Самбия) – фоллис 641–668 гг., бывший Грунникен (Мазурское Поозерье) – 2 милиарисия 641–668 гг. из одного погребения, бывшее Нойе-Бодшвиккен (Мазурское Поозерье) – милиарисий 641–668 гг., бывший Хаммерсдорф (Верхняя Прегель) – солид 641–668 гг., Пинск – фоллис 569–668 гг., Зимное – фоллис VI–VII вв., Псков – 615–629 гг.[14].

Приведенная топография указывает на движение ранневизантийской монеты со Среднего Поднепровья по Днепро-Неманской (Пинск – Неманский район Калининградской области – Калининград) и Днепро-Вислянской (Зимное – Мазурское Поозерье) системах путей сообщений. Скорее всего куршские и латгало-ливские находки монет обязаны также транзиту через Нижнее Понеманье. О связи прибалтийских находок с бытовавшим в Поднепровье византийским монетным металлом свидетельствует не только близость династических показателей (чекан Анастасия I, Юстиниана I, Ираклия и Константа II), но и номинальная принадлежность (преобладание фоллиса) монет в обоих регионах, а также на путях между ними.

По обстоятельствам обнаружения и номинальной стоимости в ранневизантийской монете с очерченной территории, естественно, нельзя видеть сокровище. Однако происходящие из четко очерченных районов расселения восточнославянских и балтийских племенных группировок эти монеты нельзя признать случайными. Распространению здесь ви-

зантийской монеты третьей четверти I тыс. н.э. способствовали социально-экономические закономерности, в основе которых лежали реалии исторического процесса.

География восточноевропейских находок ранневизантийских монет показывает их сосредоточение на территориях с заметными сдвигами по пути классообразования и создания раннегосударственных институтов, которые в силу перемещения населения оказывались связанными между собой различными уровнями историко-экономических контактов. Из регионов с повышенными темпами социально-экономического развития выпадает только единственное местонахождение фоллиса в зоне кривичского расселения.

Учитывая, что полянский и дулебский союзы восточнославянских племен самого начала очерченного хронологического отрезка активно контактировали с византийским обществом (Северное Причерноморье, Нижнее Подунавье, Балканский п-ов) и так как к этому времени у восточных славян и населения Юго-Восточной Прибалтики уже обособилось ремесленное производство, что привело к обмену, можно без особых натяжек усматривать в данных монетах результат межплеменного и ме..этн ческого обмена. "Переход от простого обмена товаров к обмену с помощью денег вовсе не относится к специфическим экономическим явлениям феодализма. Уже на самых ранних ступенях своей истории феодализм и на Западе и на Востоке опирается на унаследованные от прошлого денежные системы"[15].

Однако появлен е монеты одновременно с обменом, естественно, не означало, что славяне Среднего Поднепровья, Верхнего Поднестровья и Волыни вместе с балтскими и финно-угорскими племенами Юго-Восточной Прибалтики в полной мере усвоили ее сущностные функции. Население Восточной Европы в третьей четверти I тыс. н.э., исключая Причерноморье, Закавказье и Прикаспий, еще не могло осознать номинальной стоимости проникавшей к ним монеты, ее функции как средства обращения. Монета воспринималась только со стороны ее потребительской стоимости, как слиток металла.

Денежный оборот этого времени на большей части Восточной Европы может быть сравним с натуральным товарообменом металлическими слитками с той разницей, что последние принимались не по весу, а по счету, ввиду перенятия практики употребления монеты – устоявшегося по весовой норме слитка металла. Хотя, вероятно, существовала практика приема цветных металлов и по весу. Один из киевских фоллисов Юстиниана I (537 г., Константинополь) обнаружен на Подоле вместе с "1/4 гривны новгородского типа с греческими буквами"[16].

Способ употребления монеты по ее потребительской стоимости был всеобщеисторическим явлением начальных этапов денежного обращения. Суть этого явления раскрыл Адам Смит, предполагавший, что деньги – "такой же предмет обихода, как и кухонная посуда"[17]. Прекрасно демонстрирует этот феномен феодализирующаяся экономика

Египта IV–V вв., где, по словам Э.Кондураки, "монеты, прежняя ценность которых была забыта, продолжали быть в обращении на правах обыкновенных фишек"[18]. По мере расширения межплеменных контактов монетарный обмен "фишками" постепенно приобретает функцию межэтнического "мирового" средства оборота. Последнее в Восточной Европе проявилось уже с начала поступления сюда арабского дирхема.

Следующий период функционирования византийской монеты в Среднем Поднепровье качественно отличен от рассмотренного, хотя и обусловлен им. Он связан с началом реального монетного обращения на территории Восточной Европы. Параллельное обращение византийских и арабских монет в Среднем Поднепровье отмечается с 70-годов IX в. Выделяемый период можно датировать в пределах одного столетия – до 60-х годов X в., когда прекращается приток в Южную Русь арабского монетного серебра.

В Киевском Поднепровье к настоящему времени зарегистрировано 64 византийские монеты, относящиеся к указанному периоду. Большинство монет составляют фоллисы – 56 экз., номисмы – 6 и милиарисии – 2. Из этих монет лишь одна была чеканена в начале IX в. – фоллис Льва V (813–820), обнаруженный в Нежине; один из фоллисов чеканен при Михаиле III Пьянице (842–867); 36 монет относились ко времени Василия I (867–886); две монеты выпущены при Льве VI Философе и его брате Александре (между 886–904 гг.); чеканка Константина VII Парфирородного со своими соправителями представлена 17 монетами, выпущенными между 914 и 959 гг. Заключительную фазу периода представляют фоллис Романа II (959–963); фоллис и номисма Никифора II Фоки (963–969); 42 монеты происходили из четырех кладов, обнаруженных в Киеве (три комплекса) и с.Гладовичи Овручского района Житомирской области; 5 – из четырех погребений киевских некрополей (94, 121, 122, 124 по нумерации М.К.Каргера); 2 – из культурного слоя Киево-Подола. Происхождение остальных не выяснено.

Основная масса монет с датой, укладывающейся в выделяемый период, исходя из составов комплексов, попали в Киев и его Землю в сравнительно короткий отрезок времени после их выпуска. В накоплении клада 1908 г. с Замковой горы в Киеве, состоящего из 37 фоллисов херсонской (корсуньской) чеканки, выделяются три хронологических массива. Основу клада составили монеты, поступившие в 70-е годы IX в., чеканенные между 867–870 гг. (30 экз.). Заметное место в этом кладе занимают монеты 921–934 гг. – 5 экз. Младшие монеты комплекса представлены фоллисами 959–963 и 963–969 гг.

Исходя из того, что между старшей монетой (фоллис Константина VII, чеканенный между 29/I–6/IV – 945 г.) и монетами, составляющими доминанту накопления клада бронзовых византийских монет, найденного в Киеве на Лукьяновке (1939 г.), существовал промежуток

в четверть — сто лет, можно предположить, что указанный фоллис попал в Поднепровье вскоре после чеканки, тем более что в Киеве найдены еще два таких фоллиса. Первый из них (обрезанный) обнаружен в погребении № 94, датируемом по инвентарю не позже середины X в.[19] Второй обнаружен при раскопках хозяйственной постройки усадьбы на Красной площади. Постройка по дендрохронологическому анализу датируется 975 г.[20]

До сооружения Десятинной церкви попала в Киев субэратная номисма Василия I и Константина (867–870), найденная в погребении № 122, открытом под центральной апсидой храма. По фибуле в "терслев-стиле" весь комплекс можно датировать концом IX — первой половиной X в. О недолгом обращении данной монеты свидетельствует и ее более чем удовлетворительная сохранность[21]. Концом IX — первой половиной X в. следует датировать и трупосожжение № 121, где помимо фоллиса 886 г. находились кости и рог тура, бронзовая литая пуговица-бубенчик и наконечник стрелы[22]. Скорее всего к середине X в. следует отнести поступление в Киев двух милиарисиев 931–944 гг., происходящих из погребения № 124, куда входила и пара скорлупообразных фибул 51 типа (по Я.Петерсену), редко встречаемых в комплексах позже 950 г.[23] Между 972–975 гг. (дендродаты) утерян фоллис 921–934 гг. из третьего горизонта усадьбы на Красной площади (исследования 1972 г.)[24].

Что же касается номисмы 963–969 гг. из клада 1899 г., обнаруженного в Киеве на Липках, то по хронологии доминанты состава (976–1034 гг. — 10 из 16 монет и 6 монет позже 1034 г.) вполне вероятно ее попадание к месту тезоврации вместе с монетным золотом Иоанна Цимисхия или Василия II.

Последний период обращения византийской монеты в Среднем Поднепровье связан с ее самостоятельным бытованием после прекращения поступления восточных монет. Хронологию выделяемого периода можно определить с конца 60 — начала 70-х годов X в. до начала XIII в. В Киевской земле обнаружено 73 византийские монеты с датами чеканки этого времени. В конце X — первой половине XI в., как отмечалось, могла поступить номисма Никифора II Фоки из киевского клада 1899 г. Вместе с номисмами этого клада поступил и динар малагского правителя Йахйи I ал-Мутали (1033–1034 гг. чеканки). Наличие данной монеты в кладе связывает ее с обращением византийского монетного золота. Таким образом, численность монет данного периода, поступивших в Среднее Поднепровье, может быть определена 75 экз. По номиналам преобладают фоллисы — 44 экз.; номисмы — 28 экз. и один малагский динар; милиарисии представлены одним экз.

Большинство монет найдено в Киеве — 58 экз., 46 монет входило в состав 7 кладов: 5 комплексов - Киев, по одному — с Княжей и Девич гор (г. Канев и с.Сахновка Черкасской области). Три киевских клада содержали лишь фоллисы; клад с Девич горы, помимо двух

номисм, – золотой слиток весом 20 г и 8 гривен "киевского типа". Остальные клады – денежно-вещевые сокровища, монетная часть которых состояла из номисм.

Один из кладов бронзовых монет, найденный на Подоле в 1888 г. (бывшая усадьба Иванишева, современная ул.Героев Триполья), содержал 9 анонимных фоллисов, обычно приписываемых чекану Иоанна Цимисхия (969–976). Однако не исключена возможность, что эти монеты могли относиться и к чекану иных императоров. Анонимные бронзовые монеты в Империи чеканились с 971 по 1118 г. За это время было осуществлено 12 выпусков анонимов, различающихся штемпелями[25].

Следующий клад фоллисов (1939 г., Лукьяновка), как отмечалось выше, начал накапливаться еще в предыдущем периоде (монета 945 г.). Затем идут две монеты, которые могли быть выпущены в промежутке от начала чеканки анонимных фоллисов до конца правления Романа III (971–1034). Заключительную фазу накопления комплекса составляют три монеты Феодоры (1055–1056), Исаака I Комнина (1057–1059) и Константина X (1059–1067).

Клад 1899 г. (Липки, бывшая усадьба Бродского, современная ул.Розы Люксембург) также накапливался в три этапа. Раннюю группу составляют номисмы Никифора Фоки (963–969) – 1 экз. и Василия II с Константином VIII (976–1025) – 7 экз. Номисмы Романа III (1028–1034) составляют 2 экз. К этой же группе следует отнести динар 1033/34 г. Младшие монеты клада: номисма Константина IX Мономаха, чеканенная после смерти Зои в 1050–1055 гг., а также 4 номисмы Исаака I Комнина (1057–1059). Кроме монет, в кладе имелись два золотых слитка весом 143,264 (конец обрублен) и 47,37 г и три золотых браслета.

В клад 1889 г. (бывшая усадьба Гребеновского, современный пер. Рыльского), помимо ювелирных украшений, входили две номисмы Алексея Комнина – 1081–1118 гг. и Исаака II Комнина 1118–1134 гг.

Последний киевский клад, состоящий из сцифатных фоллисов, обнаружен не позднее 1986 г. Обстоятельства находки остались невыясненными, монеты попали в руки коллекционеров. Через сотрудника Института археологии АН УССР А.Сыромятникова стало известно о 10 монетах: Мануила I Комнина, 1143–1180 гг. – 2 экз.; Андроника I Комнина, 1183–1185 гг. – 2 экз.; Исаака II Ангела, 1185–1195 гг. – 5 экз.; Алексея III Ангела, 1195–1203 гг. – 1 экз. Все монеты Константинопольской чеканки.

В клад 1887 г. с Княжей Горы вместе с ювелирными изделиями входили две номисмы Никифора III Вотаниата, 1078–1081 гг. Монетная часть клада с Девич горы (1900) представлена двумя номисмами XII в.: одна – Мануила I Комнина, 1143–1180 гг.; вторая не определена.

В культурном слое, современном датам чеканки монет третьего периода, найдено 10 монет: фоллис Исаака I Комнина, 1057–1059 гг. – раскопки 1974 г. по ул.Волошской, № 17 в Киеве; фоллисы Константина X Дуки, 1059–1067 гг. – раскопки 1937 г. в Вышгороде и 1973 г. в Киеве на Житнем рынке; фоллис Романа IV Диогена, 1067–1070 гг. – раскопки 1937 г. в Вышгороде; фоллисы Алексея I Комнина, 1081–1118 г. – раскопки 1939 г. на территории Михайловского монастыря в Киеве; раскопки 1950 г. по ул.Волошской, № 22; анонимные фоллисы 971–1118 гг. – 3 экз., раскопки на территории Десятинной церкви в 1908–1913 гг.; сцифатный фоллис очень плохой сохранности конца XII – начала XIII в., обнаруженный при раскопках 1957 г. на городище у с.Городище Шепетовского района Хмельницкой области; одна монета обнаружена в курганном погребении с конем в Яблуновском могильнике (Белоцерковский район Киевской области) – половина номисмы XII в. Остальные монеты выделяемого периода относились к категории случайных единичных находок.

Выявленные в Среднем Поднепровье византийские монеты IX–XIII вв. делятся на семь хронологических блоков, соответствующих периодам активизации историко-экономических связей Киева с Византийской империей:

813–820 гг. – 1 фоллис; 867–904 – 39 (38 фоллисов, 1 номисма); 914–969 – 23 (18 фоллисов, 3 номисмы, 2 милиарисия); 969–1034 – 36 (20 фоллисов, 14 номисм, 1 динар, 1 милиарисий); 1042–1071 – 17 (9 фоллисов, 8 номисм); 1078–1185 – 15 (8 фоллисов, 7 номисм); 1183–1203 гг. – 10 фоллисов.

В материале, представляющем второй период функционирования византийских монет в Среднем Поднепровье, практически отсутствуют монеты первой половины IX в. Но на третью – начало последней трети этого столетия приходится 39 монет, что многим больше, чем количество всех византийских монет IX в., обнаруженных на европейской территории СССР. По данным В.В.Кропоткина, здесь зарегистрирован 21 экз. данной чеканки. На территории Руси византийские монеты IX в. сосредоточены в основном в Среднем Поднепровье. С остальных регионов их известно всего 10: Тернополь – номисма 792–802 гг.; Гнездово – номисма 829–842 гг., фоллис 867–886 гг., милиарисий 869–879 гг.; "Черная могила" – две номисмы 842–867 гг.; Шестовицы – два фоллиса 886–912 гг.; Хитровка – милиарисий 842–867 гг. в составе клада дирхемов конца IX в. Причем монеты из могильников Чернигова, Шестовиц и Гнездова находились в комплексах X в.

Исчезновению в Среднем Поднепровье византийских монет первой половины IX в. предшествовало сокращение их поступления сюда в последней трети VII – на протяжении VIII в. Из находок чеканки указанного периода можно назвать лишь неопределенный фоллис VIII в. из Киева и бронзовую монету 813–820 гг. из Нежина. Аналогичная ситуация наблюдается и в других регионах Восточной Европы, вплоть

до Балтики. На этом основании В.В.Кропоткин заключает, что в VIII–IX вв. "экономические связи Византии с Восточной Европой и Закавказьем почти полностью прекратились"[26].

Приведенный материал, однако, вносит существенные коррективы в рассуждения В.В.Кропоткина. В Среднее Поднепровье византийские монеты не проникали только в первой половине IX в. При количественном сравнении монетных находок второго периода с предыдущим этапом выясняется, что только чекан IX в. свидетельствует о возрастании массы поступаемых сюда монет империи – 40 против 15 экз. Следовательно, сократившиеся в последней трети VII – середине IX в. русско-византийские связи во второй половине IX в. развивались в большей, чем прежде, интенсивностью. Что же касается малочисленности монет VIII – первой половины IX в. в Херсоне (Корсуне), то это объясняется прекращением деятельности монетного двора в городе при Ираклии (610–641) и последующим в 710 г. разорением Херсона Юстинианом II. Но уже во второй половине VIII в Херсон возобновляет свою чеканку не прерывающуюся и в первой трети – середине IX в.[27]

Сокращение притока монет империи в IX в. В.В.Кропоткин связывает также с началом массового поступления в Европу арабских дирхемов. Но это явление скорее всего объясняется политико-экономической ситуацией как внутри империи, так и в Восточной Европе. Падение экономической активности Византии после Константина II (официально Константин III, убит в 668 г.) обусловливалось опустошительными походами варваров (славяне, болгары), арабо-византийскими войнами, дворцовыми смутами, характерными для внутреннего положения империи фактически до восшествия на престол первого из Исавров – Льва III (717–741). Упрочение центральной власти, победа в Малой Азии над Масламой, некоторое оживление экономической жизни, наметившееся к середине – второй половине VIII в., не принесли общественно-экономической стабилизации из-за иконоборчевской политики Льва и его сына Константина V (741–775), расколовшей население империи на два враждующих лагеря.

С другой стороны, возникшее около середины VII в. в степях между Каспийским и Азовским морями Хазарское государство к началу VIII в. прочно обосновалось в Причерноморье вплоть до Крыма. Но власть хазар над Херсоном оказалась недолгой. В 710 г. Юстиниан взял Херсон и пленил хазарского наместника вместе с его окружением, из которого семь человек было "поджарено" на вертелах. Действия Юстиниана вызвали возмущение по всему полуострову, что привело к провозглашению, не без участия каганата, императором опального армянина Вардана, воцарившегося под именем Филиппик (711–713)[28]. Последствиями этих перемен стал долговременный хазаро-византийский союз. По замыслу константинопольских политиков, Хазария должна была стать заслоном империи на северо-восточных ее рубежах. Для упрочения союза с Хазарией Византии пришлось уступить Северное

Причерноморье, оставив за собой лишь южную оконечность Крыма, где в 834 г. была организована Херсонская фема. Тем самым Хазария заняла монопольное положение во взаимоотношениях Византийской империи с Восточной Европой. Изоляции глубинных районов этой части Европы способствовала и прекратившаяся к VIII в. массовая миграция славян на Балканы.

После поражения хазар в 737 г., нанесенного войсками Марвана, и подписания арабо-хазарского мира каганат был также вовлечен в орбиту арабских связей. Теперь Халифат, наравне с Империей мог получать меха, рабов и другие товары, проходившие транзитом через Хазарию из глубины восточнославянского мира. В обмен к хазарам и далее на север с середины VIII в. стали поступать изделия ремесленных центров Халифата и, конечно, дирхемы.

Происходящие на юге события не могли не влиять на ход исторического процесса на территории восточнославянского заселения. Арабо-византийские войны, в которые были втянуты и хазары, повлекли за собой откочевку населения каганата на север, где по верховьям Северского Донца и Дона на протяжении первых трех десятилетий VIII в. формировалась новая граница Хазарии. Это дало возможность каганату после окончания войны с арабами начать расширение своих владений за счет восточнославянских княжений. Вероятно, в середине VIII в. устанавливаются даннические отношения между полянской Русью и Хазарией. Включению полян в сферу хазарского сближения, возможно, способствовала происходившая в то время война между полянами — русью и соседними с ними союзами племен, в первую очередь древлянами. Во всяком случае некоторые исследователи ставят в прямую зависимость друг от друга данные события[29].

Взимание дани с полян, однако, не означало полного подчинения Руси хазарам. Между обоими государственными объединениями поддерживались и активные экономические контакты. Об этом свидетельствуют распространение в Среднем Поднепровье с середины VIII в. дирхема и наличие в торговой части Киева топонима "Козаре", возможно, связанного с "представительством" каганата в полянской столице. Полянский вассалитет по отношению к Хазарии не особо влиял и на внешнеполитические акции молодой Руси. В начале 30-х годов IX в. (дата по А.Н.Сахарову) Русь без помощи и ведома каганата совершила морской поход на Малоазийское побережье Византии, пробив тем самым созданный Хазарией изоляционный кордон во взаимоотношениях с империей[30]. Вполне вероятно, именно с этими событиями связана находка фоллиса Льва V.

Следующий шаг, предпринятый Русью для налаживания самостоятельных контактов с Империей, был осуществлен вскоре после амастридского похода, Речь идет о посольстве к императору Феофилу, известном по Бертинским анналам епископа Пруденция. Этому сообщению посвящена обширнейшая литература в русле антинорманистской

и норманистской концепций истории Древнерусского государства. Однако сегодня наука располагает всеми данными для локализации страны "народа Рос" в Среднем Поднепровье. Относительно же этнической принадлежности послов, то они действительно были шведами и состояли на службе у правящей русско-полянской династии[31]. Данное свидетельство определенным образом проливает свет и на перемены, произошедшие в области хазаро-русских взаимоотношений ко времени появления послов Руси при дворах Феофила и Людовика Благочестивого. Большинство исследователей признает, что принятие зафиксированной Пруденцием хазарской титулатуры верховным правителем Руси могло означать лишь освобождение к этому времени Среднего Поднепровья от дани каганату[32].

Окончательно изоляция Руси от Византии была снята широко известным походом флота русов на Константинополь в июне 860 г. и последующей за ним серией русско-византийских договоров последней трети IX в. Оставляя в стороне обширнейшую историографию русско-византийских отношений 60-х годов IX в., в частности вопрос о переговорах императора Василия I Македонянина с аскольдовою Русью и ее последующей христианизации, отметим, что именно с чеканкой этого императора (867–886) связан наиболее интенсивный приток византийских монет в Среднее Поднепровье – 37 монет из выделенных 39 второго хронологического блока (37 лет).

Интенсивное поступление византийской монеты на Среднее Поднепровье наблюдается вплоть до 40-х годов XII в. После этого прослеживается определенный спад, особенно заметный в период от Никифора III Вотаниата до Мануила I – 1073–1180 гг., когда за 102 года регистрируется всего 15 монет. Однако со вступлением на престол Андроника I Комнина вновь наблюдается заметное, хотя и непродолжительное оживление в их притоке. Прекращение притока византийской чеканки в Киев и его периферию наступает с начала XIII в. Имперский чекан после Алексея III Ангела (1145–1203) здесь практически отсутствует.

В каждом из выделенных хронологических периодов существует доминирующая группа монет, свидетельствующая о возрастании активности древнерусско-византийских связей. О периоде 867–904 гг. говорилось выше. В 914–969 гг. преобладает чекан Константина VII Порфирородного с различными соправителями (913–959) – 21 монета из 23, репрезентирующих указанные 56 лет. Это явление также увязывается с актами дипломатической истории Руси: заключение между Игорем и Романом I Лакапином в 944 г. дружеского договора; посольства в 957 г. Ольги ко двору Константина VII и ее крещение.

В последующие 65 лет (969–1034) выделяются монеты, чеканенные в годы правления Иоанна Цимисхия (969–976) и Василия II (976–1025) – 23 экз. К ним можно добавить 7 экз. анонимных фоллисов 971–1034 гг., приток которых в Среднее Поднепровье более вероятен в период названных властителей империи, чем при Романе III Агрире

(1028–1034), который ввел новый штемпель анонимных монет, просуществовавший до 1041 г.[33]

Поступление чекана Иоанна Цимисхия хорошо увязывается с балканской политикой Святослава и заключением договора 971 г., положившего конец русско-болгаро-византийским войнам 967–971 гг. В свою очередь, монеты Василия II связываются с событиями 988–989 гг.: Корсуньский поход Владимира Святославича, его крещение и брак с сестрой императора, поддержка Василия шеститысячным корпусом русской дружины в его борьбе с мятежным Вардой Фокой. Прочный политический союз с Византией был закреплен, вероятно, в последний год жизни Владимира постоянным представительством Руси на территории империи в виде монастырской обители на Афонском п-ове (Ксилурги). Ровные отношения Руси с империей, начало которым положили названные события, поддерживались до 1043 г. – до похода флота Руси на Константинополь.

В поступлениях 1042–1071 гг. выделяется компактный массив монет, чеканенных между 1050–1071 гг. – 15 экз. Несмотря на обострения в политических взаимоотношениях после 1043 г., русско-византийские экономические связи, как видно из данных нумизматики, развивались стабильно. В этом смысле не случайна угроза киевского веча 1069 г. по случаю бегства из Киева Всеслава Полоцкого: "...зажегше град свой, ступим в Грѣческу землю". К тому же наемные русско-варяжские дружины участвовали в войнах Византии против турок-сельджуков (1057, 1071) и норманнов при Отранто (1064).

В последующем периоде (1078–1180) заметно наличие монет чеканки Комнинов (1081–1180) – 9 экз. При этом доминирует чекан Алексея I Комнина (1081–1118) – 6 экз. Это можно объяснить относительно прочным союзом между Всеволодом Ярославичем (1078–1093), Святополком Изяславичем (1093–1113) и Алексеем Комниным[34].

Заключительная фаза притока византийских монет в Киевскую землю ознаменована тесными контактами между династией Ангелов и южнорусскими княжествами (Чернигов, Киев, Владимир, Галич)[35]. В этом, возможно, кроется причина того, что чеканка 1183–1203 гг. представлена почти таким же количеством, что и монеты, поступившие в Киев за 402 предыдущих года – 10 против 15.

При сравнении найденных в Среднем Поднепровье византийских монет X–XII вв. с соответствующими находками остальной территории Восточной Европы обнаруживается неравномерность внедрения этих монет в обращение того или иного региона. Монеты заключительной фазы второго периода обращения найдены в Черниговской (номисма 921–944), милиарисий и номисма – 945–959 гг.); Смоленской (номисма 912–913, фоллисы 919–921 – 2 экз., милиарисий 945–959 гг.); на Северо-Востоке (милиарисии 945 – 2 экз. и 945–959 гг.) и Северо-Западе Руси (2 милиарисия и фоллис 921–934 и 3 милиари-

сия 963–969 гг.); в Полоцке (фоллис 919–944 гг.) и Турово-Пинской земле (Заужелье Речицкого района – милиарисий 945–959 гг. вместе с дирхемом середины X в. из курганного погребения); в Юго-Восточной Прибалтике (фоллис 963–969 гг. – Даукшайчяй, Клайпедский район Литвы); а также в Эстонии и Латгалии (милиарисии 945 г. – 2 экз., 945–959 гг. – 5 экз., 963–969 – 4 экз.). Находки византийских монет этого времени отсутствуют на Волыни, Прикарпатье, в Переяславской земле.

С начала третьего периода обращения распространение византийской монеты охватывает все земли Руси и Прибалтики. Из Переяславской известны 3 милиарисия 969–976 гг.; 2 номисмы и милиарисий 976–1025 гг. Монеты 969–976 гг. встречаются среди находок в Понеманье (милиарисий в составе клада X в. восточных и западноевропейских монет – Новый Двор Минского района); в Северо-Восточной Руси (7 милиарисиев, 1 фоллис) и в Северо-Западной Руси (9 милиарисиев, 1 фоллис); в Юго-Восточной Прибалтике (фоллис, Нитаурес-Тивиниены, ливы Погауйя, погребение), в Латгале и Эстонии (5 милиарисиев).

Чеканка Василия II и Константина VIII (976–1025) встречается на всей очерченной территории: юг Полоцкой земли – 2 милиарисия в составе клада середины XI в. вместе с западноевропейскими, восточными, древнерусскими монетами и слитками серебра; Поречье, верховья р.Березины; Галицкая Русь – 1 милиарисий; Черниговская земля – 2 номисмы, 1 милиарисий; Северо-Восточная Русь – 3 милиарисия и Северо-Западная Русь – 27 милиарисиев; Юго-Восточная Прибалтика (Даугмале – 1 милиарисий; Цесис – 2 милиарисия, погребение вместе с двумя денариями Этельреда II; Талсы – 1 фоллис); Эстония и Латгале – 137 милиарисиев, из которых 120 экз. происходят из клада середины XI в. Выпла, древний мааконд Ляэнемаа.

В последующем периоде наблюдается сокращение территории распространения византийской монеты. Они найдены в Переяславской земле (субэратная номисма, фоллис 1059–1067 гг., 8 анонимных фоллисов X–XI вв.) и на Волыни (Зеленче, 3 анонимных фоллиса X–XI вв.). Фоллис Романа IV (1067–1070) найден в Любече, а на северо-западе Псковской земли – односторонний милиарисий этого же императора. В 1804 г. в Пинске обнаружен клад золотых монет, в состав которого входили 14 номисм Романа IV с соправителями, а также 6 златников Владимира Святославича. В Юго-Восточной Прибалтике выявлены фоллисы 1034–1041 гг. (Яунсвирлаукас-Видуги, Земгале), 1055–1056 (Яунсвирлаукас-Банданы, Земгале), 1067–1070 гг. (Муромское, Самбия, погребение). Византийские монеты этого времени не зарегистрированы в Северо-Восточной Руси, а Смоленская земля вместе с Северо-Восточной Прибалтикой выпадают из круга обращения этих монет после времени Василия II.

Период 1078–1180 гг. представлен находками в Понеманье (Волковыск, фоллис 1118–1143 гг.), в Посеймье (клад из 5 номисм 1118–

1180 гг.); в Рязани (2 фоллиса 1081–1118 гг.; 6 фоллисов 1118–1143 гг. в составе клада с гривнами "киевского типа"; здесь найдены еще 12 фоллисов 1118–1143 гг. – раскопки Спасского храма); в Юго-Восточной Прибалтике (фоллис 1143–1180 гг. – берег р.Рауны). Единственная византийская монета этого времени (фоллис 1118–1143 гг.) в Северо-Западной Руси найдена на территории псковского Святогорского монастыря. Конец XII – начало XIII в. представлен сцифатным фоллисом Алексея III Ангела (1195–1203), найденным в Рязани.

Приведенный материал обнаруживает соответствие в хронологии и регалиях византийских монет второго и третьего периодов их обращения в Восточной Европе, происходящих из Киевской, Черниговской, юга Полоцкой Турово-Пинской земель Руси и Юго-Восточной Прибалтики. Еще более четко близость анализируемой составной монетной системы Среднего Поднепровья, Днепро-Неманского водораздела и Юго-Восточной Прибалтики прослеживается при сравнении качественных характеристик чеканки. Основную массу обнаруженных в Среднем Поднепровье византийских монет IX–XIII вв. составляют бронзовые фоллисы (74 %) и золотые номисмы (23 %). Милиарисии представлены тремя экземплярами.

Практически аналогичная ситуация складывается в названных регионах современной Белоруссии и Прибалтики. Количество серебряной монеты империи возрастает в северных землях Руси. В Эстонии и Латгалии милиарисии составляют абсолютное большинство – 168 экз. (99 %). Причем 123 экз. обнаружены в Выльском кладе, наиболее выдающемся собрании милиарисиев на всей территории Восточной Европы. Клад по количеству византийского монетного серебра в 20,5 раза превышает привычную для Северной Руси и Северо-Восточной Прибалтики норму встречающегося имперского чекана в кладах X–XI вв.

Обращает на себя внимание, что фоллисы, обнаруженные в Северной Руси, происходят в основном из крупных городских центров, поддерживающих активные контакты с Киевом: Рязань – 21 экз. (практически вся масса бронзовых монет империи, найденных в Северо-Восточной Руси, единственный анонимный фоллис вне пределов Рязани обнаружен в ее округе – Шумошь); Псков – 3 экз.; Новгород – 2 экз.; Полоцк – 1 экз. Данное обстоятельство наталкивает на мысль о поступлении фоллиса на север Руси в результате киево-северорусского торга. Это подтверждается и тем, что восемь из рязанских фоллисов находились в одном комплексе с денежными гривнами "киевского типа", а 12 других найдены при исследованиях рязанского кафедрального собора, административно и экономически подвластного киевской митрополии.

Таким образом, в Восточной Европе выделяются две зоны обращения византийской монеты второй половины IX – начала XIII вв.: южная, куда входила и Юго-Восточная Прибалтика, с преобладанием бронзовых и золотых монет, и северная, в обращении которой нахо-

дился главным образом милиарисий. Южная и северная зоны существенно отличались и по обстоятельствам находок византийских монет. В Среднем Поднепровье и связанной с ним зоне контактов встречались единичные монеты или из кладов, состоящих только из византийского чекана, или сопровождавших их слитков драгоценных металлов и ювелирных изделий. Другая ситуация наблюдается в Северной Руси и Северо-Восточной Прибалтике: из 263 византийских монет 206 происходило из 27 кладов и погребений, содержащих восточное и западноевропейское монетное серебро.

Различия в качественных характеристиках вместе с несовпадением условий находок византийских монет на севере и юге свидетельствуют о различных путях их поступления в выделяемые зоны. "Чистота" южнорусских комплексов с монетами империи предполагает их приток в результате непосредственных контактов с Византией. О тесной связи южнорусских находок с монетным обращением на территории Византии свидетельствует и количественное соотношение номиналов. Сочетание золотых монет с большим количеством бронзовых при малочисленности серебряных характерно для внутривизантийского денежного хозяйства на всем протяжении средневековья[37].

О том, что византийские монеты проникали на север и юг Руси различными путями, писал еще В.В.Кропоткин. По его мнению, милиарисий попадал на север Восточной Европы вместе с западноевропейским денарием через Польшу, Скандинавию, Прибалтику[38]. Однако анализ состава кладов Северной Руси и Северо-Восточной Прибалтики показывает, что в большинстве из них преобладает восточная монета. Из указанных 27 кладов 6 содержали лишь дирхемы и милиарисии, в 9 преобладали дирхемы (от 56 до 98,5 %), в 6 количество дирхемов и милиарисиев составляло от 13 до 52 %. И лишь в 5 кладах процент восточной и византийской монет ниже 10. Один клад имел утраченные количественные характеристики.

Хронология этих кладов также свидетельствует об их связи с обращением здесь дирхема. Дата зарытия 18 кладов не выходила за пределы двух последних периодов обращения восточного серебра. Три клада имели дату тезоврации в рамках второй половины XI, а пять — первой половины XII в. Среди византийской чеканки вообще отсутствуют монеты позже 1025 г., что хронологически совпадает с заключительной фазой обращения на севере Восточной Европы дирхема и лишь самого начала проникновения сюда западноевропейского денария, которое определяется второй четвертью XI в.[39] Все это свидетельствует о поступлении милиарисия вместе с дирхемом и о его принадлежности к северорусскому обращению, тупиковые точки которого находились в Северо-Восточной Прибалтике (клад из Выллы). Связь милиарисия с дирхемом и поступление его с востока по Даугаве как основном пути отмечает и Т.М.Берга[40].

Параллельное с восточными монетами обращение в Среднем Поднепровье византийских монет, а также возобновляющее поступление

последних в период, когда дирхем уже выбыл из широкого применения, предполагает различные функции, выполняемые этими группами монет его металла. Исходя из преобладания дирхема в IX – второй трети X в. на всей территории действия среднеднепровской монетной системы арабскую серебряную монету следует признать основным средством обращения и, нерасчлененно, платежа. Не столь многочисленные находки византийских номисм, а также тот факт, что их находили вместе с драгоценным металлом, предполагают выполнение ими функции меры стоимости и накопления сокровищ. Об ориентации денежного хозяйства Киева конца X–XII вв. на золото как всеобщий эквивалент, свидетельствуют и некоторые статьи "Правды Руськой". К примеру, 22 статья Пространной редакции гласит: "Тако же въ всехъ тяжахъ: и в татьбе, и поклепе, оже не будеть лиця, тъ тогда даті емоу железо из неволе до полугривны золота..."[41]

Значительное место в монетном обращении южного региона занимал и фоллис. Находки бронзовых монет империи в Южной, Западной Руси и Юго-Восточной Прибалтике более чем в 3 раза превышают количество этих номиналов на севере Восточной Европы. Представление о вспомогательной роли фоллиса обязано господствующему в нумизматике мнению, что бронзовая монета выпускалась исключительно для нужд внутриимперского оборота. Однако бронзовый фоллис XI–XII вв. (стамина) согласно западным источникам являлся не разменной монетой византийского рынка, а международным номиналом, равным 1/120 парпераномисмы[42]. Следовательно, фоллис выступает полноценным средством платежа. О хождении наравне с серебром и об их взаиморазмене может свидетельствовать находка рязанского клада с восемью бронзовыми монетами империи и "киевскими гривнами".

Говоря о малочисленности находок византийских монет в сравнении с дирхемом, следует учитывать особенности товарно-денежных отношений в самой империи. Согласно предписаниям "Книги эпарха" обществу аргиропретов (ювелирам, торговцам золотом и другими драгоценностями) государство не допускало утечки драгоценных металлов за границу, регламентировало их расход на нужды производства[43].

Кроме этого, ограниченному вывозу монеты способствовала и характерная для Византии пассивность во внешнеторговых операциях при активном торговом балансе. Это означало, что империя вела в основном посредническую торговлю, в которой купля-продажа уравновешивалась на территории самой Византии[44]. Вывозились и ввозились главным образом товары, тогда как средства обмена оставались внутри страны. Отмеченная особенность внешней торговли Византии отразилась и в договорах "Руси с Греками" первой половины X в., в которых оговаривались условия ведения торговых сделок только для русских гостей и на территории самой империи, точнее, в ее столице.

Находки византийских монет в Среднем Поднепровье

Пункт	Номинал	Дата, император, чекан	Комплекс
Киев	Фоллис	498–515, Анастасий I	Единичная находка
”	”	То же	” ”
Бучак, Каневский р-н	”	” ”	” ”
	”	527–565, Юстиниан I	” ”
Мельники	”	То же	” ”
”	”	” ”	” ”
Фурсы	”	” ”	” ”
Киев	”	537, ”	” ”
Золотоноша	”	539–540, ”	” ”
”	”	582–602, Маврикий Тиверий	” ”
Черепин	”	То же	” ”
Жаботин	Солид	610–641, Ираклий	” ”
Киев	Гексограмма	VII в., Ираклий или Констант II	” ”
Григоровка	Фоллис	615–668, ”	” ”
Киев	”	717–797, Исавры	” ”
Нежин	”	813–820, Лев V	” ”
Тростянец	”	842–867, Михаил III	” ”
Киев	Номисма субэратная	867–870, Василий I	Погребение № 122
”	Фоллис	867–868, ”	Единичная находка
Обухов	”	” ”	” ”
Батурин	”	867–869, ”	” ”
Кременчуг	Фоллис	867–886, Василий II, Херсон	” ”
Киев	”	867–868, ” ”	28 экз., клад 1908 г.
”	”	867–870, Василий I, Константин, Херсон	2 экз., клад 1908 г.
”	”	886, Лев VI	Погребение 121
Нежин	”	886–904, Лев VI и Александр	Единичная находка
Киев	”	914–939, Константин VII и Зоя	” ”
Городище	”	920–944, Роман I	” ”
Пекари	”	” ”, Херсон	” ”
Киев	Номисма	920–927, Роман I и Христофор	” ”
Гладковичи	”	” ” ”	1 экз., клад 1891 г.
Триполье	Фоллис	921–934, ” ”	Единичная находка
Киев	”	” ” ”	Слой 972–975 гг.
”	”	” ”, Херсон	5 экз., клад 1908 г.
”	Милиарисий	931–944, Роман I, Константин	2 экз., погр. 124
”	Фоллис	VII Стефан и Константин	Сруб 975 г.
”	”	29/I-6/IV – 945, Константин VII или 919–921	Погребение 94
”	”	29/I–6/IV–945, Константин VII	1 экз., клад 1939 г.
”	”	945–959, Константин VII, Роман II	Единичная находка
Гладковичи	Номисма	945–959, ”	2 экз., клад 1891 г.
Киев	Фоллис	959–963, Роман II	1 экз., клад 1918 г.
”	”	963–969, Никифор II Фока	1 экз., ”
”	Номисма	” ” ”	1 экз., клад 1899 г.
Киев	Милиарисий	969–976, Иоанн Цимисхий	Единичная находка
”	Фоллис	971–976, ” ”	1 экз., клад 1939 г.

Окончание таблицы

Пункт	Номинал	Дата, император, чекан	Комплекс
Киев	Фоллис	971–976, Иоанн Цимисхий	9 экз., клад 1888 г.
”	”	” ” ”	Единичная находка
”	”	” ” ”	” ”
Каневский уезд	”	” ” ”	” ”
Белгородка	Номисма	971–976, Иоанн Цимисхий	Единичная находка
Киев	”	976–1025, Василий II и Константин VIII	7 экз., клад 1899 г.
			Единичная находка
Гамарня	”	” ”	” ”
Киев	”	1028–1034, Роман III	2 экз., клад 1899 г.
Белогородка	”	” ”	Единичная находка
Киев	Фоллис	971–1034, аноним	2 экз., клад 1939 г.
”	”	1028–1041 ”	Единичная находка
”	”	1034–1066, ”	” ”
Вышгород	”	977–1056 ”	” ”
Выгуровщина	”	” ”	” ”
Безродная	”	” ”	” ”
Выползово	”	” ”	” ”
Паволочь	”	” ”	” ”
Киев	Номисма	1050–1054, Константин IX	1 экз., клад 1899 г.
”	Фоллис	1054–1056, Феодора	1 экз., клад 1939 г.
”	Номисма	” ”	Единичная находка
Вышгород	”	” ”	” ”
Киев	Фоллис	1057–1059, Исаак I	1 экз., клад 1939 г.
”	”	” ”	Слой XI в.
”	Номисма	” ”	4 экз., клад 1899 г.
”	Фоллис	1059–1067, Константин X	1 экз., клад 1939 г.
”	”	” ”	Слой XI в.
Вышгород	”	” ”	Слой XI–XII вв.
Киев	Номисма	1067, Евдокия	Единичная находка
Вышгород	Фоллис	1068–1071, Роман IV	Слой XI–XII вв.
Княжая гора	Номисма	1078–1081, Никифор III	2 экз., клад 1887 г.
Киев	”	1081–1118, Алексей I	1 экз., клад 1889 г.
”	Фоллис	” ”	Слой XII в.
”	”	” ”	”
”	”	977–1118, аноним	Единичная находка
”	”	” ”	” ”
”	”	” ”	” ”
”	Номисма	1118–1134, Иоанн II	1 экз., клад 1889 г.
”	Фоллис сцифатный	1143–1180, Мануил I	2 экз., клад 1986 г.
Сахновка	Номисма	” ”	1 экз., клад 1900 г.
Киев	Фоллис сцифатный	1183–1185, Андроник I	2 экз., клад 1986 г.
”	То же	1185–1195, Исаак II	5 экз., клад 1986 г.
”	” ”	” ”	Единичная находка
Сахновка	Номисма	XII в.	1 экз., клад 1900 г.
Яблуновка	”	XII в.	Погребение
Киев	Фоллис сцифатный	1195–1203, Алексей III	1 экз., клад 1986 г.
Городище	То же	XII – начало XIII вв.	Слой XII – начала XIII вв.

Перечисленные особенности действия византийской монетной системы выводят еще на одну функцию имперского чекана в зоне южнорусского обращения. Нет ничего невероятного в том, что какая-то часть поступивших на Русь византийских монет, особенно номисмы, могла играть роль "резервных денег", необходимых для последующей купли на византийском торге или же для уплаты пошлин.

Малочисленность находок византийских монет разительна только на фоне дирхема. Если же сравнивать количественные показатели внутри данной составной, то окажется, что в зоне, где эти монеты распространялись в результате непосредственного торгового обмена с Византией, они не так уж и малочисленны. На этой территории, включающей Южнорусские земли, Понеманье, Припятско-Березинское Поднепровье и Юго-Восточную Прибалтику, их число превышает 220 экз. В Северной Руси обнаружено 98 экз. этих монет, в Северо-Восточной Прибалтике 170. Но следует учитывать, что основная масса северо-восточноевропейских находок не связана непосредственно с ведением русско-балто-византийского торга, а поступила сюда вместе с арабским дирхемом.

Приведенный материал свидетельствует о значительной роли византийских монет в деле становления денежного хозяйства Юго-Западной части Восточной Европы от Среднего Поднепровья до Юго-Восточной Прибалтики. С ними связано употребление здесь золота в качестве "валютного металла" и зарождение собственно русской чеканки по принятому в Византии весовому стандарту номисмы.

[1] *Tallgren A.M.* Zur Archaäologie Eestis. – Dorpat, 1925. – Bd.II. – S.149, 151–152; *Михалевский Ф.И.* Очерки истории денег и денежного обращения. – Л., 1949, – Т.1. – С.220; *Янин В.Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. – М., 1956. – С.58; *Каргер М.К.* Древний Киев. – М. ; Л., 1958. – Т.1. – С.126; *Tonisson E.* Eeslizardeleiud. – 913 S. – Muistsedkalmed ja aarded. – Tallinn. 1962. – Lk.228; *Мугуревич Э.С.* Восточная Латвия и соседние земли в X–XIII вв. – Рига, 1965. – С.29; *Котляр М.Ф.* Грошовий обіг на території України доби феодалізму. – К., 1971. – С.36; *Duksa Z.* Pinigai ir jų apyvarta // Lietvių materialine kultura IX–XIIIa. – Vilnius, 1981. – T.2. – P.98.

[2] *Kiersnowski R.* Pieniądz kruszowy w Polsce wczesnosredniowiecznej. – Warszawa, 1960. – P.137–138.

[3] *Спасский И.Г.* Русская монетная система. – Л., 1970. – С.47.

[4] *Кропоткин В.В.* Клады византийских монет на территории СССР // САИ. – 1962. – Вып.Е 4–4. – С.7–8.

5 *Беляшевский Н.Ф.* Монетные клады Киевской губернии. – Киев, 1889; *Антонович В.Б.* Археологическая карта Киевской губернии. – Киев, 1895. – С.31–32, 39; *Петров Н.И.* Историко-топографические очерки древнего Киева. – Киев, 1897. – С.33; *Болсуновский К.В.* Древнейшие гирьки, найденные в Киеве, и отношения их к различным весовым системам. – Киев, 1899. – С.7–8; *Ильин А.А.* Топография кладов серебряных и золотых слитков // Тр. нумизмат. комиссии РАИМК. – 1921. – Вып.1. – № 90, 91, 113; *Коршенко С.В.* Клади і окремі монетні знахідки, зареєстровані Центральним історичним музеєм УРСР. – Рукопис у фондах державного Історичного музею УРСР, 40-і рр. XX ст.; *Каргер М.К.* Указ. соч. – С.96, 124–125, 155, 198, 210, 303; *Кропоткин В.В.* Указ. соч.; *Ивакин Г.Ю.* Памятники сфрагистики и нумизматики // Новое в археологии Киева. – Киев, 1981. – С.414–418.

[6] *Каргер М.К.* Указ. соч. – С.320–327, 387.
[7] *Брайчевський М.Ю.* Коли і як виник Київ. – К., 1963. – С.73–74; *Толочко П.П.* Історична топографія стародавнього Києва. – К., 1972. – С.42–55; *Толочко П.П.* Происхождение и ранние этапы истории древнего Киева // Новое в археологии Киева. – С.43–62.
[8] *Кропоткин В.В.* Указ. соч., № 31, 217.
[9] *Там же,* № 6, 8, 13, 14, 17, 23, 27, 45–46, 84, 102, 145, 205, 213, 214, 217, 219-а, 435, 436, 450.
[10] *Кропоткин В.В.* Указ. соч. – С.10.
[11] *Приходнюк О.М.* Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я. – К., 1980. – С.92–102.
[12] *Смиленко А.Т.* Слов'яни та їх сусіди в Степовому Подніпров'ї. – К., 1975. – С.155; *Приходнюк О.М.* Указ. соч. – С.91.
[13] *Прокопий* из Кесарии. Война с готами. – М., 1950. – С.244–246.
[14] *Bollin S.* Die Funde römischer und bizantischer Münzen in Ostpreussen. – Prussia. – 1926. – 26. – S.209, 221, 222, 224, 235; *Кропоткин В.В.* Указ. соч. – № 81, 147, 254, 261, 299, 308, 313.
[15] *Поршнев Ф.Б.* Феодализм и народные массы. – М., 1964. – С.125.
[16] *Петров Н.И.* Указ. соч. – С.33.
[17] *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. – М., 1962. – С.322.
[18] *Кондураки Э.* О натуральном и денежном обмене в IV–V вв. // ВВ. – 1958. – № 14. – С.36.
[19] *Каргер М.К.* Указ. соч. – С.155, 226.
[20] *Сагайдак М.А.* Дендрохронология древнего Киева // Новое в археологии Киева. – С.449; *Гупало К.Н.* Подол в древнем Киеве. – Киев, 1982. – С.24–25.
[21] *Каргер М.К.* Указ. соч. – С.205–206. – Табл.XXVI, 2.
[22] *Там же.* – С.198, 225.
[23] *Там же.*
[24] *Сагайдак М.А.* Указ. соч. – С.449; *Гупало К.Н.* Указ. соч. – С.24.
[25] *Ивакин Г.Ю.* Указ. соч. – С.418.
[26] *Кропоткин В.В.* Указ. соч. – С. 11.
[27] *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса. – Киев, 1977. – С.102–104, 113; *Соколова И.В.* Монеты и печати византийского Херсона. – Л., 1983. – С.30–33.
[28] *Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения. – М., 1980. – С.163–166.
[29] *Пашуто В.Т.* Внешняя политика древней Руси. – М., 1968. – С.91.
[30] *Сахаров А.Н.* Дипломатия древней Руси. – М., 1980. – С.30–36.
[31] *Сахаров А.Н.* Указ. соч. – С.37–42; *Шаспольский И.П.* Известия Бертинских анналов в свете данных современной науки // Летописи и хроники, 1980. – М., 1981. – С.44–49, 51–54.
[32] *Артамонов М.И.* История хазар. – Л., 1962. – С.297, 304, 366; *Пашуто В.Т.* Указ. соч. – С.58. *Сахаров А.Н.* Указ. соч. – С.36.
[33] *Morrisson C.* Catologue des monnaies bizantines. – Paris, 1970. – T.2. – P.99.
[34] *Пашуто В.Т.* Указ. соч. – С.84–88.
[35] *Там же.* – С.198–201.
[36] *Костромичева Т.И.* Неизданные золотые монеты из Херсонеса. – Социальное развитие Византии. – Свердловск, 1979. – С.129.
[37] *Там же.*
[38] *Кропоткин В.В.* Указ. соч. – С.17.
[39] *Янин В.Л.* Указ. соч. – С.152–153; *Потин В.М.* Древняя Русь и европейские государства в X–XIII вв. – Л., 1970. – С.45.
[40] *Берга Т.М.* Монеты в археологических памятниках Латвии IX–XII вв. – Рига, 1988. – С.43–44.
[41] Правда Русская. – М. ; Л., 1950. – Т.1. – С.124.
[42] *Бибиков М.В.* Византийские источники по истории Руси, народов Северного

Причерноморья и Северного Кавказа // Древнейшие государства на территории СССР, 1980. – М., 1981. – С.93.

[43] *Литаврин Г.Г.* Византийское общество и государство в X–XI вв. – М., 1977. – С.134.

[44] *Михалевский Ф.И.* Указ. соч. – С.219–220.

В.Г.ПУЦКО

ВИЗАНТИЯ И СТАНОВЛЕНИЕ ИСКУССТВА КИЕВСКОЙ РУСИ

Дается характеристика развития художественной культуры Древней Руси после введения христианства, исследуется роль византийского наследия в этом процессе.

Историческое своеобразие культурного развития Древней Руси заключается в том, что оно в значительной мере обусловлено византийскими традициями, трансформированными на местной почве в процессе их усвоения. Во всяком случае, думается, такая характеристика вполне справедлива по отношению к официальному направлению культуры Киевской Руси, противостоявшему народному, с его неизбежными рецидивами язычества. Общеизвестно, что византизирующие тенденции средневековой русской культуры – следствие христианизации Восточной Европы, заметно стимулировавшей связи с Византийской империей[1]. Без учета этого фактора многие явления остаются непонятными и необъяснимыми. Мы будем рассматривать эти тенденции в связи с материалом, позволяющим осветить начальные страницы истории искусства Киевской Руси.

Круг памятников изобразительного искусства, возникших в период христианизации Восточной Европы, сравнительно невелик. Еще меньше сохранилось архитектурных сооружений, известных нам большей частью лишь по обнаруженным археологами развалинам[2]. Но этот скудный материал до сих пор не приведен в строгую систему и, следовательно, остается не использованным для решения такого важного вопроса, как роль византийского наследия в становлении искусства Киевской Руси.

Проблема византийского влияния на историю средневекового искусства не нова. Она была поставлена уже первыми его исследователями. Об этом писал Н.П.Кондаков. Пути усвоения византийского наследия в Древней Руси особенно интересовали Д.В.Айналова и А.Н.Грабара[3], а позднее В.Н.Лазарева[4]. Усилиями нескольких поколений историков искусства выработано общее представление о процессе усвоения византийских образцов, а также о методе сотрудничества греческих и русских мастеров[5]. Благодаря этому становится понятным место средневековой Руси среди стран византийского региона. Нас в данном случае интересуют различные аспекты становления искус-

©*В.Г.Пуцко, 1991*
ISBN 5-12-003266-4. Южная Русь и Византия. К., 1991

ства Киевской Руси, проходившего в условиях сильной экспансии культуры Византии. Именно поэтому мы ограничиваем рассматриваемый материал хронологическим периодом конца X — начала XII в. За это сравнительно короткое время Киевская Русь, активно использовав византийское наследие, прочно встала на путь самостоятельного развития. Попытаемся проследить основные этапы этого процесса в различных областях искусства.

Крещение Руси в 988 г., безусловно, нельзя рассматривать как начало русского искусства, учитывая существование местных художественных традиций языческого периода, а также распространение христианства в Приднепровье уже со второй половины IX в.[6]. Но тем не менее в нашем сознании все это относится к "доистории" русской культуры, и поэтому Десятинная церковь по-прежнему остается первым памятником искусства Киевской Руси, подлежащим тщательному и всестороннему изучению. Подобное положение не изменили ни обнаруженные остатки более ранних светских построек на Старокиевской горе[7], ни открытия застройки Подола[8]. Собственно, от Десятинной церкви сохранились фундаменты и незначительные обломки архитектурной пластики мозаик и фресок. И все же мы их воспринимаем как свидетельство новой эпохи, как начало нового искусства, истоки которого ведут к послеиконоборческому искусству Византии. Трудно ответить на вопрос, обязан ли был Киев всем этим непосредственно Константинополю или его приобщение к византийской культуре осуществлялось благодаря южным славянам, в первую очередь Болгарии. Впрочем, то и другое нельзя рассматривать как взаимоисключающие факторы — это звенья единого процесса распространения византийского искусства у славян, имевшего свои локальные варианты.

До официального принятия христианства проникновение на Русь произведений византийского искусства носило преимущественно спорадический характер и было вызвано главным образом потребностями местных общин. Такие общины в Киеве существовали уже при князе Игоре и княгине Ольге. Десятинная церковь стала первым монументальным сооружением, предназначенным для новообращенных. По свидетельству летописей, князь Владимир в 989 г. "помысли создати церковь пресвятыя Богородица и послав приведе мастеры от Грек". Собор был торжественно освящен в 996 г., и князь установил "десятину" в его пользу[9]. За сравнительно короткий период своего существования храм дважды подвергался разграблению (в 1171 и 1203 гг.), а в 1240 г. при монгольском нашествии был разрушен. Развалины вплоть до 1635 г. служили местом добычи строительного материала, и только благодаря митрополиту Петру Могиле была проведена частичная реставрация остатков храма. Исследование фундаментов проводилось в 1908–1914 гг. Д.В.Милеевым и Киевской археологической экспедицией под руководством М.К.Каргера в 1938–1939 гг.[10] Судя по реконструкции, церковь представляла собой трехнефное шести-

столпное сооружение с небольшим нартексом с западной стороны и широкими галлереями с юга и севера[11].

Декоративное убранство храма, типологически весьма близкого византийским[12], несомненно, было роскошным. Правда, конкретизировать это определение приходится по незначительным обломкам, на фоне которых выделяются части мозаичных полов (один из них с омфалием в центре, другой – с крестовидным орнаментальным мотивом)[13]. При раскопках найдено большое количество глазированных плиток различной формы, использованных при выполнении сложных орнаментальных композиций. Мозаикой, очевидно, была выложена лишь средняя часть пола. Часть мраморов, украшенных художественной резьбою, относится к деталям повторного использования, вывезенным из Херсонеса. К их числу, в частности, относится импостная капитель Юстиниановского времени[14]. Десятинная церковь – блестящий образец занесенного из Константинополя каменного строительства, сделавшего известным в Киеве тип центральнокупольного храма со сложным планом и совершенной системой перекрытий, с прекрасной техникой кладки. Такой храм, украшенный мрамором и шиферными плитами, инкрустацией и стенописями мог служить подлинным эталоном достижений византийской культуры, поставленной на службу имперской политике.

Известно, что стены и своды Десятинной церкви были украшены мозаиками и фресками. Судя по декору Софии Киевской, мозаика могла покрывать лишь главную часть храма – стены, своды алтаря и подкупольного пространства. Д.В.Айналов, анализируя содержание летописной молитвы князя Владимира, сделал попытку реконструировать общую систему росписей, в которых явственно сказывалась константинопольская традиция: в куполе помещалось изображение Христа Пантократора, а конху алтарной апсиды заполняла фигура Богоматери оранты[15]. Среди многочисленных кусочков штукатурки с деталями тематических и орнаментальных фресок выделяются частично сохранившиеся лица. Художественные и технические приемы одного из фрагментов позволили Н.П.Сычеву доказать возможность выполнения фресок македонскими мастерами, возможно, прибывшими из Фессалоник[16]. Это предположение остается интереснейшей гипотезой, в пользу которой может свидетельствовать находка в с.Водоча[17].

В целом, Десятинную церковь в Киеве можно рассматривать как византийский памятник зодчества, несмотря на то что она была возведена из местного материала и с учетом местных условий. На тип этого сооружения должны были ориентироваться строители последующих храмов. По сообщению летописей, князь Владимир "яко сконча зижа, украси ю иконами" (привезенными из Херсонеса) "вдав ту все еже бе взял в Корсуни: иконы, и съсуды, и кресты". Ничего из этого не уцелело. Однако находившаяся в Десятинной церкви чтимая икона

Богоматери, иконография которой явно сказалась при создании Богоматери "Боголюбской", известна по репликам в киевской металлопластике XII в.[18]

Из числа немногих уцелевших на Руси каменных храмов XI в. древнейшим является Спасо-Преображенский собор в Чернигове, строительство которого закончено после 1036 г.[19]. Это трехнефный трехапсидный храм, отличительной чертой которого является дополнительное членение восточной части. Над нартексом расположены хоры, опирающиеся на своды; кроме того, первоначально хоры на деревянных балках помещались над боковыми нефами. С севера к западному членению собора примыкает круглая башня. План здания перекошен. Собор пятиглавый. Построен в смешаной технике: из камня и кирпича. В интерьере, в подкупольном пространстве, сохранились мраморные колонны с капителями ионического типа с импостом (детали вторичного использования); на хорах – шиферные рельефы с орнаментальными композициями. Сооружение снаружи расчленено плоскими лопатками, имеющими во втором ярусе усложненную профилировку. Фасады и апсиды украшены поясами двухступенчатых ниш; на центральном барабане – полукруглые в плане ниши, равные по величине окнам, от которых отделены полуколонками. У восточных углов здания находились небольшие бесстолпные часовни-усыпальницы с апсидами; у западного членения южной стены обнаружены остатки крещальни[20]. Расположение хор над нартексом и боковыми нефами собора предполагало двухъярусность интерьера и делало невозможным применение колонн (тройные аркады расположены в обоих ярусах между центральными столбами).

Аналогичная композиция типична для византийских построек более раннего времени (V–IX вв.) и происходит от купольных базилик. В Чернигове за основу принят тип храма с вписанным крестом. Типологические особенности сооружения, и особенно строгое структурное пространство, характер декора фасадов, выразительность техники кладки, – все это с определенностью указывает на работу константинопольских мастеров. Однако на внешнем облике храма не могло не сказаться отсутствие столь типичных для византийских сооружений столичной традиции строительных мраморных деталей (колонны, столбики оконных проемов, карнизы, капители)[21], а также применение упрощенной техники кладки (вместо тесаного камня использован булыжник). Поэтому Спасо-Преображенский собор в Чернигове несколько отличается от основной линии развития столичного византийского зодчества, как, по-видимому, и Десятинная церковь в Киеве.

Начальный период истории русского зодчества характеризуют именно эти два храма, поскольку остатки светских построек в Киеве и Чернигове, обычно относимые к концу X в., ничего не добавляют к пониманию роли Византии, равно как и для понимания процесса становления национальных традиций. Княжеские междоусобицы, вспыхнувшие после смерти князя Владимира (1015), не способствовали

активизации каменного строительства. Новый этап в его развитии связан с возведением уже Софийского собора (Софии Киевской) — Кафедрального храма русских митрополитов.

Время сооружения Софии Киевской, как известно, составляет предмет затянувшейся дискуссии[22]. Тем не менее строительство храма, возведенного без существенных перерывов, более устойчиво определяется благодаря сведениям о его закладке в 1037 г. на том самом месте, где годом раньше отмечена битва с печенегами. Это большой пятинефный храм (29,3x29,5 м) с пятью апсидами, из которых одна граненная, а остальные полукруглые. Собор с трех сторон окружен внутренними и внешними галереями; в западную внешнюю галерею несимметрично включены две лестничные башни (размер храма с галереями 54,6x41,7 м). София Киевская завершается 13-ю куполами (не считая башен), которые вместе со ступенчато поднимающимися к центру сводами образуют пирамидальную композицию. Боковые части собора и внутренние галереи двухъярусные. Основным декоративным мотивом оформления фасадов, как и в Спасо-Преображенском соборе Чернигова, служат двухступенчатые ниши. Стены сложены из кирпичей в технике кладки со скрытым рядом, с широким применением булыжника[23]. На сегодняшний день достаточно подробно выяснены общие черты этого сооружения с константинопольской архитектурной традицией и установлены причины, вызвавшие существенные отличия (построение хор, система перекрытий, появление второго поперечного западного нефа)[24]. Строитель Софии Киевской, несомненно, был представителем константинопольской архитектурной школы, хорошо понимавшим местные условия. Именно поэтому возведенное им оригинальное сооружение сыграло важную роль в зодчестве Киевской Руси[25].

Хронологически за Софией Киевской следуют три сооружения находившиеся вблизи храма[26]: Золотые ворота[27], собор Дмитриевского монастыря в Киеве[28], Софийский собор в Новгороде, возведенный в 1045—1050 гг.[29], Софийский собор в Полоцке, строительство которого относится к середине XI в.[30] Новгородский и полоцкий соборы по отношению к Софии Киевской отличаются объемно-пространственным решением и декоративными элементами фасадов, а также строительной техникой. В частности, Софийский собор в Новгороде[31] уже неоднократно обращал на себя внимание исследователей общей композицией и окцидентальным характером декора[32]. Следовательно, процесс становления местных строительных традиций в зодчестве, начавшийся буквально с возведением первых каменных сооружений в типично византийском стиле в Киеве и Чернигове, к середине XI в. заметно активизировался. Ориентируясь на определенные модели, зодчие вынуждены были исходить не только из условий заказа, но и из находившегося в их распоряжении материала, а также учитывать местные эстетические вкусы. Поэтому византийские мастера создавали постройки, которые вряд ли правомерно определять даже как русский вари-

ант византийского архитектурного стиля. Скорее их следует рассматривать как одну из форм адаптации византийского наследия, никогда не утратившего для Киевской Руси своей притягательности.

Унаследовав достижения византийской цивилизации, что особенно ярко и наиболее наглядно проявилось в строительстве, русские зодчие значительно облегчили себе усвоение того нового, что впоследствии, активно воспринимая, неизменно подвергали творческой переработке. В этом смысле зодчество Киевской Руси имело много общего с зодчеством других европейских стран эпохи средневековья и вместе с тем обладало особым путем развития, обусловленным многими причинами.

В истории становления зодчества Киевской Руси исключительно важную роль сыграл Успенский собор Печерского монастыря в Киеве, возведенный константинопольскими мастерами между 1073 и 1077 гг. Этому способствовало то обстоятельство, что сооружение храмов было окружено легендами, вошедшими впоследствии в состав Печерского патерика. Храм был шестистолпный, трехапсидный, с граненными апсидами. С юга к западному членению собора примыкала прямоугольная лестничная башня, с севера – крещальня (с храмом Иоанна Предтечи на второй этаже). Собор одноглавый, возведенный в смешанной технике[33]. Он послужил образцом для многих сооружений Древней Руси, однако ни одно из них нельзя считать буквальной копией. В частности, сказанное относится к Михайловскому Златоверхому собору в Киеве, построенному между 1108 и 1113 гг.[34]. Указанный тип сооружения уже на рубеже XI–XII вв. в русской архитектуре становится доминирующим, получая многочисленные варианты, которые мы не будем здесь рассматривать.

К концу XI – началу XII в. в зодчестве Киевской Руси становятся популярными типы храмов от величественных соборов до скромных бесстолпных сооружений. Влияния византийской традиции в них сказываются, как правило, значительно слабее, чем в постройках конца X – середины XI в.

С зодчеством Киевской Руси преимущественно связано развитие каменной пластики XI в. Наиболее ранними ее образцами, которые необходимо отличать от украшенных резьбой мраморов вторичного использования[35], являются шиферные парапеты хор Спасо-Преображенского собора в Чернигове[36]. Их сравнительно простые орнаментальные композиции, подчиненные одной схеме (большая розетта или круглый медальон в центре ромба, образованного перевивами ленты, и четыре меньших розетты в петлях по углам), выполнены в типично византийской манере плоскостной резьбы, сближающей их с рельефами алтарной преграды св.Софии в Охриде[37]. Не исключено, что в Чернигове могли работать македонские резчики.

В Киеве сохранился единственный памятник этого же направления с его архаизирующими тенденциями. Это известный шиферный саркофаг, обнаруженный у северной стены Десятинной церкви, иногда опре-

деляемый как гробница княгини Ольги. Разностильность отдельных шиферных досок, из которых состоит саркофаг, Н.Е.Макаренко объяснял особенностями индивидуальной манеры резьбы мастеров[38]. Вполне возможно, что логичнее видеть в этом следы воздействия различных моделей, причем более раннего происхождения (отдельные мотивы резьбы гробницы Ольги близки, в частности, резьбе мраморного саркофага Ярослава Мудрого, относимого нами ко второй половине IX в.). Наиболее совершенна по исполнению резьба крышки шиферного саркофага, точнее, доски с орнаментальным мотивом, образованным из перевивов лент в крупные петли с розетками и розетками-плетениями. Характер кольцевого плетения и технические приемы сближают ее с шиферными рельефами хор Софии Киевской. Последнее позволяет высказать предположение, что саркофаг выполнен той же артелью резчиков, и соответственно датировать его второй четвертью XI в.[39]

В Софии Киевской каменная резьба сохранилась значительно лучше, чем в других сооружениях XI в. на территории Приднепровья. В отличие от мраморных деталей, которые могли быть привезены в Киев в готовом виде, шиферные рельефы, изготовленные из местного материала, выполнены здесь же, хотя и явно не киевскими мастерами. При всем различии их качественного уровня нельзя не заметить высокого профессионализма, позволяющего свободно варьировать разнообразные орнаментальные композиции и мотивы[40]. Моделями, по-видимому, в большинстве случаев служили иллюминованые рукописи, а также византийские и восточные ткани, что объясняет причину существенного отличия киевских шиферов от большинства известных рельефов на территории Византии.

В Софии Киевской шиферные рельефы выполняют функцию ограждений хор (сохранились 11 рельефов в целом виде и несколько фрагментов, в том числе плит из несуществующей западной аркады)[41]. Едва ли не лучшей среди них можно считать резную плиту с изображением орла. Судя по материалам лапидария, аналогичные рельефы украшали также алтарные преграды, составляя один из компонентов пластического декора интерьера собора подобно парапетам хор[42].

Каменная резьба в интерьере Софии Киевской не могла не оказать воздействия на оформление других церквей в Киеве, возведенных в годы княжения Ярослава Мудрого. Недалеко от св.Софии находился храм, который обычно отождествляли с церковью св.Ирины. В его руинах найдено несколько фрагментарно сохранившихся шиферных рельефов, в том числе с орнаментальной резьбой, характер которой, однако, существенно отличается от софийских резных шиферов. Причем дело не только в упрощенности характера резьбы, но и в обращении к иным мотивам, а следовательно, и моделям. Упрощенность могла быть вызвана не только стремлением к сознательной переработке образцов, отличающей творческое начало, но и отсутствием соответ-

ствующей квалификации. Вряд ли резчик, в совершенстве владевший своим искусством мог выполнить стилистически сближаемые фрагменты шиферного рельефа с изображением борьбы человека со львом[43], а также мифологические сюжеты, помещенные на стенах Лаврской типографии, композиции которых восходят к византийской резьбе из слоновой кости[44]. Более высокими в художественном отношении являются шиферные рельефы с парными изображениями святых всадников, обнаруженные на территории Михайловского Златоверхого монастыря и, по всей видимости, относящиеся к скульптурному декору возведенного князем Изяславом Ярославичем собора в основанном им Дмитриевском монастыре[45]. Характер резьбы плит сближает их с памятниками солунского круга. И что особенно существенно, так это то, что эти же признаки стиля наблюдаются в киевской мелкой пластике, выполненной из обожженной глины и бронзы. Следовательно, такой значительный художественный центр Византии, как Фессалоники, по-видимому, оказал определенное влияние не только на росписи Десятинной церкви, но и на киевское изобразительное и пластическое искусство XI в. в целом.

Орнаментальная и тематическая резьба украшала также и Успенский собор Печерского монастыря. Обломки рельефа тимпана северного портала с изображением всадника стилистически напоминают упомянутые плиты[46]. По фрагментам плит с орнаментальными мотивами (переплетениями ремней)[47] можно судить, что к последней четверти XI в. пластическое искусство Киева не вышло из сферы византийского влияния. Впрочем, в оформлении храма, возведенного константинопольскими зодчими и украшенного резьбой явно пришедшими с ними мастерами, входившими в состав строительной артели, трудно предполагать иное. Образцы другого художественного круга среди киевских резных шиферов XI в. не известны. Позднее резной камень в декоре киевских построек не встречается вплоть до 1200 г.

Возведение первых каменных храмов, особенно таких величественных, как Десятинная церковь в Киеве, Спасо-Преображенский собор в Чернигове и София Киевская, вызывало необходимость в привлечении к выполнению росписей квалифицированных живописцев. Мастерам должна была быть известна система росписей византийских храмов, утвердившаяся в послеиконоборческий период[48]. Кроме того, они должны были обладать большими профессиональными навыками в работе. Своих местных кадров, которые могли бы отвечать этим требованиям, в Киевской Руси еще не было.

Выяснить, откуда именно приезжали на Русь живописцы, – задача весьма нелегкая. Константинопольское происхождение мастеров зафиксировано письменными источниками лишь в отношении несохранившихся мозаик Успенского собора Печерского монастыря в Киеве. В других случаях можно предполагать, впрочем, не отметая в категорической форме, возможность и даже вероятность приглашения солунских или каких-либо иных мастеров. До тех пор, пока решение этого

вопроса остается на зыбкой почве гипотез, стенописи конца X – начала XII в. приходится рассматривать как единый (хотя и многослойный) пласт.

Фрагменты фресок Десятинной церкви при всей их немногочисленности важны в том отношении, что дают представление об экспрессивной манере росписи. Что касается архаики стиля, то определение ее в качестве "переносящей зрителя далеко за пределы византийской художественной культуры X в. и увлекающей в область более древних художественных форм византийского эллинизма"[49], по существу, не противоречит основным признакам византийского искусства эпохи Македонской династии с его несамостоятельным, эклектическим характером[50].

Получившее развитие с конца X в. прежде всего в Константинополе новое антикизирующее направление с прогрессировавшей спиритуализацией форм, естественно, никак не могло столь быстро проникнуть в стенописи на территории Восточной Европы. Для этого требовалось время и наличие особо благоприятных факторов, которые вряд ли могло обеспечить русско-византийское сотрудничество в период строительства Десятинной церкви, окончательно оформленной и освященной в 996 г. Не было таких факторов, по-видимому, и при росписи Спасо-Преображенского собора в Чернигове, что могло произойти в конце 1030 г. Фрески этого храма все еще не изучены, и судить о них приходится лишь по копиям и снимкам исчезнувшей во время второй мировой войны части изображения первомученицы Феклы[51]. Ее лицо с классически правильными чертами В.Н.Лазарев по стилю сопоставлял с одной из миниатюр парижской рукописи Слов Григория Назианзина, датируемой концом IX в.[52] Определять данное направление как связанное исключительно с византийской провинцией и противопоставлять его столичному не приходится хотя бы уже потому, что указанная иллюминованная рукопись несомненно константинопольского происхождения и выполнена по императорскому заказу[53].

Сейчас невозможно определить соотношение фресок Спасо-Преображенского собора в Чернигове и стенописей Софии Киевской. Но то, что аналог изображения св.Феклы, отличающегося живописностью исполнения и мягкой светотеневой лепкой, может быть найден именно среди софийских росписей, свидетельствует об отсутствии между обоими циклами резких стилистических различий. Во всех других отношениях София Киевская превосходит современный ей собор в Чернигове особенно роскошью внутренней отделки с выделяющими алтарь и подкупольное пространство – эти главные части храма – изумительными по исполнению мозаиками. Однако преобладает фреска, сплошь покрывающая плоскости сводов, столбов и стен. Такое необычное для византийских церквей сочетание в одном интерьере мозаик и фресок, известное в Киеве и в более позднее время (Успенский собор Печерского монастыря, Михайловский собор Златоверхого монастыря), составляет локальную особенность. Оно в какой-то мере вызвано

тем, что украсить полностью мозаической росписью большой храм оказывалось не по средствам даже могущественным киевским князьям, а отсутствие мрамора для облицовки панелей вынуждало заменять их фресками.

Коли ество храмов с настенной мозаикой невелико. После начала XII в. она не встречается, так как эта сложная техника на Руси не привилась. Все известные нам памятники выполнены под руководством византийских мастеров, скорее всего столичных. По крайней мере в отношении Успенского собора Печерского монастыря сказанное подтверждается преданием Печерского патерика, а относительно Десятинной церкви и Софии Киевской — константинопольской программой росписей. За пределами Киева мозаические росписи в русских храмах XI–XII вв. неизвестны.

Освещая проблему византийского наследия, В.Н.Лазарев писал: "Процесс развития древнерусской живописи представляется примерно в следующем виде. Поначалу, особенно в Киевской Руси, преобладали привозные иконы и нередко приезжали греческие мастера, выполнявшие большие монументальные заказы, для чего они организовывали мастерские, привлекая к работе и местные силы (так было в Софии Киевской, так, возможно, и в более ранней Десятинной церкви). Постепенно удельный вес русских выучеников усиливался, и они стали играть все большую роль (мозаики Златоверхо-Михайловского монастыря)"[54]. К сказанному добавим, что процесс адаптации византийского искусства на русской почве проходил динамично.

Христианство принесло на Русь богатую и сложную по структуре духовную культуру, поставленную на службу церкви. Искусство обладало чрезвычайно разветвленной иконографией, имело свою символику. Это были итоги многовекового развития культуры, взращенной на почве древневосточного и греко-римского античного наследия. Продукт творческой мысли многих поколений предстояло положить в основу новой национальной культуры, творцы которой получали представление об эллинизме лишь из вторых рук. Поэтому монументальные росписи, выполненные в Киеве византийскими мастерами, приобретали особо важное значение, так как они становились основой зарождавшихся культурных традиций.

Мозаики и фрески Софии Киевской обладают всеми достижениями византийского искусства его классической эпохи развития[55]. Центральное место в росписях занимают образы Богоматери оранты в конхе алтарной апсиды и окруженного лоратными архангелами Христа Пантократора в куполе. Масштабы других изображений и композиций меньше, но и они согласованы с архитектурными формами и логически увязаны в единую систему. Медальоны с изображениями мучеников украшают подпружные арки подобно равеннским мозаикам VI в., где еще сильны традиции позднеантичного портретного искусства.

В лунке между сводом бемы и аркой апсиды три медальона, образующие Деисус.

Апокрифический по характеру образ Христа-священника, помещенный среди портретов евангелистов, имеет все отличия изображения-символа[56]. Деисус с обращенными в молении Богоматерью и Иоанном Предтечей получает широкое распространение в Византии после иконоборческого кризиса. Подобные иконы-триморфы уже в VII в. помещали в греческих храмах над царскими дверьми. Иллюстрации рукописей, возникших вскоре после восстановления иконопочитания, нередко воспроизводят иконы в форме дисков с погрудным изображением Христа, что впоследствии переходит на византийские монеты. Работавшие в Софии Киевской мозаисты, следовательно, обращались к "цитированию" икон, являвшихся символом победы иконопочитания, о которой следовало знать не только византийцам, но и обращенным в христианство славянским народам.

В технике фрески выполнены евангельский, протоевангельский и житийный циклы апостола Петра и св.Георгия, цикл деяний архангела Михаила, многочисленные изображения святых. Особое место занимают ктиторский портрет[57] и фрески башен с их подчеркнуто светской тематикой[58]. Среди разнообразных композиций следует выделить изображение приема княгини Ольги Константином VII Багрянородным в Константинополе в 957 г.[59] Росписи Софии Киевской, выполненные в различной манере письма, своим появлением обязаны не только византийским столичным традициям. А.Н.Грабар давно обратил внимание на более плоскую трактовку лиц и иной ритм линий фресок в западной арке южной внешней галереи с изображениями солунских святых Домна и Филиппола[60]. Назрела необходимость и в сопоставлении киевских росписей с фресками св. Софии Охридской[61].

Уже давно обращает на себя внимание не совсем византийский характер орнаментов в росписях Софии Киевской. Чем же это объясняется, воздействием народного искусства Приднепровья, работой южнославянских мастеров в составе византийской артели или воздействием иллюминации балканских рукописей? Последнее представляется наиболее правдоподобным и, думается, может быть аргументированно.

В середине XI в. монументальными росписями украшались не только киевские храмы: в Софийском соборе в Новгороде частично сохранилась купольная композиция с изображением Христа Пантократора, архангелов и пророков со славянскими текстами на раскрытых свитках в руках. Эти фрески относятся к начальному этапу работ по украшению стенописями храма, прерванных смертью новгородского князя Владимира Ярославича в 1052 г.[62] Стилистически они всецело принадлежат к тому же этапу развития русского искусства, что и росписи Софии Киевской. Не исключено, что над их выполнением трудились мастера из той же артели.

Стенописи второй половины XI в. не сохранились. Единственный фрагмент орнаментальной полосы, извлеченный из руин Успенского собора Печерского монастыря[63], не позволяет говорить о фресках этого храма в целом. До сих пор не раскрыты росписи уцелевшей западной части церкви архангела Михаила в Выдубецком монастыре, освященном в 1088 г. Но из сказаний Печерского патерика известно, для для выполнения мозаик и фресок Успенского собора приглашались мастера из Константинополя, незадолго до того принимавшие участие в восстановлении поврежденного пожаром в 1070 г. Влахернского дворца, и что их учеником и помощником был Алимпий Печерский, впоследствии ставший одним из прославленных художников Киевской Руси[64].

Около 1112 г. выполнены алтарные мозаики Михайловского собора Златоверхого монастыря, а также фрески этого храма[65]. Фигуры здесь более стройные, чем в софийских росписях. Красочная гамма мозаик, изобилующая изысканными оттенками, свидетельствует о прекрасном владении мастеров своим искусством. Изображения отмечены явными воздействиями линейно-каллиграфического стиля, характерного для константинопольских памятников искусства рубежа XI–XII вв. Однако здесь не утрачена связь и с классической традицией, о чем свидетельствует лицо св.Дмитрия, сохранившее эллинистическо-византийские черты, свойственные искусству Македонской эпохи. Фрески, утратившие первоначальную интенсивность своего колорита, сейчас кажутся особенно мягкими и нежными полутонами напоминают миниатюры византийских столичных кодексов. Показательно, что и в данном случае нельзя говорить о каком-либо запаздывании стиля, столь характерном для живописи византийских провинций.

Следовательно, монументальная живопись Киева в этот период развивалась в тесных культурных контактах с Константинополем, что позволяло приглашать для работы лучших мастеров. В процессе совместной с ними творческой деятельности местные художники могли воспитывать свой эстетический вкус. Трудно сказать, работали над выполнением мозаик Михайловского собора те же мастера, которые украшали Успенский собор Печерского монастыря, или это иная артель, но о том, что новые черты стиля были усвоены современными им русскими художниками, свидетельствует стенопись алтарной части церкви архангела Михаила в Остерском городке, выполненная между 1098 и 1125 гг.[66]

Примерно в те же годы заметно активизируется выполнение росписей в Новгороде. Нельзя сказать с определенностью, кто именно расписал Софийский собор в 1108 г. (сохранились только фигуры св.Анатолия, Карпа, Германа и Поликарпа Смирнского в световых проемах над проходами из алтарной апсиды в боковые). Судя по фрагментам фресок (Иов на гноище и остатки Страшного суда), Никольо-Дворищенский собор, возведенный в 1113 г., был вскоре расписан

византийскими либо киевскими мастерами[67]. В стенописях собора Антониева монастыря, датируемых 1125 г., от которых уцелели изображения благовещения и святых мучеников и бессребреников на алтарных столбах, фрагменты Рождества Христова и Успения Богородицы на солее, а также фрески алтарной части храма, наоборот, более явно свидетельствуют о связях с романской живописью[68]. Не исключено, что здесь работали бенедиктинские мастера, приглашенные основателем монастыря Антонием Римлянином. Наконец, в фресках башни Георгиевского собора Юрьева монастыря (около 1130 г.) можно видеть локальный вариант византийского стиля, выработанный на русской почве[69].

Византийских мастеров приглашали для украшения фресками русских храмов и в более позднее время, вплоть до конца XIV в. Однако национальные традиции уже были сформированы. Искусство Киевской Руси стало развиваться самостоятельно, взяв от культуры Византии все самое ценное, что прочно связало его с наиболее передовой цивилизацией христианского средневековья.

Процесс обособления русской живописи от византийской можно было бы проследить на материалах икон, но до интересующей нас эпохи они, конечно, не дошли. Исключением, возможно, является икона Христа Пантократора с характерной укрупненной головой по отношению к торсу и приподнятыми плечами[70]. Прославленная "наместная икона" Печерского монастыря, привезенная из Константинополя в 1073 г., известна благодаря ее репликам в позднейших памятниках[71]. Наиболее близкое представление о ней дает миниатюра в латинской Трирской Псалтыри (Чивидале, Археологический музей).

Исходя из характера сохранившихся икон домонгольского периода, можно сделать следующие выводы: 1) иконопись сохраняла свой византинизирующий характер; 2) некоторые ее произведения выполнены на Руси заезжими греческими мастерами, авторство которых опознается главным образом благодаря ярко выраженным эллинистическим художественным формам. Тем более эти черты следует признать определяющими для стиля икон времени становления искусства Киевской Руси. Естественно, мы не принимаем во внимание примитивы, поскольку они не характеризуют основную линию развития.

Как иконописцы, так и художники-монументалисты, специализировавшиеся по стенописи, могли принимать участие и в оформлении иллюминованных рукописей, особенно в тех случаях, когда каллиграф не мог найти миниатюриста-профессионала. Таким примером, по нашему мнению, может служить фронтиспис Милятина Евангелия, по манере письма чрезвычайно близкого фрескам алтарных столбов собора Антониева монастыря в Новгороде, выполненном в 1125 г. Это обстоятельство, а также запись писца Домки, что он писал книгу "в голодное лето", позволяет датировать миниатюру 1128 г. Общее количество сохранившихся ранних славяно-русских иллюминованных рукописей крайне незначительно, и лицевые среди них единичны.

Если в зодчестве, в архитектурной пластике, монументальной и станковой живописи можно предполагать прямые воздействия византийского искусства благодаря работавшим на Руси греческим мастерам, то совершенно иную картину наблюдаем в развитии книжного искусства. Мастерство каллиграфа могло развиваться лишь на основе усвоения кирилличного письма. На долю собственно византийских образцов приходилась второстепенная роль. Наиболее ранние русские книги (такие, как Путятина Минея) не отличаются роскошным оформлением, да и само понятие о роскошном убранстве рукописи, по-видимому, было несколько иным, чем в наше время. Известно об основании Ярославом Мудрым княжеского скриптория в Киеве, упоминаемого летописцем под 1037 г.

О продукции этой книгописной мастерской может дать представление кирилличная часть Реймсского Евангелия — фрагмент рукописи, изготовленной не позднее 1037–1044 гг.[72] Формат и письмо рукописи, типология заставок и инициалов близки памятникам глаголичной письменности X–XI вв. То же можно сказать о Пандектах Антиоха Черноризца (Москва, ГИМ, Воскр. 30) и о Туровском Евангелии[73]. В иллюминации названных кодексов не заметно каких-либо следов знакомства с оформлением книги, представляющей достижения константинопольских скрипториев XI в. Орнаментика более сходна с украшающей греческие рукописи итальянского происхождения[74]. Последнее еще раз доказывает, что проводником данного направления в искусстве книги Киевской Руси являлась Болгария. Такой вывод вполне согласуется с лингвистическими данными старейших русских рукописей.

Однако начиная с 1050 г. положение резко меняется. Об этом можно судить по оформлению Остромирова Евангелия, выполненного в 1056–1057 гг. Его невозможно признать воспроизведением внешнего облика преславского кодекса эпохи царя Симеона (893–927)[75], несмотря на то что опознаются следы старых моделей. Эмальерный стиль, как известно, был выработан в Константинополе лишь к середине X в., и именно с графическими формами греческих унициальных рукописей указанного времени сходен характер письма Остромирова Евангелия[76]. Новое направление в оформлении славянорусской книги проявилось в первую очередь в продукции именно княжеского скриптория, мастера которого могли работать и за пределами Киева.

Период становления эмальерного стиля, по-видимому, был непродолжителен. Переписанный в 1073 г. Изборник Святослава, восходящий к сборнику, переведенному для болгарского царя Симеона, имеет типично византийский облик, и только архитектурные обрамления фронтисписов и некоторые другие элементы декора указывают на старые, явно не константинопольские источники[77]. В том же скриптории до мартовских событий 1073 г. в Трирской Псалтири выполнены миниатюры с изображением тронной Богоматери с младенцем и апос-

тола Петра с молящейся Гертрудой, первоначально составляющие один разворот[78]. Судя по роскошному оформлению Мстиславова Евангелия, изготовленного в самом начале XII в., эмальерный стиль на протяжении более половины столетия определял художественный облик продукции киевского княжеского скриптория[79]. Миниатюры с изображениями евангелистов восходят к тому же источнику, что и украшающие Остромирово Евангелие[80]. Общий характер оформления, однако, более византизирующий.

На основе усвоения восточнохристианской художественной традиции в ее болгарском варианте, а также с учетом непосредственных воздействий продукции константинопольских скрипториев в Киевской Руси к концу XI в. был выработан тип иллюминованой книги, который мы вправе определять как византизирующий. Его яркими образцами могут служить Изборник 1076 г.[81], Архангельское Евангелие 1092 г.[82] и новгородские Служебные Минеи 1095–1097 гг.[83] Для них характерно преобладание киноварных заставок и инициалов с растительными орнаментальными мотивами и с некоторыми тератологическими элементами. На страницы тех же книг наряду с византийскими моделями одновременно проникают отголоски западных. Некоторые наблюдения в интересующем нас плане позволяет сделать Юрьевское Евангелие, широко известное архитектурным фронтисписом, в орнаментике которого только византийский мотив. Заставки и большая часть инициалов также имеют откровенно византизирующий характер, хотя среди последних встречаются явные переработки каролингских и романских образцов.

Из византийской церковной утвари, ввезенной на Русь в течение ближайших десятилетий после введения христианства, сохранились единичные предметы, по которым невозможно получить представление о художественном импорте в полном объеме. Но о его значении, однако, свидетельствуют такие образцы торевтики, как малый сион Софии Новгородской, включающий дискос константинопольской работы начала XI в., и большой сион, возможно, выполненный с участием греческих мастеров[84], новгородские кратиры, "Черниговская гривна" – золотой змеевик конца XI в.[85] Показательно, что в продукции русских мастеров не нашли отклика восточнохристианские черты стиля, известные по таким предметам импорта, как бронзовое кадило из Любеча или серебряный крест из Воиня[86].

Следовательно, местные ремесленники в основном ориентировались на константинопольские либо на солунские образцы. Роль последних еще предстоит оценить. Сейчас можно констатировать только воздействие солунских моделей прежде всего на киевскую коропластику второй половины XI в., представленную рядом интересных изделий[87]. В одном русле с коропластикой, а также с каменной скульптурой в Киеве развивалось и художественное литье, в произведениях которого можно назвать стилистически сходные черты[88]. Памятники металлопластики в таком количестве и разнообразии не известные в Ви-

зантии, на Руси обычно связаны с иконографией произведений, пользовавшихся почитанием как реликвии. Именно поэтому на основании данных литья мы можем получить сведения об иконографических схемах византийских икон из древнего Киева, о которых упоминают письменные источники. Так, в этой области искусства византийские традиции вызвали на местной почве своеобразный отклик, весьма далекий от прямого подражательства. Здесь, как в капле воды, отразился общий процесс становления художественных традиций.

К началу XII в. определенные сдвиги сказались, судя по всему, в самых различных отраслях прикладного искусства, не исключая такие, как перегородчатые эмали и золотая вышивка[89]. Не касаясь деталей, все же обратим внимание на тот известный факт, что в древнерусском прикладном искусстве наряду с требовавшей высокого профессионального мастерства техникой изготовления перегородчатых эмалей воспроизводились не только христианские образы, но и мифологические сюжеты. Ярким примером может служить диадема из Сахновки с полетом Александра Македонского[90]. Следовательно, Киевская Русь не чуждалась античного наследия, усвоенного светской византийской культурой.

Итак, на основании анализа разнообразных памятников искусства Киевской Руси мы пришли примерно к одинаковым выводам. Во всех случаях прослеживается роль византийского наследия и русско-византийского сотрудничества. Процесс приобщения к богатейшей византийской культуре, впитавшей опыт эллинизма, был приостановлен только монгольским нашествием. К этому времени Древняя Русь уже обладала развитыми культурными традициями, созданными, как мы стремились показать, на основе глубокого осмысления достижений византийских мастеров и мыслителей. С поразительной активностью Киевская Русь воспринимала все, что объективно вызывалось ее внутренними потребностями. Поэтому нет необходимости ни преувеличивать роль византийских воздействий, ни стремиться уменьшить их удельный вес в истории русского искусства: их значение не подлежит отрицанию, но они в конечном итоге явились лишь тем зерном, из которого вырос новый колос. Корни русского искусства глубоко уходят в местную почву.

[1] *Литаврин Г.Г.* Культурные связи Древней Руси и Византии в X–XII вв. (опыт исторической характеристики) // Балканские исследования : Пробл. истории и культуры. – М., 1976. – С.254–265.

[2] *Раппопорт П.А.* Русская архитектура X–XIII вв. // Каталог памятников. – Л., 1982.

[3] *Айналов Д.В.* Лекции по истории древнерусского искусства : Киев Царьград Херсонес. – Симферополь 1919; *Грабар А.Н.* Крещение Руси в истории искусства // Владимирский сборник в память 950-летия крещения Руси, 988–1938. – Белград, 1938. – С.73–88.

[4] *Lazarev V.N.* Byzans und altrussische Kunst // Jahrbuch der österreichischen Byzantinistik. – 1972. – 21. – S.179–183; Id. Verbreitung der byzantinistisschen

Vorlagen und die altrussische Kunst // Actes du XXVI-e Congres international d'histoire de l'art, 1969, I. – Budapest, 1972. – S.111–117; *Лазарев В.Н.* Византийское и древнерусское искусство: Статьи и материалы. – М., 1978. – С.211–226.

[5] *Лазарев В.Н.* Русская средневековая живопись : Статьи и исследования. – М., 1970. – С.140–149.

[6] *Авенариус А.* Христианство на Руси в IX в. // Beitrage zur byzantinischen Geschichte in 9. – 11. Jahrhundert. – Praha, 1978. – S.301–315.

[7] *Килиевич С.Р.* Детинец Киева IX – первой половины XIII веков. – Киев, 1982.

[8] *Новое* в археологии Киева. – Киев, 1981. – С.71–140.

[9] *Мурьянов М.Ф.* О Десятинной церкви князя Владимира // Восточная Европа в древности и средневековье. – М. – 1978. – С.171–175.

[10] *Отчет* имп. Археологической комиссии за 1908 год. – Спб., 1912. – С.132–158; *Каргер М.К.* Древний Киев. – М. ; Л., 1961. – Т.2. – С.9–59.

[11] *Холостенко М.В.* З історії зодчества Древньої Русі X ст. // Археологія. – 1965. – Т.19. – С.74–80; *Корзухина Г.Ф.* К реконструкции Десятинной церкви // СА. – 1957. – № 2. – С.78–90.

[12] *Krautheimer R.* Early Christian and Byzantins Architecture. – Baltimore, 1967. – P.247–257.

[13] *Каргер М.К.* К вопросу об убранстве интерьера в русском зодчестве домонгольского периода // Тр. Всерос. Акад. художеств. – 1947. – Т.1. – С.17–20.

[14] *Ивакин Г.Ю., Пуцко В.Г.* Импостная капитель из киевских находок // СА. – 1980. – № 1. – С.293–299. Что касается рельефа с погрудным изображением Богоматери с младенцем и нижней части колонны типично романского облика, относимых к пластическому декору Десятинной церкви в статьях Н.В.Холостенко (*Памятник* древнерусской пластики // Искусство. – 1969. – № 5. – С.49–51; *Холостенко В.М.* З історії зодчества... – С.75–76. – Рис.3), то это, по нашему мнению, камни из развалин ротонды, отождествляемой нами с латинским храмом Девы Марии (*Пуцко В.Г.* Каменный рельеф из киевских находок // СА. – 1981. – № 2. – С.223–231).

[15] *Айналов Д.В.* К вопросу о строительной деятельности св.Владимира // Сборник в память святого равноапостольного князя Владимира. – Пг., 1917. – Т.1. – С.26–28; *Пуцко В.* Литературные тексты и проблема реконструкции киевских стенописей X–XI веков // Slavia Orientalis, 1977. – XXVI. – S.192–194.

[16] *Сычев Н.П.* Древнейший фрагмент русско-византийской живописи // Seminarium Kondakovianum, 1928. – II. – S.91–104.

[17] *Мильковик-Пепек П.* Водоча : Комплексот цркви во Водоча. – 1975. – С.49–50. – Сл.2. – Табл. XX.

[18] *Пуцко В.* Произведения искусства – реликвии древнего Киева. – Russia Mediaevalis. – 1987. – VI(1). – S.135–156.

[19] *Макаренко М.* Чернігівський Спас : Археологічні досліди року 1923. – Київ, 1929; *Комеч А.И.* Спасо-Преображенский собор в Чернигове // Древнерусское искусство : Зарубежные связи. – М., 1975. – С.9–26; *Раппопорт П.А.* Русская архитектура X–XIII вв. – С.39–40.

[20] *Макаренко М.* Біля Чернігівського Спаса // Чернигів та північне Лівобережжя. – К., 1928. – С.184–196.

[21] *Grabar A.* Sculptures Byzantines du Moyen Age. II (XIe–XIVe ciecle). – Paris, 1976.

[22] *Висоцький С.О.* Графіті та час побудови Софійського собору в Києві // Стародавній Київ. – К., 1975. – С.171–181; *Асеев Ю.С.* К вопросу о времени основания киевского Софийского собора // СА. – 1980. – № 3. – С.128–141.

[23] *Каргер М.К.* Древний Киев. – Т.2. – С.98–206; *Раппопорт П.А.* Русская архитектура X–XIII вв. – С.11–13 (№ 10).

[24] *Комеч А.Н.* Роль княжеского заказа в построении Софийского собора в Киеве // Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. – М., 1972. – С.50–64.

[25] *Холостенко Н.В.* София Киевская и формирование киевской архитектурно-строительной школы // София Киевская : Материалы исследований. – Киев, 1973. – С.20–25.

[26] *Каргер М.К.* Древний Киев. – Т.2. – С.216–237; *Раппопорт П.А.* Русская архитектура X–XIII вв. – С.14–15 (№ 13–15).

[27] *Высоцкий С.А.* Золотые ворота в Киеве. – Киев, 1982.

[28] *Асеев Ю.С.* Новые данные о соборе Дмитриевского монастыря в Киеве // СА. – 1961. – № 3. – С.291–296; *Раппопорт П.А.* Русская архитектура X–XIII вв. – С.17 (№19).

[29] *Раппопорт П.А.* Русская архитектура X–XIII вв. – С.65–66 (№ 97); *Штендер Г.М.* Первичный замысел и последующие изменения галереи и лестничной башни Новгородской Софии // Древнерусское искусство : Проблемы и атрибуции. – М., 1977. – С.30–54.

[30] *Комеч А.И.* Роль приделов в формировании общей композиции Софийского собора в Новгороде // Средневековая Русь. – М., 1976. – С.147–150.

[31] *Раппопорт П.А.* Русская архитектура X–XIII вв. – С.93–94 (№ 161).

[32] *Лазарев В.Н.* Византийское и древнерусское искусство. – С.231.

[33] *Холостенко М.В.* Успенський собор Печерського монастиря // Стародавній Київ. – С.107–170; *Раппопорт П.А.* Русская архитектура X–XIII вв. – С.23–25 (№ 33).

[34] *Раппопорт П.А.* Русская архитектура X–XIII вв. – С.16–17 (№ 18).

[35] *Холостенко Н.В.* Открытие в Чернигове // Декоративное искусство СССР. – 1967. – № 5. – С.19; *Пуцко В.Г.* Ранневизантийский рельеф в Софии Киевской // КСИА АН СССР. – 1980. – Вып.160. – С.107–110.

[36] *Макаренко М.* Скульптура й різьбярство Київської Русі передмонгольських часів // Київські збірники історії й археології побуту й мистецтва. – К., 1930. – Зб.1. – С.73–74. – Рис. 18; *Grabar A.* Sculptures byzantines du Moyen Age. – P.85–86. – Pl.LX.

[37] *Петров К.* Декоративна пластика во Македонии а во XI и XII век // Годишен зборник, филозовски факултет, кн.14. – Скопје, 1962. – С.98. – Обр. 106, 107; Максимовић Српска средньо вековна скулптура. – Нови Сад, 1971. – С.49–50. – Сл.67.

[38] *Макаренко М.* Скульптура й різьбярство... – С.46–49. – Рис. 1–6; *Михайловский И.Б.* Русское искусство в эпоху Владимира Святого. – Пг., 1916. – С.72–73. – Рис. 12.

[39] *Пуцко В.Г.* Киевская скульптура XI века. – Byzantinoslavica. – 1982. – XLIII. – С.52–53. – Рис. 1 *а*.

[40] *Новицкая М.* Орнаментальная резьба так называемых шиферных изделий великокняжеской эпохи в Киеве. – Acta Historiae Artium, 1979. – XXV. – С.3–12.

[41] *Пуцко В.Г.* Киевская скульптура XI века. – С.53–57. – Рис. 8–9.

[42] *Пуцко В.Г.* Шиферные рельефы в лапидарии Софии Киевской // СА. – 1984. – № 1. – С.210–219.

[43] *Пуцко В.Г.* Киевская скульптура XI века. – С.57. – Рис. 10.

[44] *Даркевич В.П.* О некоторых византийских мотивах в древнерусской скульптуре // Славяне и Русь. – М., 1968. – С.410–419; Радојчић С. Кијевски рељефи Диониса, Хераклa и светих ратника // Старинар. – Београд, 1970. – XX. – С.331–334.

[45] *Пуцко В.Г.* Киевские рельефы святых всадников // Старинар, Београд, 1977. – XXVII. – С.111–124.

[46] *Холостенко Н.В.* Исследования руин Успенского собора Киево-Печерской лавры в 1962–1963 гг. // Культура и искусство Древней Руси. – Л., 1967. – С.64–65. – Табл. XI.

[47] *Холостенко М.В.* Успенський собор Печерського монастиря. – С.134, 140. – Рис. 24, 28.

[48] *Лазарев В.Н.* Византийская живопись. – М., 1971. – С.96–109.

[49] *Сычев Н.П.* Искусство средневековой Руси // История искусства всех времен и народов. – Л., 1929. – С.183.

[50] *Lazarev V.* Storia della pittura bizantina. – Torino, 1967. – P.124–125; *Weitzmann K.* Studies in Classical and Byzantine Manusoript Illumination. – Chicago; London, 1971. – P.151–175 (The Classical in Byzantine Art as A Mode of Individual Expression).

[51] *Макаренко М.* Найдавніша стінопись княжої України // Україна. – 1927. – Кн.1/2. –С.7–13.

[52] *Lazarev V.* Old Russian Murals and Mosaics from the XI to the XVI Century. – London, 1966. – P.243. – Fig.40.

[53] *Der Nersessian S.* The Illustrations of the Homilies of Gregory of Nazianzus. – Paris, gr.510 // Dumbarton Oaks Papers. – 1962. – 13. – P.195–228; *Spatharakis J.* The Portraits and the Date of the Codex Par. Gr.510 // Cahiers archeologiques. – 1974. – XXIII. – P.97–98.

[54] *Лазарев В.Н.* Византийское и древнерусское искусство. – С.218; *Лазарев В.Н.* Русская средневековая живопись. –С.144.

[55] *Лазарев В.Н.* Мозаики Софии Киевской. – М., 1960; *Лазарев В.Н.* Византийское и древнерусское искусство. – С.65–115; *Мясоедов В.* Фрески северного притвора Софийского собора в Киеве // Зап. Отд-ния рус. и славян. археологии Рус. археол. об-ва. – 1918. – № 12. –С.1–7; *Грабар А.* Фрески Апостольского придела Киево-Софийского собора // Там же. – С.98–106; *Окунев Н.* Крещальня Софийского собора в Киеве // Там же. – 1915. –№ 10. – С.113–137.

[56] *Айналов Д.* Новый иконографический образ Христа // Seminarium Kondakovianum. 1928. – II. – С.19–23; *Пуцко В.* Апокрифы в фресках Спаса-Нередицы // Slavia Orientalis. – 1979. – XXVIII. – С.187–190.

[57] *Лазарев В.Н.* Русская средневековая живопись. – С.27–54; *Poppe A.* Kompezycja fundacyjna Sofii Kijewskiej : W poszukivaniu ukladu piarwotnego // Biuletin Historii Sztuki. – 1968. – XXX. – N 1. – S.3–27; *Висоцький С.О.* Реконструкція портретів родини Ярослава Мудрого в Софії Київській // Археологія. – 1975. – 17. – С.3–14.

[58] *Grabar A.* Les fresques des escaliers a Sainte-Sophie de Kiev et l'iconographie imperiale byzantins // Seminarium Kondakovianum. – VII. – 1935. – P.103–117; *Высоцкий С.А., Тоцкая И.Ф.* Новое о фреске "Скоморохи" в Софии Киевской // Культура и искусство Древней Руси. – С.50–57. – Табл.VII–VIII.

[59] Новое в археологии Киева. – С.234 –264.

[60] *Грабар А.* Фрески апостольского придела... – С.104–106.

[61] *Васили А.* Стилске особине фресака XI века у Свето Софи и Охридско // Зборник Народног музеа, IX–X. –Београд, 1979. – С.233–240.

[62] *Брюсова В.Г.* О датировке древнейших фресок Софийского собора в Новгороде (XI – начала XII в.) // СА. – 1968. – № 1. – С.103–114; *Брюсова В.Г.* Фреска Вседержителя новгородской Софии и Легенда о Спасовом образе // Тр. Отд. древнерус. лит-ры. – 1966. – XXII. – С.57–64; Ср. аргументы сторонников датирования фресок 1108 г.: *Дмитриев Ю.Н.* Стенные росписи Новгорода, их реставрация и исследование // Практика реставрационных работ. – 1950. – 1. – С.136–137; *История* культуры Древней Руси: Домонгольский период. – М. ; Л., 1951. – Т.2. –С.366; *Лазарев В.Н.* Византийское и древнерусское искусство. – С.116–117. Анализ графических особенностей текстов дан в нашей статье: Надписи на свитках пророков в купольных росписях Софии Новгородской.

[63] *Филатов В.В., Шептюков А.П.* Фрагмент наружной росписи Успенского собора Киево-Печерской Лавры // Сообщ. ВЦНИЛКР. – 1971. – 27. – С.202–206.

[64] *Пуцко В.* Киевский художник Алимпий Печерский (По сказанию Поликарпа и данным археологических исследований) // Wiener slavistisches Jahrbuch. – 1979. – N 25. – С.63–88.

[65] *Лазарев В.Н.* Михайловские мозаики. – М., 1966. Фрески, снятые частично со стен этого храма, специально не изучены и полностью не опубликованы. Хранятся в Киеве, Москве, Ленинграде и в Новгороде. Воспроизведения некоторых из них см.: *История* русского искусства. – М., 1953. – Т.1. – С.213–215; *Косцова А.С.* Культура древней Руси VI–XV веков // Путеводитель по залам Гос. Эрмитажа. – Л., 1968. – С.67.

[66] *Макаренко М.* Старогородська "божниця" та її малювання // Чернигів і північне лівобережжя. – К., 1928. – С.205–223.

[67] *Сычев Н.* Забытые фрагменты новгородских фресок XII в. // Зап. Отд-ния рус. и славян. археологии Рус. археол. об-ва. – Т.XII. – С.116–131.

[68] *Лазарев В.Н.* Византийское и древнерусское искусство. – С.262, 264. – Ил. на с.258–263, 265; *Гордиенко Э.А.* Росписи 1125 г. в соборе Рождества Богородицы Антониева монастыря в Новгороде // Памятники культуры : Нов. открытия 1574. – М., 1975. – С.195–204.

[69] *Pucko V.G.* Les fresques de la tour de la cathedrale du monastére St. Georges à Hovgorod // Byzantion. – 1976. – XLVI. – P.398–410. – Pl.I–VII. В Киеве этому этапу развития живописи соответствуют фрески церкви Спаса на Берестове, выполненные до 1125 г. О них см.: *Логвин Г.* Возрожденные фрески XII века // Искусство. – 1971. – № 8. – С.64–66.

[70] *Салтыков А.* О новом приобретении Музея имени Андрея Рублева // Искусство. – 1979. – № 7. – С.55–61.

[71] *Карабинов И.А.* "Наместная икона" древнего Киево-Печерского монастыря // Изв. Гос. Академии материал. культуры. – 1927. – № 5. – С.102–113.

[72] *Leger L.* L'Evageliaire slavon de Reims, dit: Text du Sacre. Reims–Praque 1988; *Жуковська Л.П.* Гіпотези й факти про давньоруську писемність до XII ст. // Літературна спадщина Київської Русі і українська література XVI–XVIII ст. – К., 1981. – С.17, 27.

[73] Туровское Евангелие XI века. – Спб., 1868; *Grabar A.* Les manuscrits grecs enlumines de provenance italienne (IXe – XIe siecles). – Paris, 1972.

[74] *Иванова-Мавродинова В.* За украсата на ръкописите от Преславската книжовна школа. – Преслав, Т.1. – София, 1968. – С.85–98.

[75] *Каринский Н.* Письмо Остромирова Евангелия // Сб. Рос. Публ. библ. – Пг., 1920. – Вып.1. – С.188–192.

[76] *Пуцко В.* Об источниках миниатюр Изборника Святослава 1073 г. // Etudes balkaniques. – 1980. – N 1. – С.101–119.

[77] *Sauerlang H., Heseloff A.* Der Psalter Erzbischof Egbarts von Trier in Civicale. – Trier, 1901. Остальные "русские" миниатюры этой рукописи, по нашему мнению, выполнены вскоре после 1073 г. в Германии: *Пуцко В.* Тема коронования в миниатюре Трирской Псалтири / Българско средновековие. Българско-съветски сборник в чест на проф И.Дуйчев. – София, 1980. – С.300–307.

[78] В последующий период, вплоть до XIV в., этот стиль в оформлении русских рукописей не известен.

[79] Сопоставление декора этих двух рукописей см.: *Симони П.К.* Мстиславово Евангелие начала XII в. в археологическом и палеографическом отношениях. – Спб., 1904–1910. – Вып. 1/2.

[80] *Изборник* 1076 года. – М., 1965.

[81] *Архангельское* Евангелие 1092 года. – М., 1912.

[82] *Ягич И.В.* Служебные Минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь в церковно-славянском переводе по русским рукописям 1095–1097 гг. – Спб., 1886.

[83] *Пуцко В.* Художественный декор Юрьевского Евангелия // Ars Hangarica, 1981. – N 1. – С.7–21.

[84] *Рыбаков Б.А.* Русское прикладное искусство X–XIII веков. – Л., 1971. – Рис. 93, 81–92.

[85] *Там же.* – Рис. 78–80, 124; *Шугаєвський В.* Мідяний змієвик Чернигівського музею – повторення золотої "Чернигівської гривни" // Чернигів і Північне Лівобережжя. – С.224–234.

[86] *Залесская В.Н.* К вопросу о датировке некоторых групп сирийских культовых предметов (По материалам бронзового литья Эрмитажа) // Палестинский сборник. – 1971. – №23 (86). – С.84–87. – Рис. 1; *Пуцко В.Г.* Греческая надпись из Воиня // Нумизматика и эпиграфика. – 1974. – № 1. – С.209–214.

[87] *Пуцко В.* З київської коропластики передмонгольських часів // Наша культура. – 1981. – № 4. – С.6–7.

[88] *Пуцко В.Г.* Русская путевая икона XI века // Памятники культуры. Нов. открытия, 1981. – Л., 1983. – С.199–206.

[89] *Макарова Т.И.* Перегородчатые эмали Древней Руси. – М., 1975; *Новицкая М.А.* Золотая вышивка Киевской Руси // Byzantinoslavica. – 1972. – XXXIII. – С.42–50.

[90] *Макарова Т.И.* Перегородчатые эмали Древней Руси. – С.48, 109 9N (N 69); *Grabar A.* L'art de la fin de l'antiquite et du Moyen Age, Vol. I. – Paris, 1968. – P.291–296 (Images de l'ascension d'Alexandre en Italie et en Russie).

С.А.ВЫСОЦКИЙ

ДРЕВНЕРУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ТЕМА В СВЕТСКОЙ ЖИВОПИСИ СОФИЙСКОГО СОБОРА В КИЕВЕ*

В статье подводится итог изучения светской живописи в Софийском соборе в Киеве, считавшейся ранее византийской по содержанию и выполнению; делается вывод о ее отношении к истории Киевской Руси.

Среди памятников изобразительного искусства Киевской Руси не сохранилось каких-либо сюжетов, повествующих об исторических лицах или событиях того времени. В монументальной живописи можно назвать, пожалуй, только известное изображение Ярослава Всеволодовича из Спасо-Нередицкой церкви в Новгороде. Пробел в этой области в некоторой мере может быть восполнен благодаря исследованию светской живописи в башнях и центральном нефе Софийского собора в Киеве, которая длительное время считалась имеющей "исключительно византийский интерес".

Напомним содержание фресок. При подъеме на хоры храма, на стенах башен уцелели остатки былого богатого убранства этих помещений. То тут, то там разбросаны сцены охоты, борьбы ряженых гладиаторов, играющих и пляшущих скоморохов. Среди фресок выделяются такие сюжеты, как "Молодой император на коне", "Императрица с приближенными", "Коляды", "Акробаты". Своды расписаны растительным орнаментом, который в некоторых местах расступается, чтобы дать место медальонам с изображениями ловчих птиц, грифонов или цветов. Главное место среди фресок занимают две большие компози-

*Статья написана на материалах доклада, прочитанного нами на XII Всесоюзной сессии византинистов, посвященной 950-летию Софийского собора и Золотых ворот в Киеве. – Киев, 11–16 мая 1987 г.

©*С.А.Высоцкий, 1991*
ISBN 5-12-003266-4. Южная Русь и Византия. К., 1991

ции – "Прием византийским императором" в северо-западной башне и "Ипподром" – в юго-западной. Первая из них состоит из двух частей: слева изображен византийский император, сидящий на троне. Он одет в богатую пурпурного цвета одежду. На голове стемма, а вокруг головы нимб. Рядом изображены два телохранителя с копьями и щитами в руках. Правая рука императора прижата к груди, а левая согнута в локте и направлена вправо, где расположена вторая часть композиции. На ней изображена знатная дама со стеммой, но без нимба вокруг головы. Особу в стемме представляет императору знатная дама. Несколько поодаль помещены дамы свиты. Вся эта сцена изображена на фоне стены дворцового здания. Справа в углу прослеживается изображение культового здания с огромным куполом. В юго-западной башне в композиции "Ипподром" изображен, по справедливому определению Н.П.Кондакова, константинопольский ипподром[1]. Действие в композиции разворачивается слева направо по ходу лестничного марша. Фреска начинается с изображения так называемой стамы, т.е. старта, где за закрытыми еще решетками видны четверки коней, запряженных в колесницы и приготовленных к состязаниям. Справа три трибуна ипподрома в остроконечных шапках и подпоясанных одеждах. Один из них поднятием руки с платком дает знак началу заездов. Далее, вправо едва заметно изображение мчащейся колесницы. Остальные три колесницы скрыты под сооруженной в XVIII в. аркой. Выше по ходу лестницы хорошо сохранилось изображение дворца ипподрома Кафисмы. Это большое трехэтажное здание с галереями, заполненными зрителями, с императорской и посольской ложами. В императорской ложе император в стемме и с нимбом вокруг головы сидит на троне. Перед ним женщина с белой повязкой-мафорием на голове и скрещенными на груди руками. Внизу слабое изображение финиширующей колесницы.

Обе рассмотренные композиции, несомненно, занимают главное место среди фресок башен не только благодаря большим размерам (первая – 5,4, вторая 14 м), а и по числу и весомости изображенных персонажей. Поэтому даже при беглом осмотре фресок становится ясно, что они имеют какое-то глубокое содержание и представляют большую важность для понимания живописи башен в целом. Глядя на эти фрески, трудно сомневаться, что изображенное на них действие происходит не в Константинополе – столице византийских императоров. Именно так считали Н.П.Кондаков, Д.В.Айналов и Е.К.Редин и другие авторы[2]. Об этом свидетельствует изображение константинопольского ипподрома, императора, а также здания с огромным куполом, – несомненно, Константинопольской Софии, расположенной неподалеку от императорской резиденции.

Светская живопись в центральном нефе собора представлена остатками большой ктиторской композиции, изображавшей строителя собора Ярослава Владимировича Мудрого с семьей. Уцелевшие части

фрески расположены на южной и северной стенах центрального нефа и примыкающих к ним пилястрах. Средняя часть композиции не уцелела, она находилась на западной стене, пересекавшей центральный неф (разобрана в конце XVII в.) На южной стене изображены четыре стоящие по росту и направляющиеся в западную сторону фигуры, которые в литературе вопроса ошибочно фигурируют как дочери Ярослава Мудрого[3]. Подобная атрибуция этой части фрески была предложена реставратором П.Юкиным, вторично открывшим ее из-под масляной живописи XIX в. в 1934 г. В том же году на противоположной северной стене расчищены еще две фигурки детей князя, входивших в композицию. В 1955 г. на южной пилястре, примыкающей к сохранившейся части фрески, был открыт фрагмент (правая часть) еще одной фигуры. На северной пилястре также обнаружены остатки (левый нижний край) одежды находившейся здесь фигуры.

Итак, в настоящее время известны полностью или частично сохранившиеся восемь фигур, входивших в композицию: пять фигур на южной стене и примыкающей к ней пилястре и три на северной стене и пилястре.

Таким образом, главной задачей изучения светских фресок в башнях, как и в центральном нефе собора, является – в первом случае – атрибуция женской особы, дважды изображенной перед императором, а во втором – уточнение атрибуции фигур ктиторской композиции и реконструкция ее вцелом. В конечном итоге это даст возможность выяснить концепцию светской живописи собора. Эти вопросы рассматривались нами в ряде статей[4]. В настоящей работе мы попытаемся кратко изложить результаты многолетних исследований светских фресок в Софийском соборе в Киеве.

Несмотря на то что о фресках башен собора написано немало работ, наиболее интересной из них, не потерявшей своего значения и в наше время, является упоминавшаяся статья Н.П.Кондакова "О фресках лестниц Киево-Софийского собора", опубликованная еще в 1888 г. Основной задачей, которую поставил перед собой автор, было установление общей концепции светской живописи башен. Главное внимание он обратил на фрески "Ипподром" в юго-западной башне и "Прием византийским императором" – в северо-западной. Н.П.Кондаков впервые правильно назвал фреску в юго-западной башне константинопольским ипподромом. Он подметил ее близость к византийским миниатюрам, высказал мнение о возможной близости некоторых охотничьих сюжетов фресок к местной фауне, использованной художниками-фрескистами. Важна мысль автора, что фрески обеих башен "представляют одно и то же содержание".

Однако в главном вопросе – выяснении концепции живописи в целом – мы никак не можем согласиться с Н.П.Кондаковым, считавшим, что вся живопись башен изображает всего лишь цирковые игры на ипподроме в присутствии императора и императрицы[5]. Правильно

атрибутировав фреску "Ипподром", он все же недостаточно изучил композицию "Прием византийским императором", на которой, как он считал, изображен император и императрица, наблюдающие цирковые представления. Эта мысль Н.П.Кондакова имела успех и ей многие годы следовали такие видные ученые, как Д.В.Айналов, Е.К.Редин и др.[6] Вероятно, это можно объяснить тем, что вплоть до 20-х годов XX в. интересующие нас фрески были закрыты масляной живописью и поэтому судить о некоторых важных деталях изображений весьма затруднительно. Правда, руководитель работ по поновлению живописи собора в XIX в. академик Ф.Г.Солнцев зарисовал важнейшие фрески в башнях. Однако трудно сказать с уверенностью, была ли интересующая нас акварель сделана до записи фрески масляными красками при поновлении. Но обратимся к самой фреске. Как мы помним, на фреске в северо-западной башне перед сидящим на троне императором изображена стоящая женская особа со стеммой на голове, но без нимба. Возникает существенный вопрос: могла ли так быть изображена византийская императрица в соответствии с византийской монархической иконографией? Мы отвечаем на этот вопрос отрицательно, поскольку, наблюдая памятники византийского изобразительного искусства, можно заметить, что император и императрица обычно (в предстояниях перед Христом) изображаются стоя.

В нашем случае весьма странно, что император сидит, а мнимая императрица стоит перед ним. Еще больше противоречит монархической иконографии отсутствие нимба вокруг головы женской особы: император и императрица всегда изображались с нимбами, как это можно видеть на многочисленных примерах монументальной живописи, например, мозаиках из Константинопольской Софии[7]. Необычно также и то, что стемма на голове женской особы изображена одетой поверх белого плата-мафория. И, наконец, мнимую императрицу представляет императору, т.е. супругу, знатная дама, положение рук которой явно указывает на особу со стеммой на голове. Как можно понять такое несоответствие с принятой атрибуцией? Непонятно, как мог не заметить всех этих существенных противоречий с принципами византийской иконографии Н.П.Кондаков? Надо полагать, что он, вероятно, имел дело с фреской, уже записанной масляными красками или же судил о ней по акварели Ф.Г.Солнцева. Возможно, он считал, что мастера-фрескисты, расписывавшие собор, могли не знать всех тонкостей монархической иконографии, о которых шла речь выше. Между тем имеется важное свидетельство, что мастера, писавшие фреску, были хорошо знакомы с упомянутыми правилами византийской иконографии. В той же северо-западной башне, на первом этаже сохранился фрагмент фрески — императрица со свитой. И здесь императрица изображена по всем правилам монархической иконографии. Стемма на ее голове одета на волосы, а вокруг головы нимб.

На основании сказанного можно заключить, что на фреске перед императором изображена какая-то знатная, владетельная особа, но

никак не императрица. Кто же мог быть изображен на стенах Софийского собора Русской митрополии – главного храма Киевской Руси? Н.П.Кондаков в той же работе, пытаясь представить себе причины и мотивы, побудившие написать подобные сюжеты на стенах лестниц башен, писал: "Было ли это дорогое для киевского князя воспоминание о посещении им Царьграда, приемах и празднествах, пирах и играх, которыми они сопровождались; или же искусный декоратор, призванный в Киев, сам позаботился расписать в веселом и праздничном вкусе эти лестницы хоров Киево-Софийского собора"[8]. Мысль об искусном декораторе, по собственной инициативе изобразившем на стенах башен триумфальный императорский цикл, мы отбросим как не выдерживающую критики. А вот другая мысль –о посещении киевскими князьями Константинополя – представляется нам весьма оправданной. Начиная с образования Киевской Руси и вплоть до княжения Ярослава Мудрого (1019–1054) и строительства им Софийского собора мы можем назвать, пожалуй, только князя Кия, ездившего в Константинополь и принявшего "велику честь" от царя. Сам строитель собора – Ярослав Мудрый, насколько это известно, не бывал в Константинополе-Царьграде. Но круг наших поисков значительно сузится, если мы вспомним, что перед императором на фреске изображена женщина. Это дает возможность заключить, что вероятнее всего на фреске представлена киевская княгиня Ольга, посетившая Царьград в 957 г. и принявшая там крещение. Вот почему она изображена на фреске как владетельная особа с короной-стеммой на голове, но без нимба, и ее представляет императору знатная дама, по определению Н.П.Кондакова, зоста – высшая сановница Византийской империи.

Изображение поездки княгини Ольги в Константинополь на стенах митрополичьего Софийского собора вполне понятно и логично, поскольку она была первой княгиней-христианкой и по выражению Илариона в "Слове о законе и благодати": "Ты же (*Владимир. – С.В.*) съ бабою твоею Ольгою принесъша кресть отъ нового Іерусалима Коньстянтина града"[9]. По словам "Повести временных лет", Ольга "Си бысть предътекущая крестъяньстѣй земли аки деньница предъ солнцемь и аки зоря предъ свѣтомъ"[10]. Не следует забывать, что Ольга была из той же княжеской династии, что и Ярослав Мудрый, и поэтому прославление ее в живописи собора приобщало князя к делу введения и распространения христианства на Руси.

Поездка княгини Ольги в Константинополь получила широкую огласку в средневековом мире. Приемы Ольги во дворце подробно описал Константин Багрянородный в своем знаменитом труде "О церемониях византийского двора". Об этом событии писали византийские хронисты Кедрин, Зонара, но особенно важно сообщение Иоанна Скилицы Куропалата, поскольку оно дополнено миниатюрой, на которой изображен прием Ольги Константином Багрянородным[11]. Западноевропейские источники, такие, как хроника Продолжателя аббата Регинона Прюмского, также упоминают о поездке Ольги в Константи-

нополь и ее крещении там[12]. Много внимания уделено поездке Ольги в Царьград в древнерусских письменных источниках: "Повести временных лет", "Памяти и похвале Владимиру" Иакова Мниха, Радзивилловской летописи, где этой теме посвящено несколько миниатюр[13].

Для предложенной атрибуции фрески важное значение имеет описание приемов Ольги в труде Константина Багрянородного, лично принимавшего княгиню. Ольга дважды была на приемах во дворце: 9 сентября в среду и 18 октября в воскресенье[14]. На фреске Ольгу принимает один император. Между тем во время рассматриваемых событий в Византии царствовали два императора – Константин VII Багрянородный и его сын Роман II. Согласно обряднику, Ольгу принимал Константин Багрянородный, как это мы видим и на фреске. Однако на предыдущем приеме тарских послов присутствовали оба императора[15]. Другой важной деталью описания приема 9 сентября является замечание Константина Багрянородного, что Ольга: "вошла с ее близкими, архонтиссами-родственницами и наиболее видными из служанок. Она шествовала впереди всех прочих женщин, они же по порядку, одна за другой, следовали за ней"[16]. Выходит, что Ольга самостоятельно, без помощи служанок, поддерживавших ее под руки, вошла в тронный зал и, значит, не делала перед императором проскинесис, то есть тройной поклон, при котором посетитель должен был падать ниц перед троном. Подробности этого церемониала описал в своем труде Кремонский епископ Лиутпранд, посетивший двор Константина VII несколькими годами раньше Ольги. Он сообщает, что посетителя вводили в зал два евнуха, заставлявшие его делать поклоны и падать ниц в определенных, установленных ритуалом местах[17]. На фреске Ольгу никто не поддерживает и она входит в тронный зал сама. Так что и в данном случае изображение на фреске не противоречит, а подтверждает описание Константина Багрянородного.

Важной параллелью к фреске, изображающей Ольгу на приеме у Константина Багрянородного, и одним из аргументов в пользу предложенной атрибуции является упоминавшаяся миниатюра из рукописи Иоанна Скилицы[18]. На ней справа изображен в профиль сидящий на троне Константин Багрянородный в богатой одежде, прямоугольной стемме на голове и скипетром в правой руке. Перед ним Ольга в длинном платье и скрещенными на груди руками. На ее голове – платмафорий. Над головой надпись Οὖλγα. Рядом с ней дама, представляющая Ольгу императору, а далее ее свита в длинных одеждах с руками, сложенными на груди. На их головах характерные уборы белого цвета, шапки с полусферическим верхом, напоминающие чепцы.

В свое время эти головные уборы привлекли внимание Д.В.Айналова поразительным сходством с уборами на головах зрителей на фреске "Ипподром"[19]. Однако Д.В.Айналов напрасно сравнивал миниатюру Скилицы с композицией "Ипподром". Ведь на миниатюре

действие происходит не на ипподроме, а в императорском дворце. Если бы он сравнил миниатюру с фреской "Прием византийским императором" в северо-западной башне, то, мы уверенны, что исследователь пришел бы к тому же выводу, что и мы: фреска изображает киевскую княгиню Ольгу на приеме у Константина Багрянородного. Д.В.Айналов, судя по упомянутой выше статье, был весьма близок к такому выводу. Действительно, на миниатюре фигурируют те же персонажи, что и на фреске: император, сидящий на троне, стоящая перед ним Ольга, представляющая ее дама и свита.

Если в живописи башен на самом деле изображены сцены из жизни константинопольского двора времени царствования Константина Багрянородного и посещения его княгиней Ольгой, то было бы вполне естественно ожидать изображения на фресках и других царственных особ императорского дома. Действительно, немного ниже, в той же башне находится фрагмент композиции, изображающий молодого человека на белом коне. Несмотря на плохую сохранность фрески, можно заметить, что он изображен со стеммой на голове и нимбом. Несомненно, это молодой император Роман II, сын и соправитель Константина VII. Подобный вывод можно сделать и об упоминавшемся выше изображении императрицы с нимбом и стеммой на голове в сопровождении свиты. Скорее всего это изображение императрицы Елены – супруги Константина VII, как известно, принимавшей участие в приеме княгини Ольги.

Обратимся теперь к фреске "Ипподром" в юго-западной башне. Как мы видели, это большая композиция, где главное место отведено изображению дворца ипподрома Кафисмы. В его ложе помещен император на троне и стоящая перед ним женская особа со скрещенными на груди руками и белым покрывалом на голове. Н.П.Кондаков писал о едином содержании живописи в обеих башнях[20]. Действительно, трудно сомневаться, что и в юго-западной башне продолжается та же тема прославления княгини Ольги в связи с ее посещением Константинополя. В ложе ипподрома и здесь – Ольга и Константин Багрянородный.

Глядя на фреску "Ипподром", сразу же замечаешь измельченность деталей композиции, весьма напоминающую миниатюры. Размеры бо́льших фигур (император и Ольга) не более 0,5 м, в то время как на фреске "Прием княгини Ольги Константином Багрянородным" размеры фигур превышают 1 м. По-видимому, этим мастера-фрескисты хотели особо подчеркнуть важность первого официального приема княгини, происходившего в Магнаврском тронном зале.

В описании Константином VII приемов Ольги не упоминается ее посещение ипподрома. Отсутствуют они и в других источниках. Но начиная описание первого приема Ольги, он подчеркивает, что "состоялся прием, во всем подобный вышеописанному"[21]. Хотя с уверенностью трудно сказать, какой прием здесь имеется в виду, но поскольку непосредственно перед описанием приема Ольги идет речь о приеме

послов эмира Тарса, для которых были устроены игры на ипподроме, то, возможно, это является указанием того, что и для посольства Руси также давались подобные представления в присутствии императора. Скорее всего празднества на ипподроме, изображенные на фреске, связаны с наступлением Нового года, который застал Ольгу в Константинополе. Этот факт не был замечен прежними исследователями. Он вытекает из того, что первый прием Ольги состоялся 9 сентября, а значит, в самом начале 957 сентябрьского Нового года, начинавшегося в Византии 1 сентября. Выходит, что посольство Ольги, учитывая долгое ожидание императорских приемов в константинопольской гавани Золотой Рог, отправилось в Константинополь в 956 г. летом, а возвратилось в Киев глубокой осенью 957[22]. Подтверждением сказанному, вероятно, являются новогодние мотивы в живописи юго-западной башни, где вблизи фрески "Ипподром" на столбе, вокруг которого сооружена лестница, помещена сцена, получившая со времени работ Н.П.Кондакова, Д.В.Айналова и Е.К.Редина, название "Коляды"[23]. Здесь изображен человек с окороком и свинной головой в руках, колядник с блюдом для приношений и другие плохо сохранившиеся фигуры.

Фреска "Ипподром", несмотря на измельченность изображенных на ней персонажей, сохранилась гораздо лучше, чем композиция в северо-западной башне, поэтому можно вполне определенно говорить о портретном сходстве Константина VII и княгини Ольги (фото 1). Лицо императора восточного типа, довольно худощаво, отличается необычайной живостью. Большие выразительные глаза устремлены куда-то вдаль. Брови дугообразные, мясистый "орлиный" нос с горбинкой, небольшие усики, ухоженная борода. Из-под стеммы выбиваются каштановые, явно вьющиеся волосы. Эти портретные черты императора весьма близки к изображениям на его монете-солиде 945 г., хранящейся в Британском музее в Лондоне и на резьбе по слоновой кости, изображающей коронацию Константина VII (пластинка находится в музее изобразительных искусств им.Пушкина в Москве)[24].

Что касается Ольги, то на фреске она выглядит довольно миловидной, но властной женщиной, примерно лет 50–60. Привлекают внимание большие глаза, правильный прямой нос и особенно волевой рот с опущенными вниз углами губ. Из-под мафория видны каштановые волосы, причесанные на пробор посередине. Изображение княгини, к сожалению, не с чем сравнить, так как оно уникально.

О музыкальном и хоровом сопровождении во время пира во дворце Константин Багрянородный упоминает весьма лаконично: "Знай, что певчие апостолиты и агиософиты (т.е. из церкви Апостолов и св.Софии. – *С.В.*). присутствовали на этом клитории, распевая василикии. Разыгрывались и всякие театральные игрища"[25]. Более обстоятельно судить о развлечениях константинопольского двора можно по описанию упоминавшегося Кремонского епископа Лиутпранда.

Особенно любопытно его описание акробатического номера, входившего в репертуар развлечений посетителей во время званых императорских пиров: "Вошел один человек, который нес на лбу шест, не поддерживая его руками, в 24 даже более фута... Затем привели двух нагих мальчиков – на них были только набедренные повязки. Они вскарабкались вверх по шесту и выполняли там трюки, потом, повернувшись головой вниз, опускались по нему, а он оставался неподвижным, словно бы врос корнями в землю. Наконец, после того, как один из мальчиков спустился, другой, оставшись один, продолжал выступление..."[26]. Описание Лиутпранда упоминают многие авторы начиная от Н.П.Кондакова и до А.Н.Грабара в связи с тем, что этот акробатический номер весьма близок фреске "Акробаты", расположенной в юго-западной башне Софийского собора в Киеве[27]. В новом контексте этот сюжет приобретает совсем иное звучание, поскольку он известен при дворе императора, которого посетила княгиня Ольга. Вряд ли подобная фреска явилась результатом случайной фантазии мастера-фрескиста.

Возникает резонный вопрос: могли ли концепцию прославления киевской княгини Ольги в живописи башен собора придумать сами мастера-фрескисты?

Обратимся теперь к светской живописи в центральном нефе собора.

В 1843 г., во время так называемой солнцевской реставрации живописи собора, на южной стене центрального нефа из-под масляной живописи расчищены четыре фигуры, стоящие по росту и направляющиеся в западную сторону. Судя по акварели Ф.Г.Солнцева, сделанной в это время, на них были богатые одежды, а на головах еще можно было различить остатки княжеских конических шапок. Видевшие эти изображения сходились на том, что это мужские княжеские фигуры. Так, например, считал знаток древнерусских одежд В.А.Прохоров, но И.И.Срезневский допускал, что вторая фигура слева, – возможно, женская[28].

Вскоре по требованию церковных властей древние фрески были записаны масляной живописью, как считалось, по первоначальным контурам. Но это условие выдерживалось не всегда. На южной стене центрального нефа, на месте древних княжеских фигур, трудами живописцев Пошехонова, Иринарха и Желтоножского были написаны четыре великомученицы: Вера, Надежда, Любовь и их мать Софья. На их головах появились белые платочки, вокруг голов – нимбы, а также соответствующие греческие подписи. Вот как писал об этой метаморфозе настоятель Софийского собора, очевидец П.Лебединцев: "При поновлении этих фигур Иринарх покрыл их головы по-русскому обычаю белыми платочками..."[29]. Во время этих работ наиболее основательно прописали масляными красками головы фигур, имевшие, по свидетельству того же очевидца, слабые очертания. Тогда же были сделаны и прочие искажения оригинала.

Под изображениями великомучениц древняя фреска находилась до 1934 г., когда в соборе был организован музей и вновь началась расчистка древних фресок. Когда реставратор П.Юкин открыл интересующую нас фреску, то никто не обратил внимания на то, что она больше походит на великомучениц XIX в., а не на фреску, зафиксированную на акварели Ф.Г.Солнцева. С легкой руки П.Юкина расчищенные фигуры стали называть супругой Ярослава — Ингигерд и тремя ее дочерьми, а позже — просто дочерьми князя. Под этим названием фреска стала фигурировать в многочисленных изданиях по собору, экскурсиях и докладах.

Прежде чем разобраться во всем этом, следует упомянуть об одном важном открытии. В 1904 г. Я.И.Смирнов обнаружил среди бумаг польского короля Станислава Августа рисунки Киева, выполненные в 1651 г. голландским художником Абрагамом ван Вестерфельдом[3]. Рисунки дошли в копиях XVIII в. Среди них развалины древних храмов города, сделанные художником с натуры. Но наибольший интерес для нас представляет зарисовка ктиторской фрески Софийского собора. Художник имел не очень большой по размеру лист бумаги и поэтому вынужден был фигуры фрески расположить в два ряда. В верхнем ряду, справа налево, изображен старый князь в царской шубе, с короной и нимбом на голове. В правой руке — четырехконечный крест и скипетр, а в левой — большой меч в ножнах. Далее — князь-ктитор с моделью собора в руках, несомненно, Ярослав Мудрый, а вслед за ним, по росту, четыре его сына-наследника. Князь — в богатом плаще, украшенном медальонами с орлами внутри. Подобная византийская ткань хорошо известна под названием "орлы". На голове князя корона. Княжичи также в богатых одеждах и конических, отороченных меховой опушкой шапках — хорошо известной регалией древнерусских князей. Первые два княжича справа держат в руках по большой свече. В нижнем ряду, слева направо, изображена супруга князя Ирина с короной на голове и в одежде в виде плаща, одна пола которого переброшена через руку. Вслед за ней, по росту, изображены дочери в богато орнаментированных платьях и плоских, отороченных мехом шапочках. Первооткрыватель рисунка Я.И.Смирнов сразу же правильно связал его с фреской в Софийском соборе.

Действительно, достаточно сравнить одежды княжичей на рисунке А.ван Вестерфельда с одеждами так называемых дочерей Ярослава Мудрого на фреске южной стены центрального нефа, чтобы убедиться в их полном сходстве. Если же дополнить это сходство еще и такими деталями, как остатки княжеских шапок, зафиксированных на акварели Ф.Г.Солнцева, то станет вполне очевидным, что это мужские княжеские фигуры, и что свою зарисовку А. ван Вестерфельд сделал с натуры, т.е. с ктиторской фрески в Софийском соборе. Вот почему рисунок 1651 г. является важнейшим источником изучения рассматриваемой композиции.

О рисунке А. ван Вестерфельда еще в дореволюционное время развернулись споры главным образом относительно фигуры старого князя в царской шубе-орнате. Н.П.Кондаков допускал, что это изображение византийского императора, но считал более уместным в этом месте изображение Христа, которому Ярослав и должен был бы преподносить модель храма. Я.И.Смирнов полагал, что старый князь это — Владимир Святославич, появившийся на фреске якобы под кистью мастеров киевского митрополита Петра Могилы на месте первоначального изображения Христа[31].

На рисунке 1651 г. изображение старого князя весьма похоже на Владимира Святославича с его атрибутами: крестом, мечом или скипетром, но утверждение, что оно было написано в XVII в. на месте первоначальной фигуры Христа — неверно, поскольку, как мы увидим далее, эта фигура (старого князя Владимира) не была центральной в композиции. Ошибочное мнение возникло из-за того, что в то время не была известна внутренняя архитектура собора, а именно: существование западной стены, пересекавшей центральный неф и разобранной в конце XVII в. На этой стене находилась средняя часть ктиторской фрески. Западная стена имела протяженность 7,7 м и это свидетельствует, что на ней, помимо изображений Ярослава, его супруги Ирины и старого князя, зарисованных А. ван Вестерфельдом, находились еще какие-то персонажи фрески, утраченные из-за обвала древней штукатурки в 1651 г.

Главным противоречием между рисунками А. ван Вестерфельда и Ф.Г.Солнцева и современным видом фрески на южной стене является наличие на головах фигур подобия белых повязок, а не княжеских шапок с меховой опушкой[32]. Если предположить, что А. ван Вестерфельд совершил ошибку, зарисовав фигуры южной стены в княжеских шапках, то почему ту же самую ошибку повторил Ф.Г.Солнцев через 200 лет? Ведь в 1843 г. он не мог знать рисунков А. ван Вестерфельда, открытых в 1904 г.

В настоящее время упомянутые противоречия, которые ранее были предметом споров, убедительно разрешены благодаря применению методов естественных наук при исследовании фрески в натуре. Так, специальное изучение фрески (голов фигур с платочками) с помощью рентгеноэмиссиографии показало наличие на головах фигур остатков шапок с высокой тульей, близких к зарисовкам А. ван Вестерфельда и Ф.Г.Солнцева[33].

В 50-х годах М.К.Каргером о портретах семьи Ярослава Мудрого была написана статья, в которой он безуспешно пытался установить причины расхождений между рисунком 1651 г. и открытой фреской[34]. Относительно изображения старого князя на рисунке А. ван Вестерфельда автор повторил версию Я.И.Смирнова, что это изображение Владимира, якобы появившееся в XVII в. на месте древней фигуры Христа. Позже появились реконструкции фрески В.Н.Лазарева, С.А.Высоцкого, А.В.Поппэ. В.Н.Лазарев в своей реконструкции фрески, вслед за

Я.И.Смирновым, исходил из того, что в центре композиции находилось изображение Христа, сидящего на троне[35].

Далее, по правую руку от Христа он помещал супругу Ярослава Ингигерду-Ирину и пять дочерей, а по левую — Ярослава Мудрого и пять его сыновей. При этом автор вводил в композицию старшего сына и старшую дочь князя, не зафиксированных на рисунке 1651 г. Если наличие старшего сына еще можно объяснить, поскольку в источниках упоминается шесть сыновей князя, то появление пяти дочерей совершенно противоречит сообщениям, где речь идет о трех дочерях. Еще одну дочь упоминает В.Н.Татищев без ссылки на источник[36]. В.Н.Лазарев считал изображения на южной стене центрального нефа, открытые и атрибутированные П.Юкиным, дочерьми Ярослава Мудрого. Поэтому рисунок А. ван Вестерфельда он называл "весьма неточным", а акварель Ф.Г.Солнцева игнорировал вообще. Предложенная им реконструкция противоречила и иконографическим принципам византийского искусства X–XI вв., согласно которым в предстоянии перед Христом место по его правую руку считалось более почетным.

Известны многочисленные примеры в монументальных росписях, миниатюрах, произведениях мелкой пластики подтверждающих сказанное. Об этом можно судить на примере "Панно Зои" и "Панно Иоанна и Ирины" из Константинопольской Софии. Тот же принцип расположения фигур видим в резьбе по слоновой кости, изображающей венчание Романа II с Евдокией или венчание на великое княжение Христом Ярополка Изяславича и его супруги Ирины на миниатюре Трирской псалтыри[37]. Не соответствует рассматриваемая реконструкция и тому, как в древности размещалась княжеская семья во время церемоний в соборе, на хорах. В византийских церквях для женщин отводилась северная половина храма, а для мужчин — южная[38]. Известно, что князь с приближенными во время служб и других церемоний в соборе находился на хорах, а народ — внизу в кафоликоне. К счастью, благодаря изучению древнерусских граффити этот вопрос удалось выяснить для Софийского собора в Киеве. На северной половине хор собора обнаружены граффити, написанные знатными женщинами или, возможно, по их поручению. Это — запись XI в. Олисавы — супруги великого киевского князя Изяслава Ярославича; надпись XII в. о супруге дорогобужского князя Владимира Андреевича — сестре героев "Слова о полку Игореве" Игоря и Всеволода; некой Агафии, оставившей свой автограф, и др.[39] Подобные надписи с именами женщин отсутствуют на южной половине хор. Это доказывает, что на южных хорах располагались мужчины из числа родственников и приближенных к князю знатных особ, а на северных — женщины. Место князя находилось с западной стороны хоров, напротив главного алтаря. Могли ли женские фигуры-фрески быть написаны на стене под хорами для мужчин, а мужские под хорами для женщин?

В наше время такое отступление от принятых правил и традиций может показаться несущественным, но в средневековье, когда все было подчинено строгим правилам, такая вольность представляется совершенно невероятной. Вот почему трудно согласиться с реконструкцией первоначального вида софийской фрески, предложенного в свое время В.Н.Лазаревым.

Тщательное многолетнее изучение ктиторской фрески Софийского собора в натуре, привлечение всей совокупности относящихся к ней материалов позволили нам усомниться в правильности атрибуции фигур южной стены центрального нефа собора как женских (дочерей Ярослава Мудрого) и попытаться выяснить причины возникших противоречий. Результатом работы явилась реконструкция первоначального вида фрески, которая неоднократно дорабатывалась и уточнялась[40].

В центре фрески на западной стене, несомненно, был изображен Христос, сидящий на троне. По правую руку от него, ближе к южной стене, находилось изображение Ярослава Мудрого с моделью собора в руках; за ним, на южной стене, четыре его сына-наследника. По левую руку от Христа изображена супруга князя — Ирина и дочери. Однако между фигурами Ярослава, Ирины и Христа оставалось еще много места на западной стене. Вот тут-то вспоминается фигура старого князя на рисунке А. ван Вестерфельда, называвшаяся предыдущими авторами Владимиром Святославичем. С этим можно согласиться, если считать, что это изображение было первоначальным, а не написанным реставраторами П.Могилы в XVII в.

На рисунке 1651 г. заметны следы подновления фрески и не только этой, а и прочих фигур. В результате появились царская шуба-оплат, корона поздней формы, нимб вокруг головы и скипетр в правой руке наряду с первоначальным четырехконечным (не шестиконечным, как в XVII в.!) крестом. Но самым важным аргументом в пользу первоначального изображения на фреске является иконография его лика, видная на рисунке 1651 г. Лик князя суховат, с большой бородой клином, раздвоенной на самом конце. Это иконографический тип, близкий Владимиру на новгородской иконе с Борисом и Глебом[41]. Если бы Владимир был написан на фреске не в древности, а в XVII в., то следовало бы ожидать южнорусскую, украинскую трактовку его лика. Примером подобного изображения Владимира может служить ктиторская фреска П.Могилы в церкви Спаса на Берестове в Киеве, написанной в 1644 г. Лик Владимира на ней совершенно иной и отличается от зарисованного А. ван Вестерфельдом. Лицо князя с мягкими чертами, с большой округлой бородой, на голове митра, руки свободны и направлены в сторону Христа. Изображение близко также киевскому Синопсису 1680 г. А. ван Вестерфельд, таким образом, зафиксировал на своем рисунке рядом с Ярославом подновленное в XVII в. первоначальное изображение Владимира Святославича. Поскольку во время подновления фрески он уже почитался как святой,

то вполне естественно появление нимба вокруг головы; из стеммы сделали зубчатую корону, а первоначальную одежду превратили в царскую шубу; в правую руку князя с крестом вложили еще и скипетр.

Появление на ктиторской фреске Софийского собора, расположенной на почетном месте, фигуры Владимира представляется нам вполне закономерным. Я.И.Смирнов и его последователи считали, что в XVII в. в Киеве благодаря стараниям П.Могилы распространился культ Владимира. Но есть еще больше оснований говорить о таком культе в период строительства Софийского собора. Достаточно вспомнить "Слово о законе и благодати" Илариона, предельно близкое ко времени строительства храма. В нем прославление Владимира достигает своего апогея. Иларион перечисляет его заслуги, главная из которых – введение христианства на Руси. Он называет Владимира "равноапостольным", ратует за почитание и прославление, подготовляя тем самым почву для канонизации князя[42]. О том же идет речь и в "Похвале Владимиру" Иакова Мниха[43]. В "Повести временных лет" Нестор сравнивает Владимира с Константином Великим: "Се есть новый Костянтинъ великого Рима, иже крестивъся сам и люди своя: тако и съ створи подобно ему", – патетически восклицает он[44]. Это ли не следы явного культа Владимира в Киеве во время строительства Софийского собора? Как же в таком случае было не изобразить Владимира на фреске собора, ведь Ярослав, по мнению Илариона и других письменных источников, был продолжателем "добрых дел Владимира". Да и где же мог быть изображен в соборе Владимир, как не рядом с Ярославом в торжественном предстоянии перед Христом на ктиторской фреске напротив главного алтаря. Вот почему фигура старого князя – Владимира появилась на рисунке 1651 г.

Вывод об изображении Владимира на фреске позволяет заключить, что симметрично по левую руку от Христа находилась фигура княгини Ольги, имя которой в древнерусских источниках постоянно упоминается рядом с именем Владимира, когда речь заходит о введении христианства на Руси. Такое предположение тем более вероятно, что, как мы видели, прославлению княгини Ольги посвящены росписи в башнях собора. Поэтому, реконструируя ктиторскую фреску, мы помещаем справа от Христа Владимира, а слева Ольгу и далее Ярослава с сыновьями и Ирину с дочерьми, Так нам представлялся первый вариант реконструкции фрески[45]. Но на западной стене возле Христа все еще оставалось место по крайней мере для двух фигур. Кроме того, Владимир и Ольга в период строительства собора и выполнения росписей не были еще канонизированы и поэтому вряд ли могли быть посредниками в акте предстояния перед Христом. Скорее всего в центре фрески мог быть "Деисус", т.е. композиция, состоявшая из Христа, Богоматери и Иоанна Предтечи (рис. 1). Вероятность такого предположения подтверждается тем, что покровительницей Владимира, как, вероятно, и Ярослава, была именно Богоматерь. Подобное по-

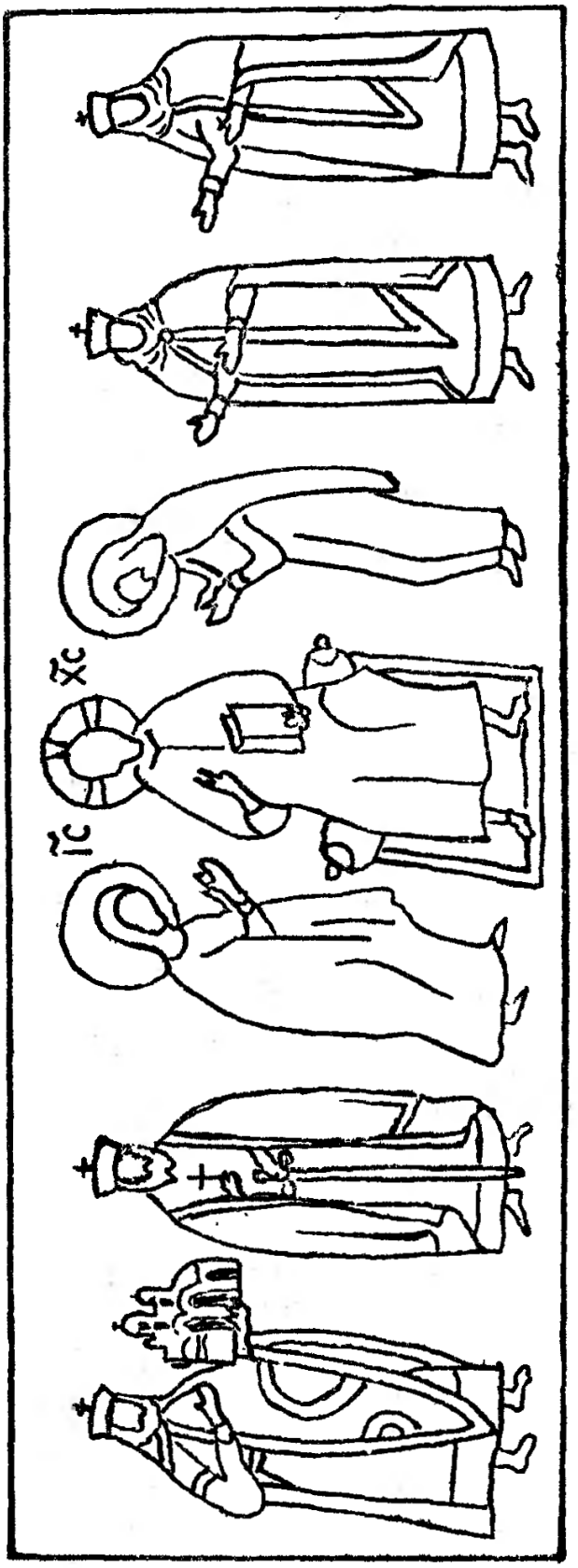


Рис. 1. Киев. Софийский собор. Наиболее вероятная реконструкция несохранившейся средней части ктиторской композиции

строение средней части видим в миниатюре, изображающей донаторов перед "Деисусом" в армянском Евангелии 1272 г.[46]

Именно так можно представить себе первоначальный вид группового портрета Ярослава Мудрого, который не противоречил бы рисунку А. ван Вестерфельда, акварели Ф.Г.Солнцева, вновь обнаруженным фрагментам фрески и другим материалам.

Сохранившиеся на южной стене центрального нефа собора остатки изображений сыновей князя, испорченные во время неумелых реставраций, могут быть атрибутированы более точно. Дело в том, что сохранившиеся фигуры изображены строго по росту. Это хорошо заметно на рисунке 1651 г. и на акварели Ф.Г.Солнцева. И это не прихоть художника-фрескиста. Известно, что очередность замещения киевского стола зависела от возраста наследников и называлась правом старейшенства, или старшинства. На него постоянно ссылались князья в своих спорах за то или иное княжение. Таким образом, поскольку мы располагаем летописными датами рождения сыновей Ярослава Мудрого, можно, ориентируясь на рост княжичей

на фреске, установить их имена. За князем (как на рисунке 1651 г., так и на фреске южной стены) изображены первым Владимир Ярославич (родился около 1020 г.), вторым Изяслав Ярославич (родился около 1024 г.), третьим — Святослав Ярославич (родился около 1027 г.), и четвертым — Всеволод Ярославич (родился около 1030 г.)[47]. Над головами княжичей (подобно выходной миниатюре Изборника 1073 г.) были написаны их имена, на фреске сохранилась лишь глубоко прочерченная линия — графья.

Что же касается дочерей князя, то, к сожалению, дат их рождения нет в летописях и поэтому сказать о них что-то более определенное трудно. Известны имена трех: Елизавета, Анна и Анастасия. Однако судя по рисунку 1651 г. вслед за супругой князя были изображены четыре фигуры. Первоначально мы полагали, что это три дочери князя и, возможно, один из малолетних сыновей, не поместившийся на южной стене, Игорь или Вячеслав. Изучение рисунка 1651 г. дает основание для несколько иного понимания части фрески, располагавшейся на северной стене. На рисунке вслед за княгиней изображена женская фигура, на голове которой одет платок, а поверх него меховая плоская шапочка. Такие платы-повои были на Руси обязательны для замужних женщин. Подобный плат на женских фигурах, зарисованных А. ван Вестерфельдом, видим еще только на голове княгини Ирины. Был он, вероятно, и на голове княгини Ольги, судя по ее изображению в ложе ипподрома на фреске в южной башне собора. С платом на головах изображены и княгини на миниатюре Изборника 1073 г. и Трирской псалтыри.

Учитывая принцип симметрии, которого придерживались художники, писавшие ктиторскую фреску (изображению Владимира соответствовала фигура Ольги, Ярослава — Ирины), можно предположить, что изображению старшего сына Владимира Ярославича соответствовала фигура его супруги, так как замужество дочерей Ярослава относится к 40-м годам XI в. и не согласуется со временем постройки собора и выполнения фрески. Имя супруги Владимира Ярославича не известно, но есть неопровержимые сведения о ее существовании. В 1038 г. у новгородского князя родился сын Ростислав[48]. Он княжил в Тмутаракани и был вероломно отравлен в Херсонесе в 1065 г.[49]. В 1037 г. Владимир Ярославич был женат и, таким образом, его супруга должна была быть изображена на фреске в соборе. Такое понимание этой части фрески указывает, что малолетние сыновья Ярослава Игорь и Вячеслав вряд ли были представлены в композиции.

В последние годы появилась еще одна реконструкция ктиторской фрески Софийского собора в Киеве польского ученого А.В.Поппэ[50] Его реконструкция явилась шагом вперед в той части, которая объясняет расположение фигур относительно Христа — мужчины по правую руку, женщины — по левую. Однако реконструкция противоречит рисунку 1651 г., на котором нет домысленных фигур старшего сына

и старшей дочери, но есть изображение старого князя, игнорируемого автором.

Рассмотрев главные композиции светской живописи Софийского собора в Киеве и уточнив их атрибуцию, можно сделать следующие обобщающие выводы: древнерусская историческая тема занимает в росписях собора значительное место. Ею украшены два больших помещения в башнях и почетное место в центральном нефе напротив главного алтаря. Фрески в башнях плохой сохранности, многие из них утрачены. Все же удалось установить, что цикл живописи посвящен прославлению киевской княгини Ольги во время ее триумфальной поездки в Константинополь 956–957 гг. В северо-западной башне изображен прием Ольги Константином Багрянородным в Магнаврском тронном зале – сюжет, получивший отражение в византийских, западноевропейских и древнерусских письменных источниках.

Светская живопись в центральном нефе собора – ктиторская композиция Ярослава Мудрого отличается многофигурностью от обычных подобных изображений. В нее входило 13 фигур, не считая двух, которые могли быть по обе стороны от Христа. Скорее всего это был "Деисус". Ктиторские композиции с большим числом персонажей известны среди мозаик VI в. в Равенне. В них многофигурность достигалась за счет изображения лиц из окружения Христа: апостолов, архангелов и т.д. В нашем случае большое число фигур получилось из-за изображения на фреске не только самого ктитора, но и всей семьи. По мнению исследователей, подобные семейные изображения ктиторов появились не ранее XIII в. в византийском искусстве и поэтому сюжет софийской фрески мог быть подсказан мастерам киевским князем[51]. Оригинальность софийской фрески не только в ее многофигурности. Совершенно необычно изображение на ней, помимо ктитора с семьей, местных государственных деятелей, Владимира и Ольги, связанных с введением христианства на Руси.

По мысли киевских идеологов, изображенный далее на фреске Ярослав Мудрый со своими сыновьями-наследниками, естественно, выступал в роли продолжателя дел Владимира и Ольги. Подобная трактовка существенно отличает фреску от обычных ктиторских композиций, цель которых – прославить строителя. Здесь же видим стремление прославить не столько князя-строителя, сколько лиц, связанных с введением христианства: от Ольги и Владимира до Ярослава Мудрого и его сыновей. На фреске в символической форме представлен апофеоз утверждения христианства на Руси, принятого непосредственно от бога трудами местных деятелей. Таково идейное содержание не только ктиторской фрески, но и вообще светской живописи собора. В этом причина изображения на фресках Владимира и Ольги, поездки Ольги в Константинополь, ее приемы там, увеселения и, конечно же, крещение. Эта довольно сложная концепция не могла быть придумана самими мастерами росписей, она была оговорена условиями заказа. Вопло-

щение ее в жизнь вряд ли могло быть осуществлено трудами самих мастеров-фрескистов.

Необходимы были не только соответствующие импульсы со стороны заказчика, но и изобразительные, вспомогательные материалы для раскрытия темы. Для фресок в башнях это могли быть миниатюры, как, например, в хронике Иоанна Скилицы. Но даже располагая подобными миниатюрами, мастера должны были иметь еще и портретные изображения Ольги и Владимира, поскольку их фигуры на фресках были достаточно больших размеров. В то время еще жили люди, помнившие Владимира. Изображение Константина Багрянородного не представляло трудностей: он достаточно часто изображался в храмовых росписях. Портреты Ольги и Владимира мастера могли получить только из рук лиц, близких к княжеской династии. Выполнение портретов остальных персонажей, учитывая высокую квалификацию живописцев, не представляло трудностей: их писали с натуры.

Возвращаясь к мысли Н.П.Кондакова, что фрески башен собора якобы изображают византийского императора и императрицу, наблюдающих цирковые представления, следует особо подчеркнуть отсутствие в ней не только какой-либо связи с Русью, не говоря уже об упоминавшихся выше противоречиях (отсутствие нимба вокруг головы мнимой императрицы, император сидит, а императрица стоит и др.), но и анализа внешнеполитической обстановки во время строительства и росписей Софийского собора. Как известно, после смерти Владимира Святославича постепенно назревал конфликт в области церковной политики между Византией и Русью, который в конечном итоге вылился в поход Руси на Константинополь в 1043 г., отъезд митрополита-грека и поставление в киевские митрополиты "русина" Илариона и пр. Возникает вопрос: могли ли мастера-греки в подобной ситуации изобразить на стенах лестниц собора, по которым поднимался князь-заказчик живописи, сцены, не отвечавшие его взглядам и напоминавшие ему о разногласиях и распрях?

Содержание светской живописи собора поразительно напоминает идеи, читающиеся в памятниках древнерусской литературы старшей поры: "Слове" Илариона, "Памяти и похвале Владимиру" Иакова Мниха, "Повести временных лет". Это – прославление Владимира, Ольги и Ярослава – лиц связанных с введением и распространением на Руси христианства. Цикл фресок в башнях – как-бы историческое предисловие к светской росписи центрального нефа, где в живописной форме представлена вся концепция принятия христианства и ее главные действующие лица.

Понимание важности содержания фрески и определило ее место напротив главного алтаря, в котором сохранилась похожая по композиции мозаичная "Евхаристия". Здесь фреска была доступна для обозрения широкими народными массами. Это новшество само по себе представляется совершенно необычным для византийского искусства.

Ведь ктиторские композиции с изображением Христа и императора обычно размещались на периферии храмов, в притворах, или пределах, а не в центральном нефе. Надо полагать, что и в этом проявилось влияние местных заказчиков, а не исполнителей фрески.

Выявление среди фресок Софийского собора древнерусской исторической темы, прославляющей видных деятелей христианизации Руси, является весьма важным для изучения культурного наследия Киевской Руси, она проливает свет на новые, ранее неизвестные аспекты церковно-политической и художественной жизни древнего Киева. Светская живопись собора имеет далеко не "специально византийский интерес", как считали некоторые прежние исследователи. Изображение на фресках византийских императоров, константинопольского ипподрома и игр на нем, дворцовых построек и прочего – все это всего лишь необходимый антураж, фон, на котором разворачиваются сцены прославления киевской княгини Ольги и ее посольства. Содержание живописи показывает, что местная инициатива была значительно сильнее, чем считалось ранее, и не только при строительстве храма, но и при выполнении внутреннего убранства. Наши предки были не просто заказчиками и пассивными созерцателями, они активно вмешивались и сотрудничали с мастерами, строившими собор, как в вопросах содержания светских фресок, так и воплощения их в жизнь. Благодаря этим усилиям нам и стали известны, несмотря на многие утраты, монументальные светские росписи дворцового характера с уникальным циклом изображений и портретами выдающейся государственной деятельницы Руси княгини Ольги и византийского писателя и историка императора Константина Багрянородного.

[1] *Кондаков Н.П.* О фресках лестниц Киево-Софийского собора // Зап. Рус. археол. об-ва. – Спб., 1888. – Т.3. – С.288, 290.

[2] *Кондаков Н.П.* О фресках лестниц Киево-Софийского собора. – С.296; *Айналов Д.В., Редин Е.К.* Киевский Софийский собор : Исслед. древн. живописи – мозаик и фресок собора // ЗРАО. – Спб., 1890. – Т.4. – С.354, 355.

[3] *Каргер М.К.* Портреты Ярослава Мудрого и его семьи в Киевской Софии // Учен. зап. Ленинградского университета. – 1954. – № 160. – Вып.20. – С.143–180. В этой же работе дана полная литература вопроса.

[4] *Висоцький С.О.* Про портрет родини Ярослава Мудрого у Софійському соборі у Києві // Вісн. Київ. ун-ту. – 1967. – № 8. – С.35–44; *Висоцький С.О.* Реконструкція портретів родини Ярослава Мудрого в Софії Київській // Археологія. – 1975. – № 17. – С.3–14; *Высоцкий С.А.* Живопись башен Софийского собора в Киеве // Новое в археологии Киева. – Киев, 1981. – С.234–264.

[5] *Кондаков Н.П.* О фресках лестниц Киево-Софийского собора. – С.295, 297.

[6] *Айналов Д.В., Редин Е.К.* Киевский Софийский собор. – С.353.

[7] *Thomas Whittmore.* The Mosaics of Hagia Sophia at Istanbul. Third Preliminary Report. The Imperial Portraits of the South Gallery. – Oxford, 1942. – PLIII–IV.

[8] *Кондаков Н.П.* О фресках лестниц Киево-Софийского собора. – С.300.

[9] *Розов Н.П.* Синодальный список сочинений Илариона – русского писателя XI в. // Slavia. – Roc. XXXII(1963). – Šes.2. – S.168.

[10] *ПВЛ.* – М. ; Л., 1950. – Ч.1. – С.49.

[11] *Божков А.* Миниатюри от мадридския ръкопис на Йоан Скилица. – София, 1972. – С.89. – Рис. 48.

[12] *Reginonis* abbatis Prununsis – chronicon cum continuatione Treverensi // Hannover. – 1890. – P.170–171.

[13] *ПВЛ.* – Ч.1. – С.44–46; *Память* и похвала Владимиру Иакова Мниха // *Кузьмин А.Г.* Русские летописи как источник по истории Древней Руси. – Рязань, 1969. – С.225–230; *Радзивилловская* или Кенигсбергская летопись. – Спб., 1902. – Л.33 об.

[14] *Литаврин Г.Г.* Путешествие русской княгини Ольги в Константинополь : Пробл. источников // ВВ. – 1981. – Т.42. – С.44. Перевод текста.

[15] *Там же.* – С.46, 47.

[16] *Там же.* – С.44.

[17] *Айналов Д.В.* История древнерусского искусства. Киев – Херсонес–Царьград // Изв. Таврич. учен. архив. комиссии (год тридцать третий). – Симферополь, 1920. – С.184.

[18] *Божков А.* Миниатюри от Мадридския ръкопис на Йоан Скилица. – С.89. – Рис. 48.

[19] *Айналов Д.В.* История древнерусского искусства. – С.202.

[20] *Кондаков Н.П.* О фресках лестниц Киево-Софийского собора. – С.289.

[21] Перевод Литаврина Г.Г. *Путешествие* русской княгини Ольги в Константинополь. – С.42.

[22] Этот вывод остается в силе, если даже Ольга ездила в Константинополь в 946 г., как считает Г.Г.Литаврин.

[23] *Кондаков Н.П.* О фресках лестниц Киево-Софийского собора. – С.294, 295; *Айналов Д.В., Редин Е.К.* Киевский Софийский собор. – С.342–345; Новогодние празднества в Византии обычно начинались несколько позже и приурочивались к январю, но, вероятно, какие-то поздравления происходили и при наступлении сентябрьского Нового года.

[24] *Мишакова И.А.* Рельеф "Коронование Константина" в ГМИИ и византийская резная кость "Группы императора Романа" // Искусство Западной Европы и Византии. – М., 1978. – С.225; *Weitzmann K.* The Mandylian and Constantine Porphyrogenets. – Studies in Classikal and Byzantine... The Universitu of Chicago-press. – London, 1971. – P.242, 243.

[25] Перевод Литаврина Г.Г. *Путешествие* русской княгини Ольги в Константинополь. – С.44.

[26] *Памятники* средневековой латинской литературы X–XII вв. – М., 1972. – С.65.

[27] *Грабар А.Н.* Светское изобразительное искусство домонгольской Руси и "Слово о полку Игореве" // Тр. отд. древнерус. лит-ры. – Т.XVIII, М. ; Л., 1962. – Т.10. – С.244.

[28] *Срезневский И.* О фресках в Киевском Софийском соборе, изображающих портреты княжеской семьи // Тр. I Археол. съезда в Москве 1869 г. – М., 1871. – Т.1. – С.CVIII–CIX.

[29] *Лебединцев П.* Возобновление Киево-Софийского собора в 1843–1853 гг. – Киев, 1879. – С.29–32.

[30] *Смирнов Я.И.* Рисунки Киева 1651 г. по их копиям XVIII в. // Тр. XIII Археол. съезда в Екатеринославле. – М., 1908. – Т.2. – С.447.

[31] *Смирнов Я.И.* Рисунки Киева 1651 г. по их копиям XVIII в. – С.456–457.

[32] При реставрационном обследовании фрески выяснилось, что "повязки" на головах фигур не имеют красочного слоя, а являются участками светлой штукатурки.

[33] *Гильгендорф И.* Комплексное исследование фрески группового портрета Ярослава Мудрого в Киевской Софии // Искусство. – 1981. – № 10. – С. 67.

[34] *Каргер М.* Портреты Ярослава Мудрого и его семьи в Киевской Софии // Учен. зап. Ленингр. ун-та. – 1954. – № 160. – Вып.20. – С.143.

[35] *Лазарев В.Н.* Групповой портрет семейства Ярослава // ВВ. – 1959. – Т.15. – С.168–169.
[36] *Татищев В.Н.* История Российская. – М. – Л., 1963. – Т.2. – С.77.
[37] *Thomas Whittmore.* Указ. соч. – Табл. III–IV; *Даркевич В.П.* Светское искусство Византии. – М., 1975. – Рис. 370; История культуры Древней Руси. – М. ; Л., 1948. – Т.1. – С.256. – Рис. 165А. В.Н.Лазарев относительно расположения фигур возле Христа полагал, что не обязательно оно применялось таким образом, как описывалось нами выше. Он приводил ряд примеров из южнославянских памятников XIII–XV вв. (Студеница, Сопочаны и др.). См.: Групповой портрет семейства Ярослава в кн.: *Лазарев В.Н.* Русская средневековая живопись. – М., 1970. – С.37. – Прим. 28. Приведенные Лазаревым примеры никак не могут служить параллелью к софийской фреске, написанной в первой половине XI в., а не в XIII–XV вв.
[38] *Беляев Д.Ф.* "Byzantina" : Очерки, материалы и заметки по византийским древностям. – Спб. – 1891. – Т.2. – С.141, 144; Т.3. – С.96, 160.
[39] *Высоцкий С.А.* Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. – Киев, 1966. – С.73, 100; *Высоцкий С.А.* Киевские граффити XI–XVII вв. – Киев, 1985. – С.25.
[40] *Высоцкий С.А.* Ктиторская фреска Ярослава Мудрого в Киевской Софии // Древнерусское искусство. – М., 1988. – С.120–134.
[41] *Антонова В.И.* Древнерусское искусство в собрании Павла Корина. – М., 1966. – С.31–33. – Табл. 17.
[42] *Розов Н.Н.* Синодальный список сочинений Илариона – русского писателя XI в. – С.161, 169.
[43] *Память* и похвала Владимиру Иакова Мниха // *Кузьмин А.Г.* Русские летописи как источник по истории Древней Руси. – Рязань, 1969. – С.226.
[44] *ПВЛ.* – Ч.1. – С.85.
[45] *Висоцький С.О.* Про портрет родини Ярослава Мудрого у Софійському соборі у Києві. – Рис. 5. – Табл. 1.
[46] *Grabar A.* Une pyxide en ivoire a Dumbarton Oaks Quelques notss sur l'art profane les derniers siecles di l'empire byzantin // DOP. – 1960. – T.14, III, 14.
[47] *ПВЛ.* – Ч.1. – С.99–101.
[48] *Татищев В.Н.* История Российская. – Т.2. – С.78.
[49] *ПВЛ.* – Ч.1. – С.113.
[50] *Poppe A.* Kompozycija fundacyjna Sofii Kijowskiej. W poszukiwaniu układu pierwotnego // Biuletyn historii Szuki. – Warszawa, 1968. – N 1.
[51] *Grabar A.* Une pyxide... – P.130.

Я.Е.БОРОВСКИЙ, Е.И.АРХИПОВА

НОВЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ МЕЛКОЙ КАМЕННОЙ ПЛАСТИКИ ИЗ ДРЕВНЕГО КИЕВА
(по материалам раскопок)

Публикуются новые находки из Киева – произведения мелкой каменной пластики (иконки византийского происхождения XII – начала XIII в. с изображениями Христа и Иоанна Предтечи).

Изучение отношений Киевской Руси с Византией в области художественной культуры имеет давнюю традицию в отечественной научной литературе. Благодаря этим исследованиям процесс проникновения

©*Я.Е.Боровский, Е.И.Архипова, 1991*
ISBN 5-12-003266-4. Южная Русь и Византия. К., 1991

и распространения византийского культурного влияния уже не сводится только к прямому импортированию самих памятников искусства и приезду греческих мастеров на территорию Южной Руси, а вырисовывается как процесс активной творческой ассимиляции нового для нее сложного и богатого феномена византийского искусства. Условно его делят на два этапа: X–XI вв. – наиболее значительная волна импорта, а до конца XII в. – освоение местными мастерами профессиональных приемов, иконографии, стиля и этических норм и представлений[1]. Однако влияние художественной культуры Византии, длительное время остававшейся законодательницей эстетических норм, продолжалось и позднее, отражая те изменения, которые происходили в искусстве самой Византии. Понятно, что византийский художественный импорт – тема, к которой исследователи будут обращаться еще не раз, так как от ее разработки во многом зависит уяснение нашего представления о формировании и дальнейшем развитии древнерусского искусства. Археологические раскопки ежегодно приносят новые разнообразные свидетельства, расширяющие наши знания в этой области.

Одной из статей византийского художественного импорта – мелкой каменной пластике – и посвящена наша статья.

Каменные резные иконки не часто встречаются при раскопках древнерусских городов. Уникальность этих произведений художественного творчества делает каждую из них особенно ценной. В результате археологических исследований Старокиевским отрядом Киевской археологической экспедиции территории "города Владимира" (ул.Б.Житомирская, 2) в 1988–1989 гг. коллекция произведений киевской мелкой каменной пластики пополнилась новыми экземплярами[2].

Две каменные иконки обнаружены в юго-восточной части "города Владимира" в погибшем от пожара жилище XIII в.[3] Там же найдена литая медная подвеска в форме фигурки лоратного архангела (скорее всего Михаила, который издревле являлся покровителем города Киева). Фрагмент иконки с частью рельефного нимба обнаружен в производственном помещении XII–XIII вв.

Почти полностью сохранилась иконка из камня светло-серого цвета в изломе и почти черного (с блеском) на поверхности (фото 1). Камень достаточно мягкий. Видимо, это жировик (или стеатит). Икона прямоугольная, односторонняя, размерами 4,5 x 5,9 x 0,9 см. Левый верхний угол утрачен. Оборотная сторона заполирована, но также имеет сколы. Судя по характеру заполнения жилища, иконка побывала в пожаре. Его следы хорошо заметны на оборотной стороне иконки, верхний слой которой пострадал наиболее ощутимо и в некоторых местах крошится. Однако с лицевой стороны видимые следы пожара отсутствуют, поэтому сказать определенно в результате чего – пожара или специального покрытия – камень приобрел такой цвет, трудно. Обращает внимание и старый заполированный скол рамки сверху. Видимо, какое-то время икона носилась уже поврежденной. Следы

выступающей петли или отверстия для подвешивания отсутствуют. Это дает основание полагать, что она имела оклад и носилась на цепи или гайтане. Подобное оформление известно по многим произведениям мелкой каменной пластики.

На лицевой стороне иконы в низком рельефе изображение святого в рост. Его фигура занимает все пространство по вертикали: нимб упирается в верхний край рамки, левая нога значительно выходит за нее. Высота фигуры святого 5,2 см. Нимб имеет диаметр около 1,8 см и украшен орнаментом в виде растительных побегов, переданных волнистой врезной линией с мелкими насечками по внутренней стороне стебля. Узкая (0,25 см) рамка слегка скошена к фону, она орнаментирована крестообразной штриховкой. На одежде святого — гиматии — под левой рукой заметны едва видимые следы позолоты, что дает основание предполагать наличие золочения. По памятникам лучшей сохранности известно, что позолотой обычно подчеркивались линии складок, контур нимба, наводились надписи и т.д.[4] Видимо, именно так была выполнена надпись и на публикуемой иконке. Едва заметные следы ее видны с правой стороны от святого. Скорее всего надпись была сделана в две-три строки. Достаточно четко читается буква "О".

Святой изображен в позе моления. Лик его тщательно проработан, без признаков схематизации. Фигура дана в легком трехчетвертном повороте влево, а ноги в профиль, ступня левой целиком выходит на рамку. Голова слегка склонена влево, правая рука поднята на уровень груди, левая — на уровень лица, ладони раскрыты. Длинные волосы, переданные параллельными врезными линиями, образующими локоны, ложатся на плечи, прическа имеет прямой пробор. Низкий лоб, прямой длинный нос, слегка расширенный книзу, продолговатые глаза с точками зрачков мягко промоделированы. Этой же скульптурной округлостью отличается и передача обнаженных по локоть рук, в то время как ноги выполнены более схематично. Длинный хитон ниспадает параллельными складками, имеющими легкую процарапанную штриховку, а внизу по краю — узкую кайму с едва заметной насечкой. Гиматий с поднятых рук спускается также параллельными прямыми складками, данными в перспективе и обозначенными зигзагом. На груди он ложится крест-накрест и завязан узлом, образуя мелкие прихотливые драпировки. На бедрах хитон стянут узким поясом. В целом, пропорции большеголовой фигуры святого приземистые. Мягкая моделировка головы и рук, выполненных в невысоком скругленном к фону рельефе, сменяется почти плоской трактовкой одежды. Выразительная поза, психологизм тонкого одухотворенного лица делают изображение подчеркнуто интимным и элегатным, что является свидетельством работы хорошего мастера, обладающего художественным вкусом и профессиональными навыками, и дает основание отнести иконку к произведениям византийского круга. Это тот редкий случай, когда и материал (стеатит), и особенности стиля свидетельствуют о византийском происхождении произведения.

Иконографический тип изображенного святого выдержан настолько хорошо, что даже при отсутствии надписи можно уверенно атрибутировать его как Иоанна Предтечу из деисусной канонической композиции. Длинные волосы, опущенные вниз усы, борода, характерная поза моления, обращенность фигуры вправо (в "Деисусе" Иоанн Креститель почти всегда занимает место слева от Христа, а Богоматерь справа), торжественная представительность скорбного образа и без дополнительных атрибутов (меховая накидка – милоть, свиток, крест) рисуют классический тип деисусного Иоанна Предтечи, сложившийся в памятниках изобразительного искусства.

Примеры изображения Иоанна Предтечи в канонической деисусной композиции многочисленны и нет необходимости приводить их здесь. Однако единоличные изображения его подобной иконографической схемы в произведениях мелкой каменной пластики нам не известны. Чаще встречается единоличное изображение подобной схемы второго действующего лица "Деисуса" – Богоматери, например, на стеатитовой иконе XII–XIII вв. из Национального Музея в Белграде, найденной в церкви св.Девы в Куршунлу[5] (фото 2). Богоматерь Агиосоритисса на ней изображена также в рост в позе моления, обращенной вправо. Она молится Христу, символом которого является изображение в маленьком сегменте небес в верхнем правом углу руки в благословляющем жесте. Та же композиция и на гравированном изображении ковчега-мощевика XV в. из Загорского музея[6], на иконе конца XIII в. из Эрмитажа с пророком Самуилом[7] и на многих других. Гораздо реже встречается изображение фигуры облачного Христа, как, например, на камее из яшмы в собрании Абегг в Берне XII в.[8], где его полуфигура дана также в сегменте небес в верхнем правом углу. Изображение благословляющей руки – широко распространенный иконографический прием и служит как объектом моления, так и незримым образом самого Христа, подобно иконе со св.Давидом-Глебом из собрания ГИМ XI в.[9]

Думается, что и на публикуемой иконке в левом сколотом углу могло быть помещено изображение благословляющей десницы. Во всяком случае жест высоко поднятых рук святого предполагает наличие объекта моления, каковым в данном случае может быть именно этот символ. Стеатитовая икона из музея в Белграде является прекрасным примером решения подобной композиции в произведениях мелкой каменной пластики.

Как уже отмечалось, иконок подобной иконографии с единоличным изображением Иоанна Предтечи пока встречено не было и проследить ее черты на примерах камнерезного ремесла не представляется возможным. Известно его погрудное изображение на маленьком византийском стеатитовом медальоне XII в. из музея Бенаки в Афинах, атрибутируемое как деисусное[10]. В сохранившихся многофигурных композициях "Деисуса", имеющих аналогичную иконографию и датируемых XI–XII вв., именно фигура Иоанна Предтечи утрачена (икона,

найденная в Старой Рязани, Рязанский музей[11] и "Деисус" со святыми из Эрмитажа[12]) или же они являются произведениями более позднего времени и имеют черты, присущие искусству другого круга, восходящие к иному решению образа святого[13].

По наблюдениям О.С.Поповой на примере живописных произведений, типология образа Иоанна Крестителя имеет две черты "исторического портрета" Предтечи – деятельная проповедническая и "монашеская" отшельническая, которые проявляются в своеобразной иконографии Крестителя в деисусных композициях. Отсюда его облачение в хитон и плащ – мирские одежды пророка или апостола, и звериные шкуры пустынника[14]. Определяющей интонацией образа на рассматриваемой иконке является молчаливая просьба-молитва, выражающая основную тему "Деисуса". Согласно исследованиям Й.Мысливец о происхождении "Деисуса", жест молитвы, получивший ясное выражение в произведениях искусства только после победы иконопочитания, выражает "жажду средневекового верующего иметь крепких и верных заступников перед престолом Христа"[15]. Ими в первую очередь являются Мария, родившая его, и Иоанн Предтеча, крестивший его – самые близкие ему лица в земной жизни. Явно выраженный жест моления служит усиливающим моментом в выявлении их заступнической миссии. Эта тема сохраняется и в тех случаях, когда происходят замены самих канонических персонажей "Деисуса", и фигура Иоанна Крестителя заменяется изображением другого святого – св. Федором в "Деисусе" из Тасоса, XII в.[16], Иоанном Златоустом на окладе Евангелия боярина Федора Кошки 1392 г.[17] и др.

Именно заступническая миссия является определяющей доминантой рассматриваемого образа. Тема страдания не приобретает здесь трагического смысла, а носит скорее характер скорбного смирения, соответствуя глубокой созерцательности спокойно стоящей фигуры просителя, сострадающего людям[18]. Такое решение деисусного образа больше всего соответствует функциональному назначению иконки – оберега, филактерия, которая могла носиться как нагрудный образок или быть подвешенной к особо почитаемой иконе в храме[19].

Возможно, она входила в композицию "Деисуса", состоящую из трех иконок. Косвенным подтверждением этому служит характерный именно для этого сюжета наклон головы Иоанна (в известных единоличных изображениях Богоматери он, как правило, менее выражен), а также тот факт, что в этой же постройке найдены фрагменты иконки с сидящим на троне Иисусом Христом – центральной фигуры "Деисуса". Следовательно, могла существовать и третья иконка, изображающая Богоматерь. Однако примеры подобных триптихов мелкой каменной пластики нам не известны.

Сложным представляется вопрос о времени изготовления памятника. Из приведенных выше примеров деисусных композиций видно, что каноническая иконография сюжета изменяется медленно: только

к концу XIII–XIV вв. происходят ощутимые изменения, сказавшиеся как на трактовке самого образа святого, так и на стиле изображений (его теперь чаще изображают как отшельника, образ наделяется напряженной драматичностью, доминирует тема страдания). Это находит отражение как в произведениях мелкой каменной пластики, так и в изобразительном искусстве в целом. Обращение к основной теме "Деисуса" и стилистические особенности публикуемой иконки – приземистые пропорции, крупная голова и увеличенные кисти рук, намечающаяся дробность складок и тонкая пластическая передача лица, психологизм и выразительность, спокойная уравновешенность образа – дают основание для предварительной датировки памятника XII в.

В пользу этой даты свидетельствует и наличие такой детали, как орнаментальное украшение нимба святого в виде растительных побегов, являющейся, по мнению Й.Калаврезу-Максейнер, признаком византийских произведений XII в., в равной степени как и декорирование внешней рамки иконок[20]. Аналогично орнаментированы такие хорошо датированные памятники, как иконка из Херсонесского музея с изображением св.Федора, Георгия и Дмитрия, фрагмент иконки с воином-святым из Киевского музея Западного и Восточного искусства, св.Федора из музея в Велико Тырново, Богоматери с младенцем из Музея в Штутгарте и другие, приводимые в каталоге Й.Калаврезу-Максейнер, имеющие растительную орнаментику нимбов. Орнамент в виде загзага по внешней рамке иконы помещен на фрагменте с изображением св.Николая из Кабинета Медалей в Париже: косой насечкой украшена рамка фрагмента иконки из Музея Бенаки и университета в Торонто. Все перечисленные изделия датируются XII в.[21] Подобная орнаментация известна и по произведениям книжной миниатюры XII в., связь с которой также отмечается автором для произведений каменной мелкой пластики[22], а также в орнаментации украшений с чернью[23]. Для Киевской Руси орнаментация нимбов известна, например, на миниатюрах Мстиславова Евангелия, датируемых 1103–1117 гг., выполненных, по мнению В.Н.Лазарева, в мастерской, деятельность которой он связывал с византийско-киевской традицией[24]. В произведениях древнерусской каменной пластики она известна для XII–XIV вв. Однако в таком графическом исполнении, как на публикуемой иконке – изображение вьюна не рельефными, а врезными линиями с большей долей схематизации, отмечаемого Т.В.Николаевой как характерная особенность киевской группы памятников, – чаще встречается на предметах византийского происхождения[25].

Подобное сочетание схематизированного орнамента нимба с высоким художественным качеством самого изображения, отмечаемое А.В.Банк для стеатитовой иконы со св.Ферапонтом, найденной в Регенсбурге (начало XII в.), как признак определенного иконографического типа, восходящего к общему центру или школе[26], может стать еще

одним основанием для отнесения рассматриваемой иконы к византийским стеатитам XII в. скорее всего столичного круга мастеров.

Каменные иконки, являясь дорогими произведениями индивидуального заказа, бытовали продолжительное время. К тому же публикуемая иконка, как уже отмечалось, имеет следы использования уже после повреждения. Поэтому обстоятельства находки (жилище XIII в., в заполнении которого обнаружены и материалы X–XII вв.) не могут быть определяющими для ее датировки.

Принимая XII в. как вероятное время изготовления иконки, попытаемся определить ее место в ряду других памятников этого периода, в частности киевской мелкой пластики. Однако следует учитывать, что произведения византийского импорта не всегда оказывали непосредственное влияние на работу местных мастеров. В.Г.Пуцко, анализируя киевскую сюжетную пластику малых форм XI–XIII в., отмечает, "что именно продукция киевских мастеров XII в. труднее поддается классификации, чем произведения, созданные в предшествующем столетии"[27]. И это понятно. В свое время В.Н.Лазарев характеризовал XII в. как время количественного нарастания тех тенденций, которые, четко обозначившись в предшествующем столетии, привели к перелому в искусстве XIII в.[28] Поэтому, отмечая несомненное стилистическое сходство с памятниками, выделяемыми В.Г.Пуцко для пластики малых форм Приднепровья как группа "1200 г.", тяготеющую к произведениям позднекомниновского стиля, таким, как "Иоанн Златоуст" (XII в., собрание Б.И. и В.Н.Ханенко), "Захария (?)" (XII в., собрание В.В.Тарновского) или "Уверение апостола Фомы" (начало XII в., Княжья Гора)[29], необходимо более детально остановиться на своеобразной стилистике памятника, тем более что спокойной уравновешенностью образа и иконографией он восходит к тому стилистическому пласту классического византийского искусства комниновской поры, которое В.Н.Лазарев определил как "торжественный, возвышенный стиль, призванный выразить глубочайшие моменты греческой религиозности"[30], оказывавшим наиболее значительное влияние на развитие искусства последующего времени.

Особенности искусства позднекомниновской поры – нарастание напряженной динамичности позы и жеста, экспрессии образа. Дробность ломающихся складок, удлиненные пропорции, подчеркнутый психологизм чужды художественному строю рассматриваемой иконки. В этом смысле интересно сравнить ее с памятниками зрелого XII в., такими, как икона XII–XIII вв. из Национального музея в Белграде (Богоматерь Агиосоритисса) и особенно полной иконографической параллелью – изображением Иоанна Предтечи на окладе чеканной иконы Спаса из Анчисхати мастера Бешкена Опизари (Тбилиси, Государственный музей ГССР), датируемым 1184–1193 гг.[31] (фото 3). И хотя стилистические особенности нашей иконки далеки от утон-

ченной рафинированности образа мастера Бешкена Опизари и свидетельствуют о совершенно ином художественном центре, обращает на себя внимание общность такой детали, как подпоясанный на бедрах хитон и рисунок, образуемый из мелких складок, безусловно, отражающие реалии определенного времени. Видимо, оба мастера исходили из какого-то общего образца, воплощая его согласно своим эстетическим нормам.

В пластическом решении образа на киевской иконке больше архаической тяжеловесности, что, видимо, следует объяснить влиянием романского искусства. Но в то же время в облике святого еще столько византийского, а влияние живописного оригинала настолько очевидно (сюда можно отнести и такую деталь, как нанесение на одежду мелкой штриховки, напоминающей золотую шрафировку живописных произведений комниновского искусства), что есть все основания рассматривать данный памятник как произведение, возникшее на стыке двух стилей — позднекомниновского и позднероманского. Это слияние характеризует искусство конца (вернее, последних двух десятилетий) XII — начала XIII в. и известно сегодня под названием "стиль около 1200 года"[32]. Наиболее широко он распространился в странах Северной Европы, но не миновал и Византию, где реакцией на позднекомниновский маньеризм стал возврат к успокоенности, уравновешенности, созерцательности раннего комниновского искусства[33]. Это, по нашему мнению, и объясняет стилистическую многослойность публикуемого памятника.

Отмечаемая близость к иконам "Уверение апостола Фомы" и "Захария (?)" (плотность компоновки, укороченность пропорций, большеголовость, реализм) дает основание, несмотря на различие индивидуальных манер, видеть в них произведения одного круга и датировать публикуемую иконку концом XII в.

Вторая иконка из камня светло-коричневого цвета (глинистый сланец ?) фрагментирована (фото 4). Сохранились два фрагмента. Первый обнаружен раскопками 1988 г., второй — в 1989 г. недалеко от места находки первого на территории той же усадьбы. Размеры первого фрагмента 2,4 — 3,8 х 4,7 см, второго — 4,9 х 3,5 см, толщина обоих 0,63 см. На первом сохранилось изображение головы Иисуса Христа строго в фас, в высоком (0,6 см) рельефе с проработкой деталей врезными линиями. Выпуклые глаза с точками зрачков, длинный прямой нос с легкой горбинкой, свисающим кончиком и чувственными крыльями, продолговатый овал лица рисуют ярко выраженный этнический тип. Рот обозначен прямой короткой линией, над ним — свисающие на короткую аккуратную бороду усы. Волосы уложены в прическу с прямым пробором и коротким, зачесанным слева направо, чубчиком. Справа волосы ложатся на плечо короткой косичкой, слева утрачены. Однако по направлению врезных линий можно предположить, что они также лежали на плече. Тонкое аскетическое лицо очень

выразительно, особенно поражает его профиль, отличающийся классическим совершенством формы. Проработка деталей врезными прямыми линиями, обусловленная достаточно высокой твердостью материала в силу своей графичности придает некоторую сухость резьбе.

Лик Христа окружен продолговатым кресчатым нимбом с двойной окантовкой между ветвей расширяющегося на концах креста, обозначенной глубокой врезной линией. Справа от нимба на расстоянии 2,5 мм от рамки сбоку и 10 мм сверху помещена надпись в виде врезной монограммы ІС. На этом же расстоянии от рамки на уровне утраченной груди сохранились две пересекающиеся под прямым углом рельефные линии с шариком диаметром 3,5 мм с внешней стороны, образованного ими угла.

Второй фрагмент (нижнее основание иконки) почти не сохранил резьбы – рельеф на значительной его части сколот. Лишь в нижнем левом углу на высоту 1,5 см сохранилась часть прямой вертикальной линии, проходящей параллельно рамке на расстоянии 0,4 см от нее. С правой стороны такая же линия сохранилась всего на 0,2 см и на такое же расстояние от рамки. В левом углу образуемого этими линиями прямоугольника в рельефе на высоту рамки сохранилось изображение, видимо, стопы левой ноги, направленной носком влево в угол. Более низким рельефом выполнена овальная (четверть круга), обрамляющая ногу складка, образованная, видимо, краем одежды. Она подчеркнута врезной линией. Видеть здесь изображение подушки нельзя, так как с правой стороны эта деталь отсутствует. Вот и все, что сохранилось от резьбы на втором фрагменте. На обоих фрагментах изображение обрамлено узкой рамкой, скошенной к фону, с легкой косой штриховкой с лицевой стороны и редкой неравномерной – с боковой, нанесенной слегка процарапанными линиями. Видеть в ней орнаментацию, видимо, нельзя. Икона скорее всего имела оклад. С оборотной стороны она заполирована.

Наличие с правой стороны первого фрагмента двух пересекающихся под прямым углом линий с шариком на конце и вертикальных на втором фрагменте дает основание интерпретировать их как изображение трона. Иисус Христос, восседающий на троне, – сюжет, широко представленный в христианском искусстве, таким он часто изображается и в деисусных композициях. В данном иконографическом типе он, как правило, сидит с Евангелием в левой руке и согнутой перед грудью благословляющей правой. Аналогично изображен Христос на двухсторонней бронзовой иконе XI в. из ГТГ (киевская находка)[34]; апсидной мозаике диаконика собора в Торчелло, первая половина XII в.[35]; стеатитовой иконе с поясным изображением из Музея Сакро в Ватикане, XIII в.[36]; поясном "Деисусе" из лапидария Юрьева-Польского Георгиевского собора, первая половина XIII в.[37]; и др.

По краю скола между головой и горизонтальной линией кресла сохранилась врезная линия, отмечающая рельеф (судя по всему, достаточно плоский) покатого плеча. Сохранившиеся в треугольнике меж-

ду прядью волос и контуром бороды две врезные линии намечают овальную складку, подчеркнутую двойной линией, образованную наброшенным на правое плечо гиматием. Именно так передан плащ на киевской бронзовой иконке, мозаике из Торчелло, поясном изображении Пантократора из Ватикана и многих других, являясь характерной деталью данного иконографического типа, что может служить косвенным свидетельством каноничности изображения Иисуса Христа и на публикуемой иконе, т.е. сидящим на троне с благословляющей правой рукой и держащей Евангелие левой (рис. 4, *1*). Традиционность подобного иконографического типа не вызывает сомнения в верности названной композиции, но, к сожалению, ничего не дает для датировки произведения, так как подобный тип изображения Иисуса Христа бытует очень широко. Археологические материалы и условия находки (жилище XIII в.) датируют находку XIII в. Эпиграфические особенности надписи уточняют время ее появления — вторая половина XII — первая треть XIII в.

Рассмотрим стилистические особенности художественного образа на фрагменте. Судя по сохранившейся линии оката правого плеча, фигура Христа непропорциональна голове, т.е. можно говорить о диспропорции в изображении. К тому же, как отмечалось, голова Христа выделена высоким рельефом, постепенно понижающимся и, судя по высоте рельефа сохранившегося фрагмента ноги, не выходит за уровень рамки. Видимо, он был незначителен и в резьбе фигуры. Тщательная моделировка объемов, хорошо выдержанный этнический тип, строгий и возвышенный строй образа Христа дают основание видеть в данной иконе работу профессионального мастера и считать ее произведением византийского мастера. В отмеченных же стилистических особенностях можно видеть проявление черт, характерных для искусства конца XII — начала XIII в., хотя фрагментарность и не позволяет проследить их во всей полноте.

В древнерусской каменной пластике малых форм несомненно близки данным фрагментам произведения южнорусской группы. Это двухсторонняя иконка с Шумского городища (первая треть XIII в.), икона с Симеоном Столпником и Ставрокием (первая треть XIII в.) из раскопок на Торговой стороне Новгорода[38], аналогичный фрагмент с изображением Христа Эммануила (вторая половина XII в. из древнего Новгорода)[39], выполненный также в высоком рельефе; среди византийских — произведения XII–XIII вв., например, поясное изображение Христа на троне на стеатитовой иконе из музея Сакро в Ватикане XIII в. или сидящего Христа на иконке из моржовой кости из Музея Метрополитен в Нью-Йорке, около 1200–1220 гг.[40]

Высокий рельеф головы, как бы выдвинутость его на зрителя и более плоскостная трактовка фигуры, некоторое нарушение пропорций и характерная графическая передача рельефа (в частности, волос), строящаяся на ритмическом повторении линий, не имеет прямых ана-

логов среди известных нам произведений византийской мелкой каменной пластики XII в. Однако нельзя не отметить, что все же эти тенденции проявляются в ряде произведений этого времени[41] и усиливаются в пластике XIII–XIV вв. Они отражают те общие тенденции в искусстве конца XII – начала XIII в., когда выделению индивидуального, духовного начала в образе подчиняются все средства художественной выразительности. Так, в живописи, это сказалось в пластической передаче только ликов святых при плоскостной трактовке самих фигур, например, на фреске из скита св.Неофита на Кипре, около 1200 г. (фото 6) или в иконных образах этого времени[42].

В большей степени, чем в образе Иоанна Крестителя, в лике Христа заметен интерес к индивидуальности, к передаче высокого душевного настроя, хотя выбор традиционного иконографического типа и определил созерцательный характер образа, имеющий устойчивую иконописную традицию в комниновском искусстве. Сравнение его с приведенными выше произведениями, а также место находки данного фрагмента в заполнении жилища XIII в. может быть определяющим в отнесении иконки к памятникам южнорусской группы первой четверти XIII в., имеющим византинизирующие черты.

Еще один фрагмент иконки с рельефным нимбом, обнаруженный в производственном помещении XII–XIII вв. (заполнение горна), выполнен из камня светло-серого цвета. Камень пережжен и определению не поддается. Фрагмент представляет собой угол рамки иконки с рельефным нимбом (фото 5). Его размеры по рамке 1,6 х 2,6, толщина 0,6 см. Рамка скошена к фону, оборотная сторона хорошо заполирована. Судя по тому, что нимб одной стороной вплотную примыкает к рамке (следовательно, это верх иконки), а с другой остается небольшое (0,7 см) свободное поле, икона имела единоличное изображение. Нимб украшен растительным рельефным орнаментом в виде вьюна со спиралевидными завитками и косой штриховкой, встречаемого в произведениях мелкой каменной пластики с XII в. По деталям рисунка он также восходит к традициям южнорусской группы (Дмитрий Солунский – конец XII – начало XIII в., случайная находка в Новгороде; Борис и Глеб – первая треть XIII в., Рязанский музей)[43]. Из-за небольших размеров фрагмента определяющими в датировании памятника являются условия находки, поэтому наиболее вероятным временем создания иконки будет XII–XIII вв.

Таким образом, изучение новых находок показало, что они созданы в пределах конца XII – начала XIII в., т.е. времени распространения в византийском искусстве наиболее передового течения, отразившего общий процесс развития европейского искусства, сыгравшего большую роль в формировании местных художественных школ.

В киевской мелкой пластике этот круг явлений пока можно проиллюстрировать небольшой группой памятников с наиболее яркими византинизирующими чертами, попытка выделения которых предпринята В.Г.Пушко[44]. И хотя они занимают довольно обособленное место

среди предметов византийского и древнерусского происхождения (это и качество исполнения, и близкое соответствие живописному прототипу, и физиогномические особенности), тем не менее эти находки отчетливо отражают общее стилистическое направление, прослеживаемое для киевской сюжетной пластики малых форм конца XII – начала XIII в. и должны быть учтены при дальнейшей систематизации византийского и древнерусского материала.

[1] Древнерусское искусство : Зарубежные связи. – М., 1975. – С.5–6.
[2] *Боровский Я.Е., Калюк А.П., Сыромятников А.К., Архипова Е.И.* Археологические исследования в "Верхнем Киеве" в 1988 г. // НА ИА АН УССР. – Ф.е. 1988/17.
[3] Сейчас иконки хранятся в Музее истории города Киева (инв. № 9232/11, 9232/10).
[4] *Kalavrezou-Maxeiner J.* Byzantine Icons in Steatite. Byzantina Vindobonensia, XV/1–2. – Wien, 1985. – P.56.
[5] *Kalavrezou-Maxeiner J.* Op. cit. – P.170–171. – N 82.
[6] *Николаева Т.В.* Прикладное искусство Московской Руси. – М., 1976. – С.199. – Рис. 71.
[7] *Банк А.В.* Византийское искусство в собраниях Советского Союза. – Л. ; М., 1966. – С.321–322. – № 249.
[8] *Банк А.В.* Прикладное искусство Византии XI–XII вв. – М., 1978. – Рис. 113.
[9] *Николаева Т.В.* Древнерусская мелкая пластика из камня XI–XV вв. // САИ. – Вып.EI–60. – М., 1983. – № 1. – Табл. 1.
[10] *Kalavrezou-Maxeiner J.* Op. cit. – N 86. – Pl.46. – P.172.
[11] *Николаева Т.В.* Древнерусская мелкая пластика... – № 311. – Табл. 55, 2.
[12] *Kalavrezou-Maxeiner J.* Op. cit. – N 4. – Pl.5.
[13] *Николаева Т.В.* Древнерусская мелкая пластика... – № 109, 110, 113, 117, 171, 198, 200, 220, 223, 262, 281.
[14] *Попова О.С.* Икона "Иоанн Предтеча" середины XIV в. из Эрмитажа // Искусство Западной Европы и Византии. – М., 1978. – С.245–261.
[15] *Мысливец Й.* Происхождение "Деисуса" // Византия : Южные славяне и древняя Русь. Западная Европа. – М., 1973. – С.62.
[16] *Kalavrezou-Maxeiner J.* Op. cit. – P.140–141. – N 48, Pl.29.
[17] *Николаева Т.В.* Прикладное искусство... – С.164. – Рис. 55.
[18] Известно также, что Иоанн Предтеча являлся покровителем дома византийских императоров (*Щепкина М.В.* Изображение русских исторических лиц в шитье XV в. – М., 1954. – С.8–12).
[19] *Порфиридов Н.Г.* Древнерусская мелкая каменная пластика и ее сюжеты // СА. – № 3. – 1972. – С.207.
[20] *Kalavrezou-Maxeiner J.* Op. cit. – P.57–58; Появление орнаментированных нимбов на византийских стеатитах начиная с XII в. отмечала также А.В.Банк. *Банк А.В.* Прикладное искусство Византии. – С.97.
[21] *Kalavrezou-Maxeiner J.* Op. cit. – № 21, 25, 24a, 31, 96, 64, 65.
[22] *Kalavrezou-Maxeiner J.* Op. cit. – P.57.
[23] *Макарова Т.И.* Черневое дело древней Руси. – М., 1986. – Рис.5. – № 53.
[24] *Лазарев В.Н.* О росписи Софии Новгородской // Византийское и древнерусское искусство. – М., 1978. – С.169–173. – Рис. на с.168–169.
[25] *Николаева Т.В.* Древнерусская мелкая пластика... – № 1, 2, табл. 9; № 2, табл.8, а для древнерусских – № 66, 103, 118, 120, 124, 169, 172, 233, 234. – С.19.
[26] *Банк А.В.* Прикладное искусство Византии. – С.97. – Рис. 88.
[27] *Пуцко В.* Киевская сюжетная пластика малых форм (XI–XIII вв.) // Зборник посветена Бошко Бабик. – Институт за истражуванье на старословенската култура. – Прилеп, 1986. – Кн.III. – С.172.

[28] *Лазарев В.Н.* Приемы линейной стилизации в византийской живописи X–XII веков и их истоки // Византийская живопись. – М., 1971. – С.157.
[29] В.Г.Пуцко считает, что икону следует датировать концом XII – началом XIII в. в соответствии с датировкой сопроводительной славянской надписи, которая не могла появиться намного позднее выполнения самого рельефа. *Пуцко В.* Киевская сюжетная пластика малых форм. – С.174–175; Произведения даны по каталогу Т.В.Николаевой (№ 3, табл. 7; № 16, 17, табл. 3).
[30] *Лазарев В.Н.* История византийской живописи. – М., 1947. – Т.1. – С.104–157.
[31] *Амиранашвили Ш.Я.* История грузинского искусства. – М., 1963. – Табл. 137.
[32] *The Year* 1200 : The Exhibition. – New York : The Metropolitan Museum of Art, 1970.
[33] *Радојчић С.* Старо српско сликарство. – Београд, 1966. – С.31–32.
[34] *Пуцко В.* Киевская сюжетная пластика... – Рис. 1.
[35] *Лазарев В.Н.* История византийской живописи. – Т.2. – Табл. 238.
[36] *Kalavrezou-Maxeiner J.* Op. cit. – N 106.
[37] *Вагнер Г.К.* Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. г.Юрьев-Польской. – М., 1964. – Табл. IV, *б*.
[38] *Николаева Т.В.* Древнерусская мелкая пластика... – № 39, табл. 6; № 32, табл. 5.
[39] *Седова М.В.* Каменные иконки древнего Новгорода // СА. – 1965. – № 3. – С.264. – Рис. 1, 2.
[40] *The Year* 1200. Op. cit. – Vol.1. – N 68. – P.61–62.
[41] *Kalavrezou-Maxeiner J.* Op. cit. – N 74, 75, 87, 96.
[42] *Яковлева А.И.* Икона "Спас Златые власы" из Успенского собора Московского кремля // Древнерусское искусство. – М., 1988. – С.199–210. – Рис. на с.205.
[43] *Николаева Т.В.* Древнерусская мелкая пластика... – № 38, табл. 6; № 30, табл. 5.
[44] *Пуцко В.Г.* Киевская сюжетная пластика... – С.144–175.

Л.В.ПЕКАРСКАЯ, В.Г. ПУЦКО

ВИЗАНТИЙСКАЯ МЕЛКАЯ ПЛАСТИКА ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ НАХОДОК НА УКРАИНЕ

Публикуются новые образцы византийской мелкой пластики из камня, обнаруженные в Киеве и на Княжей горе в Галиче. Прослеживаются особенности этих изделий и обсуждаются вопросы их хронологии. Сделана попытка разграничить работы греческих и древнерусских мастеров.

О находках изделий византийской мелкой пластики на украинских землях, и прежде всего в Поднепровье, известно издавна, особенно с того времени, когда об этом стали поступать сведения в печати. Речь идет о тех образцах пластического искусства, которые в основном вошли в собрание Б.И. и В.Н.Ханенко[1]. К сожалению, часть коллекции осталась неизданной. Доля византийского импорта среди этого материала, как правило, отмечалась старыми исследователями в отдельных случаях, но никогда не служила предметом специального изучения. Сказывалось и отсутствие практического опыта в разграничении работ греческих и древнерусских мастеров. В наше время в Киеве и его окрестностях обнаружены несколько новых образцов византий-

© *Л.В.Пекарская, В.Г.Пуцко, 1991*
ISBN 5-12-003266-4. Южная Русь и Византия, К., 1991

ской каменной резьбы малых форм и три иконки в 1981 г. найдены на Княжей Горе в старом Галиче. Этот материал заслуживает внимания прежде всего как характеризующий византийско-русские культурные связи, до настоящего времени в основном прослеживаемые в архитектуре и живописи.

Прежде чем обсуждать особенности найденных на Украине византийских каменных иконок, необходимо сказать несколько слов о произведениях византийской глиптики из киевского собрания Б.И. и В.Н.Ханенко. Это две камеи из яшмы и круглый образок в сканной золотой оправе. На одной камее выполненное в высоком рельефе поясное изображение Георгия-воина с поднятым острием вверх мечом и маленьким круглым щитом[2]; на второй, двухсторонней камее — поясные изображения святых воинов Феодора Тирона и Феодора Стратилата с копьем наперевес[3]. Место находки обеих камей, по стилистическим признакам выполненных на рубеже XII–XIII вв., не известно. Новые наблюдения дают основания утверждать, что эти произведения не археологического, а коллекционного происхождения. Что касается круглой иконки из черного агата с погрудным изображением Богоматери, то характер скани оправы заставляет видеть здесь произведение византийско-московской торевтики скорее всего из числа кремлевских драгоценностей[4]. Следовательно, перечисленные произведения связаны с Киевом лишь в новейшее время. Кстати, их хорошая сохранность также почти исключает археологическое происхождение: большая часть находок с различными дефектами, появившимися в результате механических повреждений.

К числу старых археологических находок византийских стеатитовых рельефов относятся иконки недавно переданные из киевского музея русского искусства в музей истории Киева. На небольшом фрагменте (размером 2,8 х 2,5 см) сохранилась нижняя часть композиции Распятия, выполненной в невысоком рельефе (инв. № А-4638). По сторонам высокого крестного древа с распятым на нем Христом фигуры предстоящих. Богоматерь в изогнутой позе с выражающей печаль поднесенной к щеке левой рукой; Иоанн Богослов в виде юноши со склоненной, подпертой правой рукой головой. Подобная поза Богоматери прослеживается в византийском искусстве с начала XIII в. под определенным воздействием западной иконографической традиции. Крест утвержден на невысоком холмике, символизирующем Голгофу. Такие детали, как изогнутые в коленях ноги распятого Христа, опирающиеся стопами на подножие, длинная набедренная повязка со свисающим концом, появляются в изображениях распятия не ранее рубежа XII–XIII в.

Распятие изображено на различных византийских рельефах из стеатита[5]. Прослеживая основные закономерности построения композиции, нетрудно прийти к выводу, что на киевском стеатите она имела четко выраженный вертикальный характер. Размеры, тип гладкой рельефной рамки, а также обломов не позволяют усомниться, что

это часть иконы, объединявшей несколько сюжетов (фото 1). Распятие помещалось слева внизу, аналогично стеатитовой пластине из Благовещенского собора Московского Кремля, где эта композиция объединена со Сретением, Входом в Иерусалим и Воскресением. Рассматриваемый фрагмент вполне мог быть частью рельефа примерно такого же размера (7,7 х 6,2 см). Одним словом, ничто не исключает ни византийского происхождения этого сильно потертого рельефа, ни его выполнение в начале XIII в.[6]

Второй фрагмент рельефной иконы в том же музейном собрании из глинистого сланца (инв. № А-4639). Это небольшой (размером 2,4 х 2,5 см) обломок с верхней частью фигуры Георгия-змееборца с копьем в поднятой правой руке и с развевающимся за спиной воинским плащом, одетым поверх пластинчатого доспеха; вокруг головы нимб, обозначенный двойной линией. Вверху над головой и слева сквозные круглые отверстия для продевания шнура. Плоское широкое обрамление одной высоты с рельефом изображения (фото 2). Последнее сильно потерто, и поэтому лишь на основании некоторых деталей обработки фигуры можно говорить о высоком уровне резьбы.

Изображения Георгия в виде всадника в византийской пластике встречается редко, причем преимущественно в эпоху Палеологов[7]. Икона, о фрагменте которой идет речь, скорее всего выполнена на Руси, вероятнее всего, в Поднепровье, о чем свидетельствует ее сходство с композицией терракотовой иконы с Княжьей Горы[8]. Однако мастер явно был византийцем: имеем в виду не столько греческую национальность резчика, сколько характер его искусства, органически связанного с теми основными тенденциями, которые характеризуют пластику Византии XIII в.

Во фрагментированном виде дошла и двухсторонняя икона с архитектурным обрамлением (инв. № А-4637), сохранившаяся почти наполовину (размер 3,9 х 1,8 см). Первоначальная высота образка немного превышала 4 см. Обрамление трактовано в виде арок с мотивом стилизованных листьев аканта, с маленькими капителями на тонких колонках, а в верхних углах — многолепестковые розетки. На лицевой стороне — изображение ангела в монашеских мантии и куколе, с раскрытым свитком в правой руке, в трехчетвертном повороте влево. Крыло, нижний конец которого почти доходит до стоп ног, плотно прилегает к обрамлению. Лицо ангела продолговатое, с большими глазами, крупным носом и неестественно увеличенным подбородком. Это левая часть композиции явления ангела преподобному Пахомию Великому, основателю иноческих общежитий. На оборотной стороне — фронтально стоящая фигура в рост обнаженного пустынника с молитвенно воздетыми руками. Длинная до пояса борода и набедренная повязка из листьев свидетельствуют, что это Онуфрий Великий — египетский пустынник IV в. Слева могла находиться фигура еще одного отшельника, возможно, Макария Египетского, с которым нередко изображали

Онуфрия. Резьба в уплощенном рельефе, фигуры укороченных пропорций, плотно вписываются в обрамления (фото 3). Сопроводительные надписи только намечены, о чем свидетельствуют царапины справа от фигуры Онуфрия.

Стилистические признаки резьбы не оставляют сомнений, что стеатит византийского происхождения, и наиболее вероятное время его выполнения – начало XIII в. Наиболее близкая ему аналогия – двухсторонний образок из зелено-коричневого камня (размером 4,6 х х 4,1 см), хранящийся в музее Сакро в Ватикане, с изображениями на одной стороне святых воинов Димитрия и Феодора, а на другой архангела Михаила и пророка Даниила[9]. Обрамления совершенно идентичны, а манера резьбы делает вероятной принадлежность этих изделий одному художественному кругу, если не одному мастеру. В то же время эти два произведения заметно отличаются от икон в Вене, Ватикане и Софии со сходными по общей схеме обрамлениями[10].

Отсутствие четкого деления произведений византийской и киевской пластики приводит временами к тому, что даже весьма характерные произведения греческих мастеров фигурируют как работы русских резчиков. Такова, в частности, найденная на береговой возвышенности возле Княжьей Горы, на "Великом городище", икона из желтого глинистого сланца с изображением на одной стороне пророка Ильи, а на другой – архидиакона Стефана (размер 5 х 3 см)[11]. Пластические качества рельефа, и особенно структура складок одежд, не позволяют усомниться в принадлежности памятника константинопольскому кругу, к которому, кстати, относится и новая археологическая находка, обнаруженная в 1988 г. на Б.Житомирской[12] в Киеве – рельефная икона Иоанна Предтечи. Оба произведения выдают черты стиля рубежа XII–XIII в. Среди русских памятников они занимают изолированное положение.

Наряду с образцами художественной резьбы по камню, в которых нельзя исключать византийский художественный импорт в Древней Руси, из археологических находок на украинских землях происходит ряд изделий, явно выполненных заезжими греческими мастерами в Киеве и Галиче.

Историкам древнерусской культуры давно известна миниатюрная (3,6 х 2,7 см) стеатитовая икона с изображением уверения апостола Фомы, найденная на Княжьей Горе и ныне хранящаяся в Национальном музее в Варшаве[12] (фото 4). Резьба выполнена в невысоком рельефе. Фигуры немного большеголовые, но в целом переданы с удивительным мастерством. Лица очень выразительны, мягкие складки одеяний свободно облегают тело. Композиция плотно вписывается в обрамление. Слева вверху двухстрочная славянская сопроводительная надпись, начертанная, как выяснилось, тем же мастером, выполнившим надпись на стеатитовой иконе, происходящей с Княжьей Горы и хранящейся в музее истории Киева. Речь идет о рельефе из светло-зеленого стеатита (размером 3,2 х 2,6 см) с изображением Иоанна

Богослова (инв. № А-4636), ранее входившем в собрание Б.И. и В.Н.Харенко[13]. Облик старца изображенного погрудно в трехчетвертном повороте влево, держащего перед собой кодекс, вполне аналогичен изображению Иоанна Богослова на одной из каменных вставок реликвария XIII в. в Мдине на Мальте[14], иконке XIII–XIV вв. собрания Археологического музея в Скопье[15] и иконке XIV в. в парижском Лувре[16]. Голова Иоанна Богослова с окладистой бородой и прядями вьющихся волос, кисти рук, а также плотно облегающие фигуру одежды хорошо проработаны. В моделировке сказывается ощущение объемности, свойственное византийской столичной пластике позднекомниновского времени. Живописный характер рельефа и художественная законченность очень сближают этот рельеф с уже упомянутой композицией уверения апостола Фомы. Просверленное отверстие над головой евангелиста свидетельствует, что икону использовали как нагрудную (фото 5). Очевидно, резцу того же мастера принадлежит еще один стеатитовый образок, найденный на территории древнего Переяслава, почти круглый (высотой 3,5 см), с поясными изображениями с двух сторон святых целителей Космы и Дамиана[17]. Все три названные стеатита составляют группу "1200 г.", выполненную византийским резчиком в Киеве, вероятнее всего вскоре после захвата Константинополя крестоносцами в 1204 г.[18]

Византийский мастер группы "1200 г." явно был не единственным, работавшим в это время в Киеве. Примерно в те же годы здесь трудились в сходной манере резчики, но со своим индивидуальным "почерком". Одним из них была выполнена икона из глинистого сланца (размером 5,2 х 4 см) с поясным изображением св.Георгия-воина, найденная у с.Триполье на Киевщине и теперь хранящаяся в музее истории Киева[19] (фото 6). В иконографии и стиле резьбы прослеживаются определенные романские черты. Однако, как известно, они присущи и таким произведениям византийского столичного искусства, как стеатитовый панагиар из монастыря св.Пантелеймона на Афоне с именем Алексея III Комнина Ангела (1195–1203 гг.)[20], и киевской каменной резьбе, образцом которой является рельеф с изображением Богоматери с младенцем[21]. Поэтому их следует воспринимать в первую очередь как признаки стиля эпохи.

Весьма существенно, что аналогичные находки зафиксированы не только в Киеве и близких к нему землях, но и в Галиче. К числу случайных находок относится округлая (диаметром 5,5 см) икона из стеатита с поясным изображением Феодора Стратилата, вооруженного копьем и крупным щитом (фото 7). Хотя в целом этот фрагментарно сохранившийся образок не имеет ближайших аналогий среди собственно византийских памятников, все его особенности – начиная от манеры передачи доспехов и кончая украшенной орнаментом рельефной рамкой – находят там параллели. Различимые слева резные вглубь буквы свидетельствуют, что сопроводительная надпись славянская. Строго говоря, это ремесленное изделие, в качественном отношении

уступающее рельефам группы "1200 г.", очень близко находкам из Галича (с.Крылос) и Княжьей Горы в 1981 г.

На усадьбе Шевчуков в Галиче выявлено несколько жилищ XII в. с вещевым материалом и так называемую ювелирную мастерскую, где обнаружены две бронзовые и три каменные иконы, а также более 150 тигельков с остатками бронзы, эмали. Одна из икон овальной формы (размером 5,2 х 4,9 см) с изображением Богоматери в иконографическом типе Одигитрии, держащей младенца на левой руке (фото 8). Низкий рельеф довольно потертый, ушко вверху отломано, что свидетельствует о длительном бытовании изделия, выполненного из сланца в довольно примитивной манере. Это особенно заметно в схематически переданных складках одежд и отчасти в начертаниях монограмм. Подобные образки известны среди продукции греческих мастеров, причем они неодинакового качества[22]. На второй, прямоугольной каменной иконе из Галича (размером 6,9 х 5,2 см) изображено распятие с предстоящими Богоматерью и Иоанном Богословом, а также бюстами двух скорбящих ангелов (фото 10). Иконографическая схема широко распространена, но здесь она заметно упрощена: фигуры грузные, большеголовые и неуклюжие, соразмерность нарушена. Вследствие этого фигура Распятого Христа достигает краев каменной пластины, тогда как остальные изображения с трудом вписаны в пространство, оставляемое между очертаниями крестного древа и узким обрамлением. Примитивность передачи изображений, отчасти сближающая эту композицию распятия с иконой из Телиженецкого городища, с фигурами Богоматери и Николы[23], очень затрудняет стилистический анализ указанной галичской находки.

На третьей иконе прямоугольной формы с двухскатным завершением (размером 7,1 х 4,7 см) помещено рельефное изображение воскресения Христа – Сошествие во ад (фото 9). В центре фронтально стоящая фигура воскресшего Христа в рост, правой рукой изводящего из ада Адама, а левой держащего узкий восьмиконечный крест. Фигуры праведников переданы более схематично, чем изображение Христа (тоже большеголовое, но с весьма выразительным лицом и тщательно проработанными резцом прядями волос). Галичские каменные иконы различаются между собой не только по размерам и сюжетам, но и по тем признакам, которые не позволяют определить их в качестве образцов единой индивидуальной манеры резьбы, хотя и слишком заманчиво трактовать эти произведения как продукцию одного мастера.

Не исключено, что мастер, являвшийся владельцем трех каменных икон, был специалистом по художественной обработке металла. Из этой же мастерской происходят парные бронзовые иконы (размером 8 х 6 см) с заключенными в широкие орнаментальные обрамления изображениями тронного Христа и стоящей в рост Богоматерью с младенцем (фото 11; 12), выполненные более профессионально. Судя по массивности бронзовых пластин, можно допустить использование их в качестве матриц или моделей. Они интересны тем, что состав-

ляют известную стилистическую параллель памятникам, обнаруженным на территории фрушкогорского монастыря Раковец в Югославии, датируемым XIII в.[24] Исходя из иконографии и стиля галичских бронзовых икон, а также учитывая результаты сопоставления с раковецкими находками, не приходится сомневаться в причастности к их выполнению византийского мастера, работавшего в начале XIII в. С другой стороны, необходимо отметить отсутствие аналогов среди произведений древнерусской металлопластики. Следовательно, тезис о местном происхождении можно считать правомерным только в том смысле, что иконы могли быть делом рук греческого ремесленника, работавшего в древнем Галиче, хотя невозможно доказать изготовление на месте, а не появление уже в готовом виде.

Не найдены аналоги единственной иконке из слоновой кости, изображающей Христа Эммануила (Чернигов)[25]. По формальным признакам она является византийским произведением последней четверти XII в., но не исключено, разумеется, и выполнение в начале XIII в.

Естественно, мы не привлекали богатые находки из Херсонеса, являющегося византийским центром в Северном Причерноморье.

Сводя воедино количественно не очень многочисленные находки византийских художественных изделий, главным образом каменных икон на Украине, можно представить их состав и прийти к выводу, что они появляются главным образом в раннем XIII в. В отдельных случаях это образцы художественного импорта, но преобладают изделия византийских мастеров, работавших на древнерусских землях. Основные группы находок связаны с Киевом и его окрестностями, а также с Галичем, что вполне соответствует их значению как культурных центров в указанную эпоху. Следует наряду с этим иметь в виду, что часть византийского художественного импорта была еще связана исторически с Новгородом, Северо-Восточной Русью и западными русскими землями (Белоруссия). Не весь его объем нам известен, многое утрачено, перемещено в западные музейные коллекции. При этих условиях новые археологические находки византийских памятников на Украине приобретают особое значение.

1 *Собрание* Б.И. и В.Н.Ханенко : Древности Приднепровья. – Киев, 1902. – Вып.5; Киев, 1907. – Вып.6.

2 *Там же.* Вып.5, № 1301.– С.60. – Табл. XXXVII.

3 *Там же.* Вып. 6, № 1326. – С. 44. – Табл. XXXVIII; *Putzko W.* Die zweiseitige Kamee in der Walters Art Gallery in Baltimore // Beiträge zur Kunst des Mittelalters / Festschrift für Hans Wentzel zum. 60. Geburtstag. – Berlin, 1974. – S.179. – Abb.4*a, b.*

4 *Собрание* Б.И. и В.Н.Ханенко. Древности Приднепровья. – Вып. 5, № 1007 (1304) – С.48, 61. – Табл. XXVII. Ср.: *Постникова-Лосева М.* Русская золотая и серебряная скань. – М., 1981. – С.31–35. – Рис. 10, 11.

5 *Kalavrezou-Mexeiner I.* Byzantine Icons in Steatite. – Wien, 1985 (Byzantina Vindobonensia, Bd. XV/1/2). – N 45, 76–79, 102, 117, 118, A–32.

6 Хранится в собрании музея истории Киева (Инв. № А–4638).

[7] *Kalavrezou-Maxeiner I.* Op. cit. – N 29, 125, A–9, 12, 24.
[8] *Николаева Т.В.* Древнерусская мелкая пластика из камня. XI–XV вв. // САИ. – 1983. – Е1. – 60. – №19.
[9] *Kalavrezou-Maxeiner I.* Op. cit. – N 107.
[10] Ibid. – N 140–142.
[11] *Николаева Т.В.* Указ. соч. – № 17.
[12] *Ratkowska P.* Ikona "Watpienia Tomaszowego" w Muzeum Narodowym w Warszawie // Biuletyn historii sztuki. – 1969. – R.XXXI. – N 2. – S.139–150.
[13] Собрание Б.И. и В.Н.Ханенко. Древности Приднепровья. – Вып. 5. – № 1302. – С. 60. – Табл. XXXVII. Определен как изображение апостола Андрея, относящееся к X в. В.П.Даркевич отнес стеатит к числу произведений византийского художественного импорта, датировав XI–XII вв. *Даркевич В.П.* Светское искусство Византии. Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе X–XIII века. – М., 1975. – С.285. – Рис. 407; Т.В.Николаева датировала XII в. и определила как изображение Иоанна Златоуста. *Николаева Т.В.* Указ. соч., Табл. 7, № 3. Сопроводительная надпись: А/гиос/ ПРОДРОМ/о/С Иван, то есть святой Предтеча Иоанн, однако это не соответствует иконографическому типу изображения.
[14] *Kalavrezou-Maxeiner I.* Op. cit., pl.102a.
[15] *Бабич Б.* Средновековно културно багатство иа СР Македония. // Центар за истражуванье на старославенската култура. Посебни издания. – Прилеп, 1974. – № 1, № 180.
[16] *Kalavrezou-Maxeiner I.* Op. cit. – N 146.
[17] *Сикорский М.И.* Исследования в Переяславле-Хмельницком // Археол. открытия 1979 г. – М., 1980. – С.337–338.
[18] *Пуцко В.* Киевская сюжетная пластика малых форм (XI–XIII вв.) // Зборник посветен на Бошко Бабич. – Прилеп, 1986. – С.174–176.
[19] *Пекарская Л.В.* Каменная иконка из Триполья // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник, 1988. – М., 1989. – С.304–307.
[20] *Айналов Д.* Византийские памятники Афона. III. Артосница ризницы Пантелеймоновского монастыря // Византийский временник. – 1899. – Т.6. – С.73–75. – Табл. X; *Кондаков Н.П.* Памятники христианского искусства на Афоне. – Спб., 1902. – С.222–224. – Табл. XXXI.
[21] *Пуцко В.Г.* Каменный рельеф из киевских находок // СА. – 1981. – № 2. – С.223–231.
[22] *Kalavrezou-Maxeiner I.* Op. cit. – N.16, 18, 94, 108, 114, A–8a, b.
[23] *Николаева Т.В.* Указ. соч. – № 359.
[24] *Шандор Н.* Добмо : Резултати истраживања на градини у Раковцу // Рад војводжанских музеја. – 1971. – Т.20. – С.168–173.
[25] *Коваленко В.П., Пуцко В.Г.* Византийская костяная икона из Чернигова // СА. – 1989. – № 4.

Е.И.АРХИПОВА

ПАЛЕОЛОГОВСКАЯ КАПИТЕЛЬ ИЗ ФОНДОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ УССР

Работа посвящена публикации произведения архитектурной пластики малых форм – мраморной капители с монограммой Палеологов.

В фондах Киевского государственного исторического музея под № 2757 (место находки не известно) хранится мраморная орнаментированная капитель. Обстоятельства и время появления ее в музее установить

© *Е.И.Архипова, 1991*

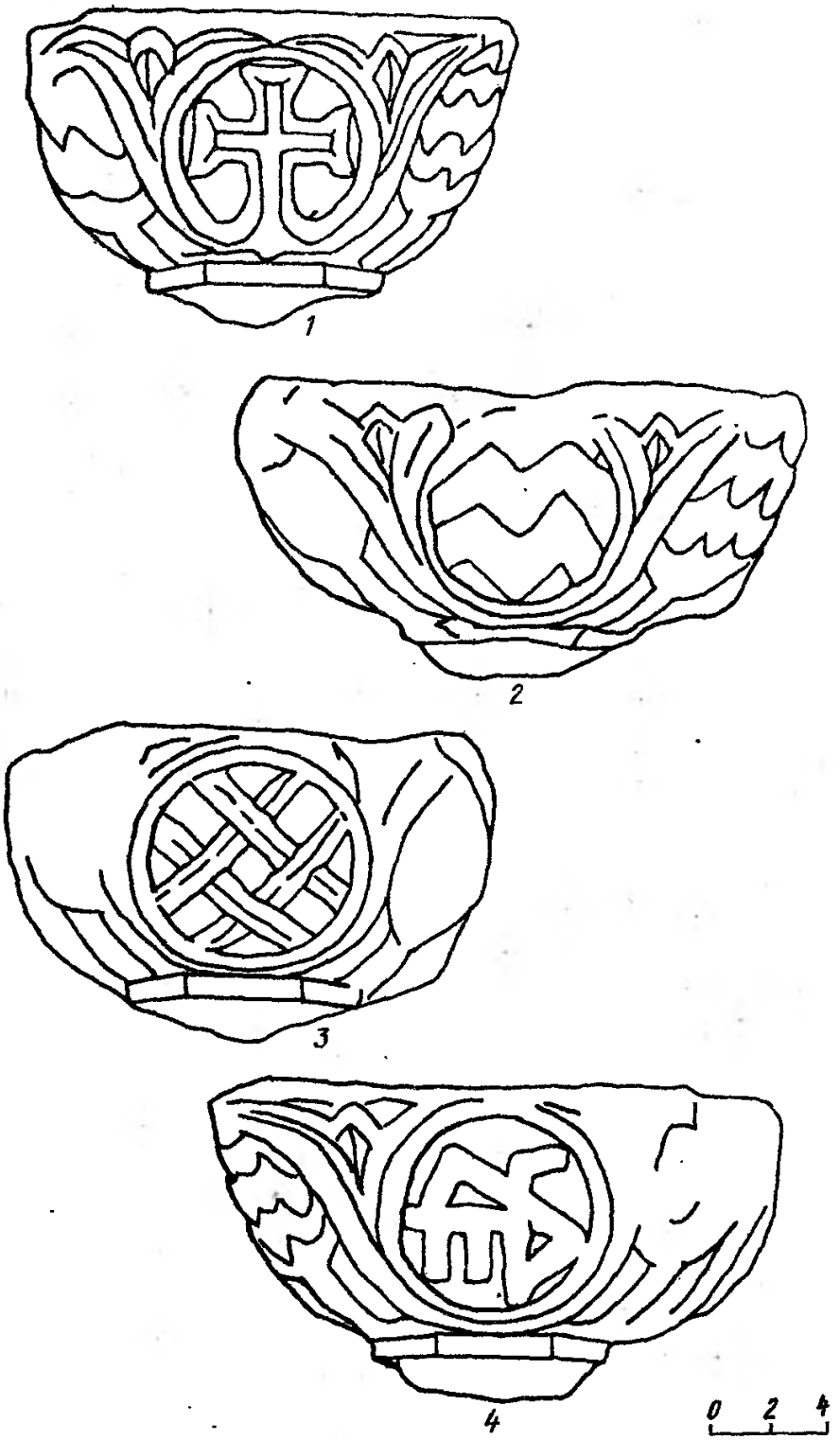
ISBN 5-12-003266-4. Южная Русь и Византия. К., 1991

не удалось. Капитель обнаружена во время инвентаризации и зарегистрирована в книге описей только 30.08.1982 г. Однако не взирая на отсутствие паспортных данных, капитель представляет большой интерес и может быть датирована, так как на одной из ее сторон помещена монограмма.

Капитель небольшого размера (20 х 17 х 9 см) трапециевидной формы. Когда-то она составляла единое целое с круглым (диаметром около 8 см) столбиком, переход к которому оформлен восьмиугольным основанием. Столбик-колонка отбит. Мрамор белого цвета, крупнозернистый. Рельеф резьбы невысок. Капитель орнаментирована с четырех сторон, что дает основание считать ее элементом конструкции, имеющей всестороннее обозрение. Это, судя по размерам, могла быть алтарная преграда или киворий. Принадлежность ее скульптурному убранству храма подтверждается также характером представленных на ней изображений (фото 1; рис. 1).

Почти без утрат сохранилась резьба на одной из узких (17 см) сторон капители (фото 1, *1*; рис. 1, *1*). На ней в медальоне, образованном стеблями с трилистниками, помещен равноконечный крест с трапециевидно расширяющимися ветвями, из основания которого расходятся ветви трилистников. По углам на этой стороне капитель оформлена изображениями "шишек", напоминающих шишки сосны, стебли которых берут начало в восьмигранном основании капители. На противоположной узкой стороне капители (фото 1, *2*; рис. 1, *3*) изображена плетенка в виде решетки, замкнутая в круг, образованный, видимо, аналогичными стеблями. Рельеф здесь со значительными утратами: левый угол сколот, а на правом гладкая "шишка". На широкой (20 см) стороне капители (фото 1, *3*; рис. 1, *2*), слева от композиции с крестом, в полукруге, образованном такими же трилистниками с общим стеблем, изображен двойной зигзаг в форме буквы W. Углы также оформлены "шишками", но левая оставлена гладкой. Отсутствие резьбы на "шишках" обусловлено скорее всего их малой обозримостью. Это дает возможность предположить, что резьба колонки с капителью выполнялась для определенной конструкции с учетом ее места в интерьере, где наиболее обозримы были узкая сторона с изображением креста и широкая с изображением монограммы. Последняя помещена на второй – широкой стороне капители (фото 1, *4*; рис. 1, *4*) в медальоне, образованном стеблями трилистников, аналогичном композиции с плетенкой. К сожалению, правый угол на этой стороне отбит и судить об оформлении "шишки" затруднительно. Учитывая, что она входит в оформление второй – узкой стороны, имеющей гладкую шишку, можно думать, что и здесь она не была оформлена резьбой.

Наибольший интерес из рассмотренных изображений представляет монограмма – явление, достаточно редкое в скульптурной декорации храмов и совершенно не известное для древнерусских памятников. Монограмма состоит из букв геометрических очертаний и является



Прориси:
1 – узкой стороны с изображением креста; *2* – широкой стороны капители с изображением зигзага; *3* – узкой стороны с изображением плетеной решетки; *4* – широкой стороны капители с монограммой

классическим примером родового знака последней династии византийских императоров – Палеологов[1]. Род этот известен с XI в., а основателем династии был Михаил VIII (1261–1282 гг.). Последним императором – Константин XI (1449–1453 гг.). Таким образом, и датировка капители может иметь широкий диапазон.

Помещение монограмм правителей или донаторов на архитектурные или скульптурные детали в храмах известно на протяжении всего средневековья. Это монограммы Юстиниана и Феодоры на капителях в храме св.Софии в Константинополе (VI в.)[2], простатора монастыря Михаила Торханита из Фети-Джами (конец XIII в.)[3], капители из дворца в Царевец (Болгария) с монограммой Михаила Шишмана (XIV в.)[4]. Монограмма Палеологов, имеющая незначительные отличия в верхней части, помещена на фрагменте арки мраморного кивория из Археологического музея в Стамбуле[5].

Определенную стилистическую близость публикуемой капители имеет мраморная капитель из раскопок 1962–1963 гг. в Переяславе-Хмельницком, правда, несколько больших размеров (30 х 30 х 15 см) и другой формы. Она орнаментирована трилистниками и сосновыми шишками[6]. Авторы публикации называют их тирсами и датируют капитель XI в. Однако тирс – это жезл Диониса и его спутников, который изображался в виде палки, увитой плющом, листьями винограда и увенчанной сосновой шишкой. Думается, что в нашем случае, как, впрочем, и в названном выше, помещение тирса рядом с крестом маловероятно, а орнаментация капителей носит символический характер растительного происхождения и не связана с культом Диониса.

Трапециевидная форма капители восходит к византийской традиции, а ее декоративное оформление стилизованными трилистниками (византийский упрощенный акантовый лист) с закомпонованными в них медальонами по характеру пластического решения находит аналоги среди мраморных капителей XI в. Софии Киевской (инв. № 1120, 1121, 1122). Это дает возможность предположить, что и публикуемая капитель может быть связана со скульптурным убранством киевских храмов не только по месту своего хранения. Думается, что дальнейшие исследования позволят более конкретно говорить о ее происхождении.

Возможно, даже удастся связать ее с именем какого-нибудь киевского князя, получившего дар от византийского императора или митрополита. Известно, например, что охридский амвон по монограммам на нем был сделан епископом Григорием и считается вкладом императора Андроника Палеолога Младшего, хрисовул которого имеется в притворе церкви, называясь Андрониковым троном[7].

Таким образом, исходя из того, что монограмма принадлежит династии Палеологов, описанную капитель можно датировать XIII–XV вв., или, точнее, второй половиной XIII – серединой XV в. – временем правления императоров этой династии – и отнести ее к произведениям палеологовского Ренессанса конца XIII–XIV вв. Русско-византий-

ские отношения этого времени, к сожалению, до сих пор мало изучены. Надеюсь, что выяснение происхождения данной капители внесет новый штрих в историю русско-византийских отношений послемонгольского времени.

[1] *Schreiner P.* Eine Unbekannt Beschreibung der Pammakaristoskirche (Fethiye Camii) und Weitere Texte zur Topographie Konstantinopols // Dumbarton Oaks Papers. – 1971. – N 25. – P.237–239.

[2] *Stephen X.* The Chancel Barrier. Solea, and Ambo of Hagia Sophia // The Art Bulletin. – 1947. – Vol.29. – P.1–24. – Fig. 12, 13.

[3] *Mango C.* and *Hawkins E.J.W.* Report on field work in Istanbul and Cyprus // Dumbarton Oaks Papers. – 1964. – N 18. – P.333. – Fig. 37.

[4] Каменна пластика : Българско художествено наследство. – София, 1973. – С.65.

[5] *Grabar A.* Sculptures Byrantines du Moyen Age (XI[e]–XIV[e] sicle). Paris, 1976. – P.137. – Pl.CXII, b.

[6] *Асеев Ю.С., Сикорский М.И., Юра Р.А.* Памятник гражданского зодчества XI в. в Переяславе-Хмельницком // СА. –1967. – № 1. – С.211. – Рис. 6.

[7] *Кондаков Н.П.* Македония : Археол. путешествие. – Спб., 1909. – С.232.

В.П.КОВАЛЕНКО, П.А.РАППОПОРТ

НОВЫЙ ПАМЯТНИК ВИЗАНТИЙСКОГО ЗОДЧЕСТВА НА ЧЕРНИГОВСКОМ ДЕТИНЦЕ

Статья посвящена публикации открытого на Черниговском детинце неизвестного ранее памятника византийского зодчества XI в. – небольшой четырехстолпной трехапсидной церкви с подземным этажом-усыпальницей. Типологические и строительно-технические особенности памятника позволяют предполагать, что храм был возведен в 70–80-х годах XI в. константинопольскими мастерами по заказу Владимира Мономаха.

В 1985 г. в ходе работ Черниговской археологической экспедиции в северо-восточной части детинца в 20 км к западу от остатков ворот начала XIII в., служивших парадным въездом на новый княжеский двор второй половины XII – первой половины XIII в., был открыт новый памятник древнерусской монументальной архитектуры. В 1986 г. постройку удалось вскрыть полностью[1], за исключением полосы теплотрассы, перекрывшей ее южную апсиду и отрезавшей северную и центральную апсиды от основного помещения. Выяснилось, что от древнего памятника сохранились не только фундаменты, но и нижние части стен, поднимающиеся местами на высоту до 0,8 м над уровнем древней поверхности, что позволило с достаточной полнотой реконструировать план здания и ряд его конструктивных и типологических особенностей.

Раскопанный памятник оказался небольшой четырехстолпной церковью с тремя апсидами. Длина ее 14,9, ширина 11,8 м, ориентация продольной оси 62° (рис. 1).

© *В.П.Коваленко, П.А.Раппопорт, 1991*

ISBN 5-12-003266-4. Южная Русь и Византия. К., 1991

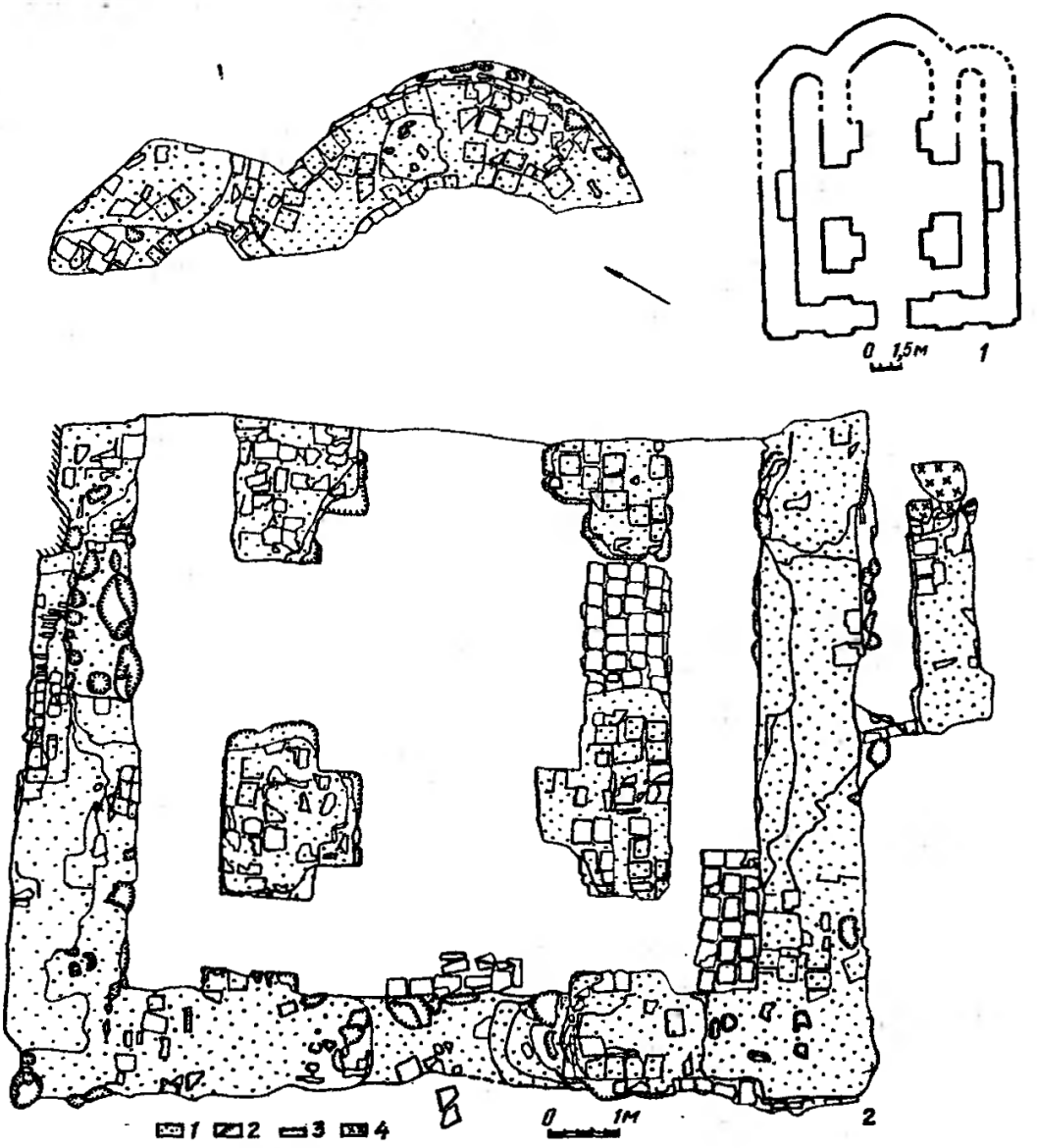


Рис. 1. План (*1*) и реконструкция раскопанного сооружения:
1 – цемянка; *2* – камень; *3* – плинфа; *4* – шифер

Стены здания сложены из кирпича-плинфы хорошей формовки и обжига (33–34,5 х 27 х 3–3,5 см) желтого, белого, розового цвета с прослойками камней (рис. 2). Встречаются плинфы и меньшего размера – 27 х 16–17,5 х 3,5–4 см. На торцах многих из них имеются выпуклые знаки, реже – метки на постелистой стороне, выполненные по сырой глине. Всего (в кладке и в развале) отмечено 485 плинф со знаками на торцах (рис. 3). Среди них наиболее многочисленны знаки в виде кириллических и глаголических букв (17 видов, большинство из которых имеют от двух до пяти вариантов, образующихся с помощью отпятныша, рубежей и различных комбинаций самих букв – всего 307 экз.). Чаще других встречены знаки типа букв "V" (49 экз.),

1

2

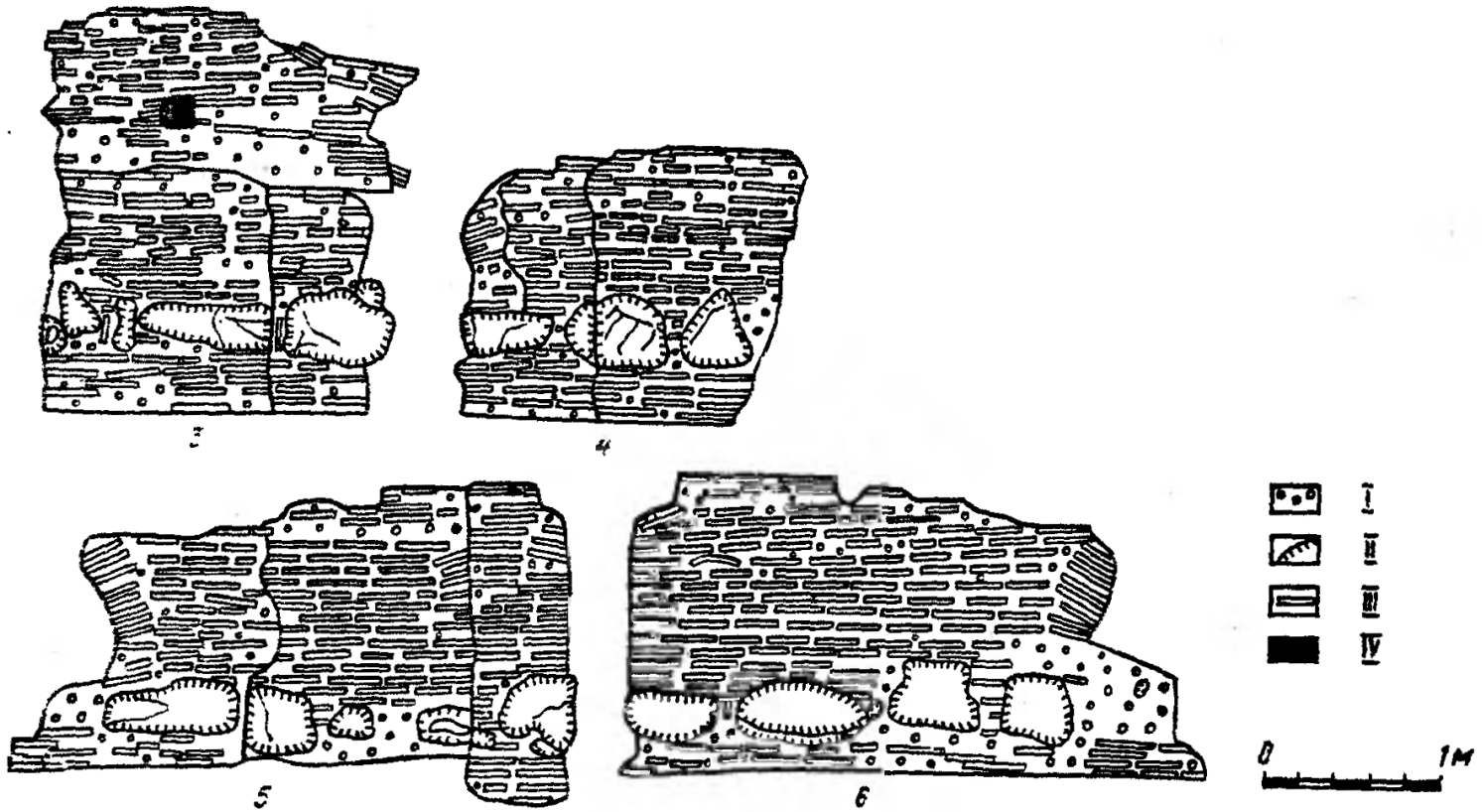


Рис. 2. Фасады:

I – цемянка; *II* – камень; *III* – плинфа; *IV* – гнезда. *1* – внутренняя поверхность северной стены; *2* – внутренняя поверхность западной стены; *3* – западная поверхность северо-восточного столба; *4* – южная поверхность северо-восточного столба; *5* – северная поверхность юго-западного столба; *6* – южная поверхность юго-западного столба

"М" (48 экз.), "ЮЮС" (38 экз.), "Н" (36 экз.), "Х" (25 экз.), "N" (14 экз.) и др. Геометрические знаки (73 экз.) представлены 12 видами (различные комбинации 1–6 рубежей, полукруг, ломаная линия). Так называемые княжеские знаки (86 экз.) 10 видов. Из них 6 – различные варианты "двузубца" и 3 – "трезубца", а 1 – знак типа "двусторонней вилки". Реже других встречаются знаки в виде различных вариаций креста (19 экз.). Знаки размещены большей частью на коротком торце, хотя встречаются и на длинном. В пяти случаях на одной и той же плинфе обнаружены два разных знака на разных торцах.

Метки на постелистой стороне плинфы выявлены в количестве 67 экз. и делятся на 7 групп: один рубеж (16 экз., 3 варианта); два рубежа (7 экз.), крест (2 экз.), дуга (28 экз., 4 варианта), точки (9 экз., 2 варианта), буква "ш" (4 экз.), "княжеский знак" (1 экз.), (рис. 4, *1–3*). Необходимо отметить, что в 14 случаях зафиксировано сочетание знаков на торцах плинф и меток на постели[2].

Внешние стены памятника повреждены, но все же достаточно хорошо видно, что каждый второй ряд плинф отступает от лицевой поверхности примерно на 1–1,5 см, причем на плинфах углубленных рядов кое-где сохранились следы раствора. Это несомненно свидетельствует, что здесь применена так называемая кладка со скрытым рядом. Раствор в кладке кремовый, известковое вяжущее составляет около 50 %. Заполнителем раствора служит цемянка (толченая плинфа) двух цветов – розовая и светло-желтая с размером зерен от 0,5 до 2,0 см и даже до 3,5 см и лишь в незначительном количестве более мелких. В растворе большое количество глинистых частиц; впрочем, глина может быть не специальной добавкой, а могла попасть в качестве примеси мергелистого известняка.

Через каждые 30–50 см высоты кладки проложены ряды довольно крупных, грубо отесаных камней, проходящих насквозь через кладку и откровенно выраженных на фасадах (рис. 2). На уровне древней поверхности из кладки наружных стен выступает ряд плинф, образующих вымостку над фундаментом. Впрочем, такая вымостка прослеживается далеко не на всех участках, и во многих местах кладка стен непосредственно переходит в кладку фундамента.

Фундамент здания мало отличается от стен, хотя более или менее тщательная обработка поверхности прослеживается только в интерьере, тогда как снаружи кладка менее регулярна и больше закрыта раствором. В его нижней части (на 1 м от подошвы) он сложен из камней размером 20–30 см настолько густо залитых раствором, что представляет собой сплошной монолит. Выше 6–8 рядов плинфы идет слой камней (до 0,35 см) в растворе, поверх которых – новый ряд плинф. Фундамент апсидной части храма состоит из чередующихся рядов камня и плинфы на растворе. Глубина фундаментов 1,70–1,75 м, а в центральной апсиде почти 2 м; они прорезают культурный слой и врезаны в материковый грунт (светлая супесь с прослойками суглинка и гли-

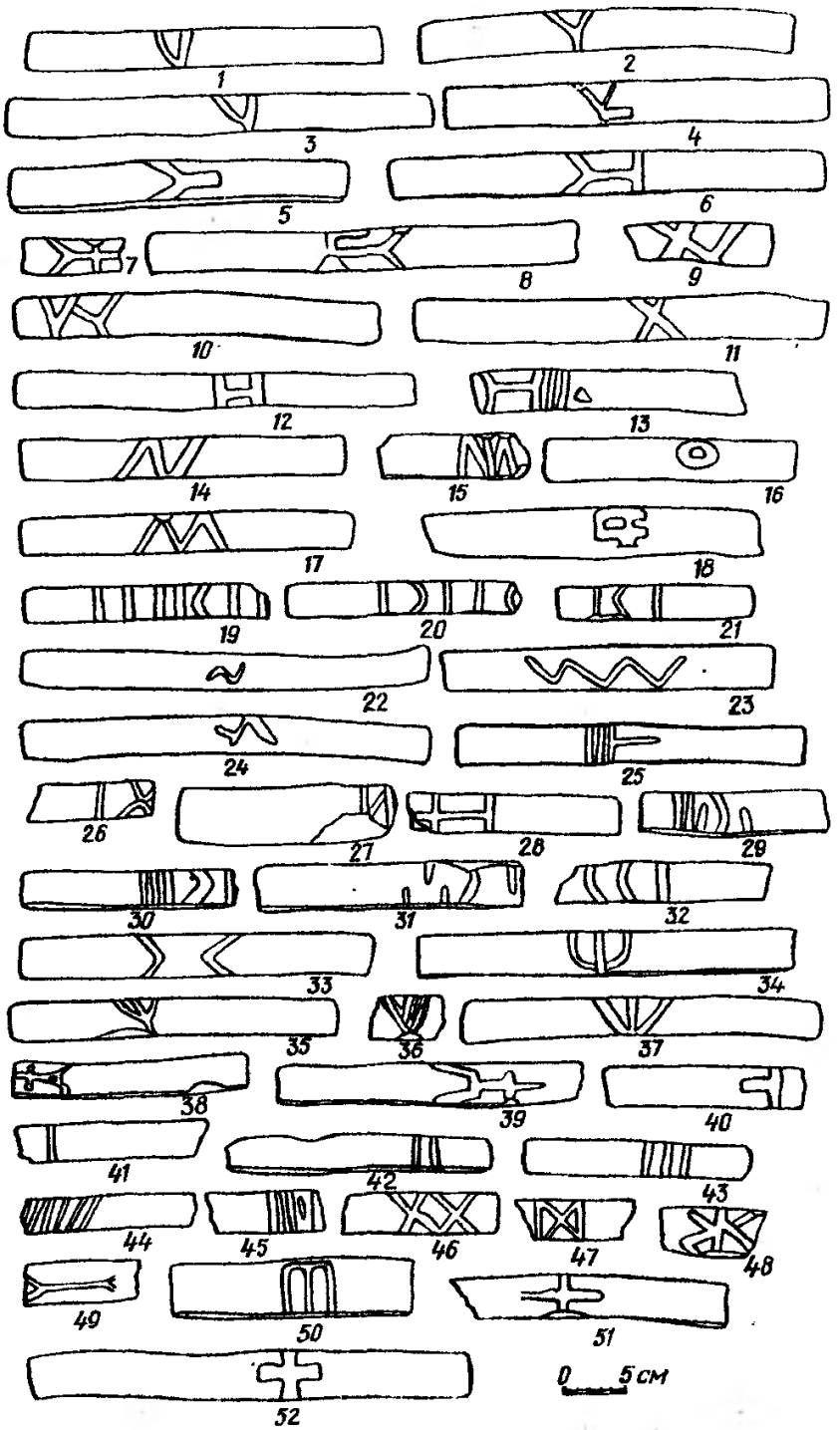


Рис. 3. Знаки на торцах плинф

ны) примерно на 1 м, то есть опущены на 0,30–0,40 м ниже уровня пола здания. Ширина фундамента 1,50–1,60 м, книзу он несколько сужается. Под фундаментом обнаружены следы деревянных лежней (рис. 5).

Толщина стен здания 1,2–1,4 (рис. 1). Стены снаружи расчленялись плоскими лопатками, расположенными соответственно размещению внутренних столбов. Судя по единственной полностью сохранив-

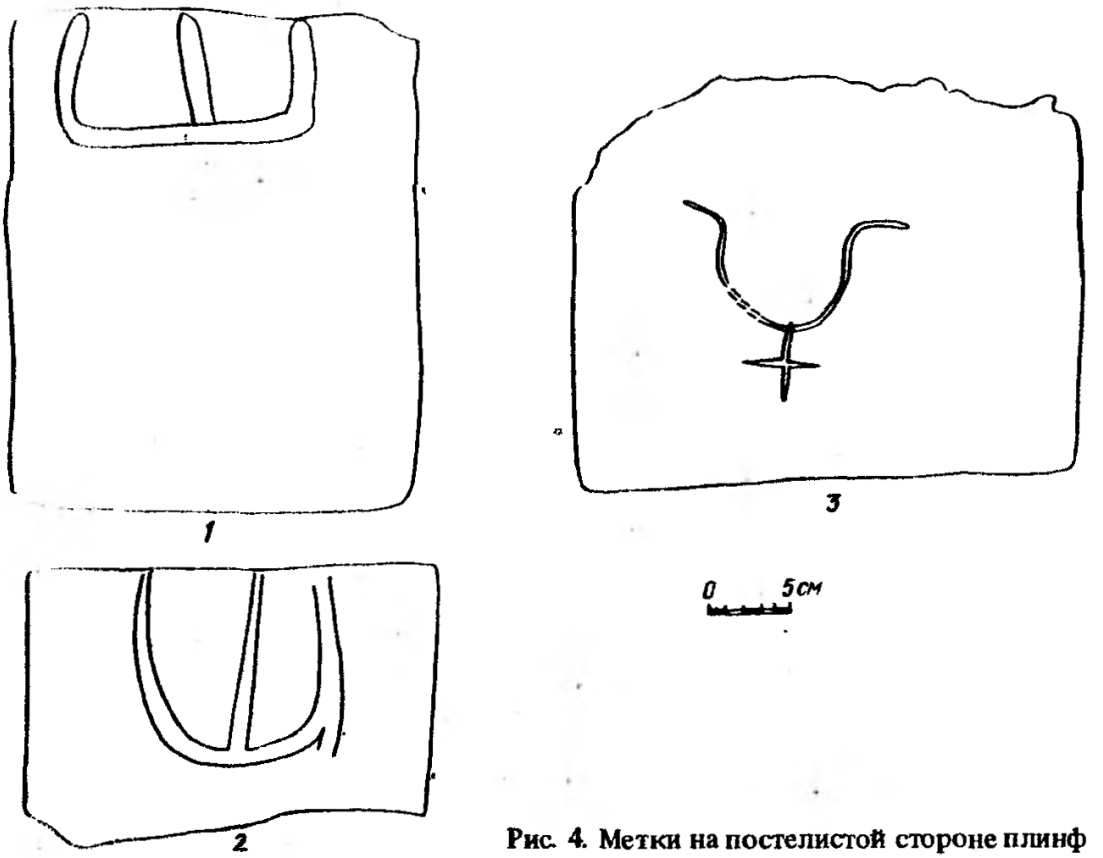


Рис. 4. Метки на постелистой стороне плинф

шейся лопатке на западной стене, ширина их достигала 1 м, а вынос от поверхности стен около 20 см. Угловые лопатки были, по-видимому, несколько больше — шириной 1,2 м и высотой от стены 30 см. Основание лопаток опиралось на вымостку из плинфы над фундаментом. Наружная поверхность апсид гладкая, не имеющая тяг.

Единственный вход в помещение расположен с запада. Ширина входного портала около 2 м. Порог на высоте 60 см от пола и на 80 см ниже уровня древней поверхности земли. Очевидно, перед входом находился приямок с лестницей. В интерьере у порога входа обнаружены аккуратно уложенные плинфы и обломки больших шиферных плит, — вероятно, остатки лестницы, ведшей внутрь.

Пол помещения на глубине 1,4—1,5 м ниже уровня древней дневной поверхности был покрыт известковым раствором, под которым лежит ровный слой обломков плинф и мелких камней. Под полом в направлении с севера на юг проходили деревянные лежни, от которых сохранились отпечатки (рис. 5). Три таких лежня шли от северной стены к северо-восточному столбу и еще три — от северной стены к северо-западному столбу и далее к юго-западному*. Лежни имели ширину 15—20 см и такую же толщину. В местах пересечения лежней обнаружены железные костыли длиной 20—22 см квадратные в сечении со сторонами 0,8—1 см.

*В южном нефе лежни не вскрывались.

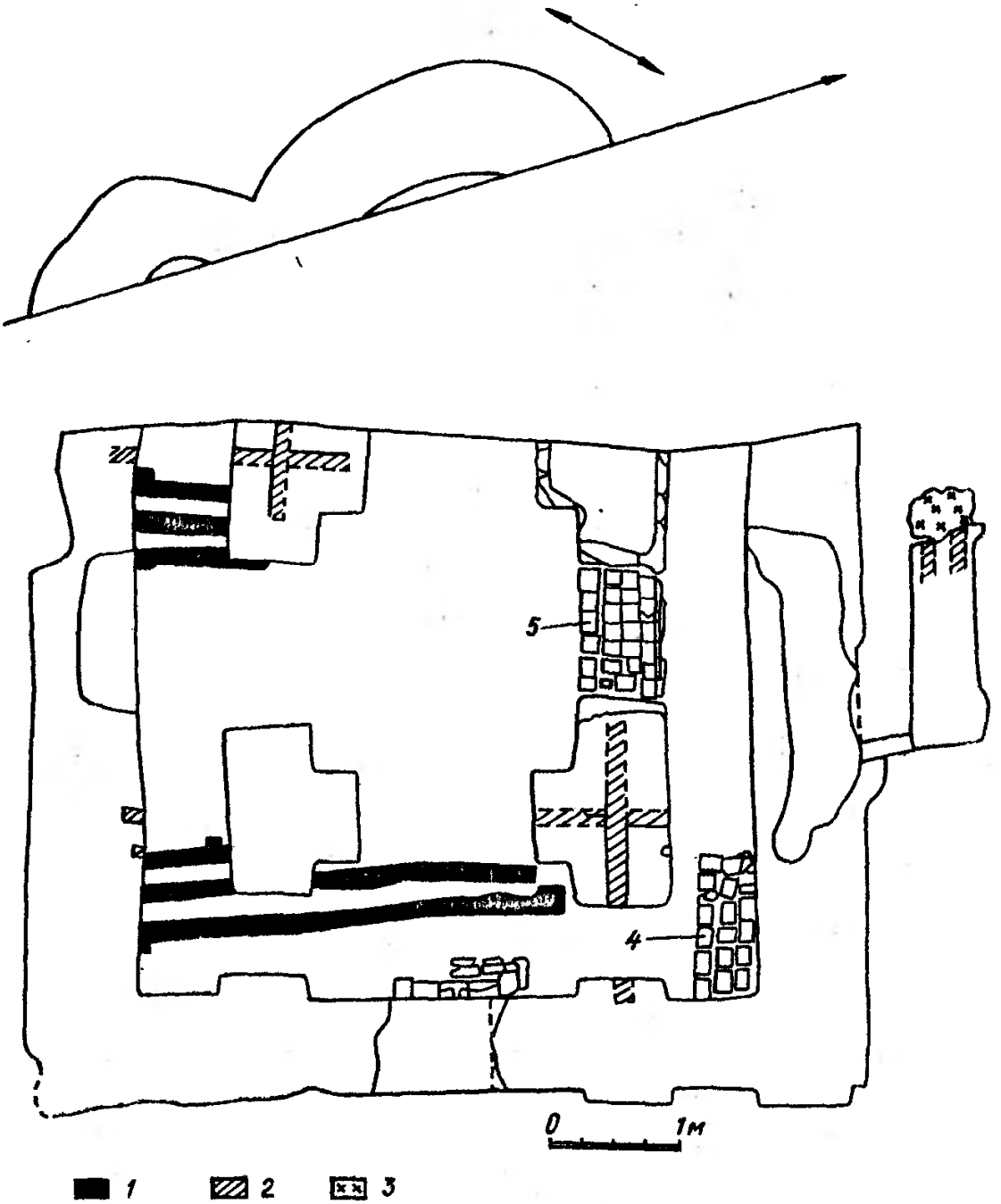


Рис. 5. План здания:
1 – внутристенные связи; *2* – лежни под полом; *3* – шифер; *4–5* – саркофаги из плинфы

В интерьере здания лопатки имеются только на западной стене. Их ширина около 1,3 м, отступ от стены несколько менее 30 см. Столбы Т-образной формы. Выступы западных столбов обращены к соответствующим лопаткам западной стены (рис. 1). На выступах северо-восточного и юго-западного столбов сохранились нижние части арок (рис. 2, *3–4*), свидетельствующие, что все четыре столба храма соеди-

нялись между собой и с лопатками западной стены арками. В северо-восточном и юго-западном столбах уцелели отверстия от деревянных связей, прямоугольных в сечении, шириной около 20 и высотой 20–30 см. Следы отверстий от связей сохранились в стенах напротив столбов. Несомненно, все столбы соединялись связями с соседними стенами. В северной и южной стенах, кроме того, открыты отверстия от торцов и более мелких деревянных вставок – шириной 10–15 и высотой до 7 см.

Деревянные связи, проходившие от стен к столбам, размещались на высоте 1,4–1,6 м от пола. Таким образом, в угловые помещения человек мог войти только нагнувшись. Но и в центральное пространство между столбами проходы были невысоки. Пяты арок, соединявших столбы, лежат на высоте 0,8–0,9 м от пола, а пята арки, идущей от столба к западной стене, – на высоте около 1,5 м. Учитывая ширину пролета между столбами, можно установить, что зенит арок находился на высоте около 2 м от пола. При толщине арок в одну плинфу это означает, что своды помещения размещались на высоте немногим более 2 м от пола. Даже если принять во внимание толщину сводов, то окажется, что кровля здания могла возвышаться над уровнем древней поверхности не более чем на 1 м. Столь невысокое сооружение, конечно, не могло существовать как самостоятельная церковь и являлось, по-видимому, нижним этажом под основным помещением.

В северной и южной стенах нижнего этажа вместо проемов расположены большие аркосольные ниши, предназначенные для погребений. Ниша в северной стене сохранилась почти целиком (рис. 2, *1*). Ее длина 2,2, глубина около 1 м. Пол ниши на 0,8 м выше пола помещения, а высота арочной ниши около 1,2 м. В торцовой стене ниши плинфяная кладка образует декоративную выкладку (фото 1). Судя по сохранившимся остаткам, аркосолий в южной стене имел такие же размеры. Кроме аркосольных ниш, в помещении выявлены нижние части двух саркофагов, сложенных из плинф (рис. 5). Размеры саркофага между южными столбами 2,0 х 1,1 м, а саркофага в юго-западном углу – 2,0 х 0,8 м, так как одной из его стенок являлась стена помещения (фото 2). Плинфы саркофагов по размерам несколько отличаются от плинф храма: они толще, но меньше (30 х 23–25 х 4,5–5 см). Внутри здания и вблизи него найдены и обломки больших плит так называемого красного шифера (пирофиллитовый сланец) толщиной 8–10 см, также, очевидно, от саркофагов. Все погребения, к сожалению, полностью разрушены еще в древности. Таким образом, назначение нижнего этажа не вызывает сомнений – это была усыпальница.

Второй этаж, то есть собственно помещение церкви, по плану, очевидно, совпадал с нижним этажом. Судя по тому, что в стенах не было утолщенных участков для размещения лестницы, церковь не имела хор. Видимо, в храме-усыпальнице ни нартекс, ни хоры не были нужны.

Вход в верхнее помещение церкви вел, очевидно, с юга, о чем сви-

детельствует небольшая стенка, проходящая параллельно южной стене здания. Она отстоит от наружной стены церкви на 0,7–0,8 м и имеет толщину 0,8–0,9 м. Западный ее конец сохранился, тогда как восточный обломан. Сохранившаяся длина немногим более 3 м. На наружной стороне стенки у ее западного конца сделана плоская лопатка. Судя по остаткам кладки, стенка соединялась с южной стеной церкви перемычкой, расположенной у ее западного торца. Сквозь стенку проходят две параллельные связи, отверстия от которых видны у восточного торца. Сооружение возведено в той же технике, что и основное здание, но с очень мелким фундаментом – всего 0,35–0,4 м от древней поверхности. Наиболее вероятно, что стенка является остатками крыльца и лестницы, ведшей в верхнее помещение.

Руины здания были засыпаны строительным мусором из развала этой же постройки: раствор с цемянкой, обломки плинф и мелкие камни, куски шифера. Судя по находкам, верхняя церковь была украшена бедно. В слое развала обнаружены многочисленные кусочки штукатурки с фресковой росписью, причем не только однофоновые, но и с фрагментами сложных геометрических узоров. На некоторых сохранились остатки надписей – граффити – главным образом благопожеланий. Собрано несколько десятков фресковых гвоздей с большими шляпками (диаметром 3–4 см). Многочисленны обломки керамических плиток для пола с глазурью желтого, зеленого и черного цвета, в том числе и фигурных "щитовидных", а также куски разноцветной смальты для мозаик пола. Найдены фрагменты сосудов-голосников из хорошо отмученной белой глины с высоким вертикальным горлом и незаглаженными следами налепа на внутренней поверхности (рис. 6, *1–4*). На многих голосниках снаружи видны остатки раствора. Обнаружены также фрагменты оконных стекол, куски глиняных светильников (рис.6, *5–8*), обломки глиняных амфор и больших корчаг (рис. 6, *9–11*), в которых, вероятно, хранилось церковное вино. Среди находок представлены несколько сотен обломков стеклянных браслетов зеленого, оливкового и фиолетового цвета, бытовая керамика, ножи, цилиндрические замки и ключи к ним, серебряная гривна киевского типа, неоконченное височное четырехбусинное серебряное кольцо, бронзовые складные весы, наконечники стрел и пр.

Вокруг храма находилось кладбище, на котором в 1985–1986 гг. было вскрыто около 100 погребений. Некоторые из них прорезали объекты X – первой половины XI в. В конце XII – начала XIII в., вероятно, при постройке парадных ворот княжеского двора, кладбище было засыпано почти метровой толщей гумуса и перекрыто вымосткой из плинф, образовавшей своеобразную площадь перед главным въездом на территорию двора.

Двухэтажные церкви-усыпальницы в русском зодчестве домонгольского периода до сих пор были нам не известны[3]. Поэтому исключительность раскопанного на черниговском детинце храма ставит перед

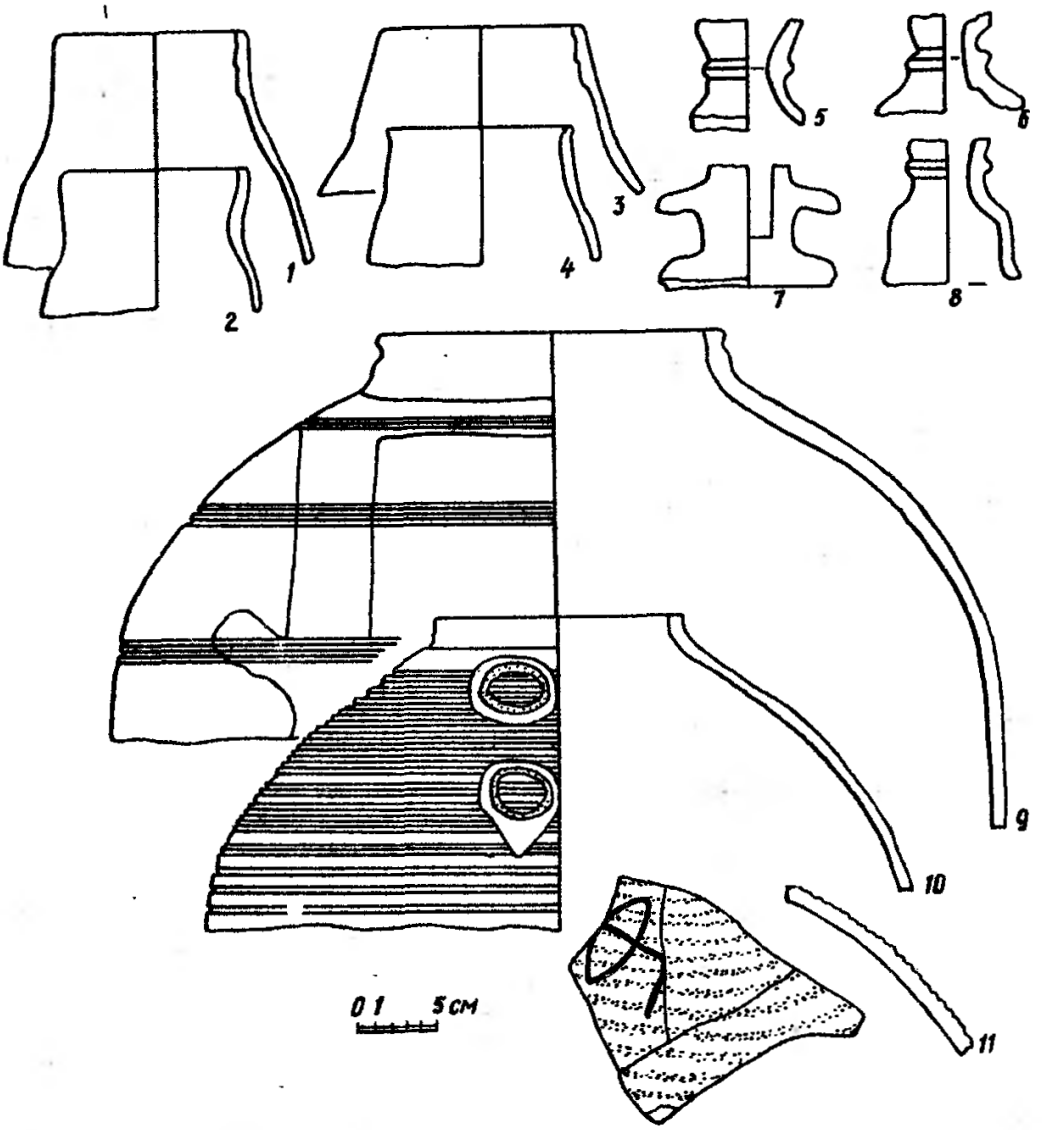


Рис. 6. Фрагменты керамических изделий из храма:
1–4 – голосников; *5–8* – подсвечников; *9–10* – корчаг; *11* – амфоры

нами задачу: выяснить, когда и при каких обстоятельствах было воздвигнуто здание, каково его место в развитии древнерусской архитектуры. Время возведения храма может быть установлено с достаточной уверенностью, так как памятник построен в технике кладки "со скрытым рядом", а уже во втором десятилетии XII в. в Чернигове началось строительство в совершенно иной, равнослойной технике[4]. Следовательно, храм-усыпальница построен до этого. Из "Слова о князьях" известно, что умерший в 1123 г. черниговский князь Давид Святославич был похоронен "в церкви святого Бориса и Глеба, от негоже и съездана бысть"[5]. Если бы храм-усыпальница был построен по заказу князя Давида, то он был бы похоронен именно здесь, а не в Борисо-Глебском соборе. Таким образом, храм-усыпальница построен до начала княжения Давида Святославича, т.е. до 1097 г. вряд ли возможно пред-

положить, что этот храм построен в те два года, когда в Чернигове княжил брат Давида Олег Святославич (1094–1096). Тем более что князь Олег, умерший в 1015 г., также погребен не в этой усыпальнице, а в Черниговском Спасском соборе[6]. Видимо, усыпальница была возведена представителем другой княжеской династии, то есть до 1094 г.

В то же время храм не мог быть построен и намного раньше, о чем свидетельствует формат плинф. Так, в памятниках первой половины XI в. (Спасский собор в Чернигове, Софийский собор и Золотые ворота в Киеве) длина плинф, как правило, более 36 см, тогда как длина плинф храма-усыпальницы около 33 см, т.е. близки плинфам киевских построек конца XI в. Косвенно эти расчеты подтверждают и упомянутые выше стратиграфические наблюдения вблизи храма.

Никаких признаков романского влияния в данном памятнике не прослеживается. Все технические приемы и плановая схема свидетельствуют не просто о византийских, а о столичных константинопольских традициях. Константинопольские мастера-строители в XI в. несколько раз приезжали на Русь – в Киев и в Переяславль[7]. Однако Черниговский храм-усыпальница построен несомненно не киевскими и не переяславскими мастерами, а какой-то иной строительной артелью. Несмотря на значительное сходство строительной техники, своеобразие почерка черниговских строителей сказывается в системе формовки плинф. Плинфы переяславских мастеров имеют в качестве производственного знака рифление (примерно на 10 % плинф), а на кирпичах киевских мастеров XI в. вовсе нет каких бы то ни было производственных знаков. При строительстве же черниговского храма-усыпальницы мастера метили сырец с помощью выпуклых знаков на торцах[8].

Предшественником князя Олега на черниговском столе был Владимир Мономах, княживший здесь с 1078 по 1094 г. По-видимому, он был заказчиком храма-усыпальницы. Сын греческой царевны, Мономах, конечно, имел достаточно тесные контакты с Константинополем, чтобы получить группу мастеров-строителей. Наиболее вероятно, что это произошло до 1081 г., так как после захвата императорского престола в Византии Алексеем Комнином отношения Мономаха с Константинополем значительно ухудшились. Поэтому наиболее вероятным временем приезда в Чернигов византийских строителей является период с 1078 по 1081 г., хотя нельзя, конечно, исключить и несколько более позднюю дату, вплоть до последних лет княжения Мономаха в Чернигове. Став в 1113 г. великим киевским князем, Мономах, естественно, уже не использовал в качестве родовой усыпальницы черниговскую постройку; этой цели стала служить киевская церковь Спаса на Берестове.

Кроме храма-усыпальницы приехавшие в Чернигов строители возвели здесь еще одну постройку, остатки которой были обнаружены Н.В.Холостенко в ходе раскопок в северном нефе Борисо-Глебского собора. Исследователь интерпретировал открытый памятник как кня-

жеский терем[9], хотя такая интерпретация очень сомнительна, так как постройка раскопана частично, и поэтому ее первоначальный план и назначение не вполне ясны. Однако ее строительная техника полностью совпадает с техникой храма-усыпальницы.

В 1094 г. Владимир Мономах перешел на княжение из Чернигова в Переяслав, а затем в Киев и, по-видимому, забрал с собой строительную артель. Строительство в Чернигове прервалось. В Переяславе же за несколько лет до этого уже начала работать другая группа византийских строителей, вызванная переяславским епископом Ефремом[10]. Возможно, поэтому часть черниговской артели (плинфотворителей или часть их) оказалась ненужной и осталась в Чернигове, где они могли работать и в качестве гончаров. А когда в начале XII в. в Чернигов приехала новая строительная артель, они подключились к этой артели. Последним, вероятно, объясняется, почему система формовки, обжиг плинф в усыпальнице и в более поздних храмах (Успенский и Борисо-Глебский соборы, Ильинская церковь) совпадает, несмотря на существенные различия в характере кладки и других элементах строительной техники.

Памятников зодчества, возведенных на Руси в XI в., немного: общее количество монументальных сооружений, построенных до начала XII в. не достигает и 30. Естественно, открытие каждого нового памятника зодчества этой эпохи вносит существенные дополнения в наши представления о развитии русской архитектуры древнейшего периода. Однако в данном случае привлекает особое внимание не столько относительно ранняя дата раскопанного памятника, сколько его необычные типологические особенности.

Храм-усыпальница с подклетным этажом — явление для зодчества Древней Руси уникальное. Погребения в древнерусских церквах размещались в основном в самих помещениях или же в галереях в аркосольных нишах, саркофагах, стоящих на полу, а чаще под полом. Единственный пример подземной погребальной камеры под церковью известен в Пятницкой церкви Бельчицкого монастыря в Полоцке, построенной, по-видимому, в середине XII в.[11] Однако церковь эта в настоящее время не существует, а ее изучение было произведено настолько поверхностно, что нет даже полной уверенности, что подземная камера была сооружена одновременно с храмом, а не в более позднее время. Таким образом, черниговский храм-усыпальница в русской архитектуре домонгольского периода является единственной, где основное помещение церкви размещалось над подклетным этажом, специально предназначенным для погребения.

Подобный тип храма не характерен не только для Руси, но и для Византии. В Византии захоронения помещались обычно также в самой церкви, а не в специальной подземной камере. Более характерны двухэтажные церкви-усыпальницы для Болгарии, где они строились с конца XI до XIII в.[12] Это маленькие однонефные храмы. Исследователи отмечают, что болгарские усыпальницы генетически наследуют древней-

шую христианскую традицию, поскольку подобный тип церквей был распространен на христианском востоке в IV–VI вв.[13] В период между VI и XI вв. подобные церкви не известны. Однако непосредственная связь с древней традицией в болгарских церквах сказывается даже в такой детали: подобно раннехристианским коптским усыпальницам, во всех схожих болгарских церквах вход в нижнюю, погребальную камеру ведет с запада, а в верхнюю церковь – с юга[14].

И все же в Византии и даже в самом Константинополе примеры двухэтажных церквей известны. Так, довольно близкой аналогией болгарским небольшим храмам является однонефная двухэтажная церковь-усыпальница, известная под турецким названием Богдан-сарай. Дата этой церкви неясна – XII или XIV в.[15] Двухэтажная и гробничная церковь императора Романа Лакапина – Мирейлейон, построенная в 20-х годах X в.[16] Однако, как выяснилось, нижний этаж этой церкви первоначально служил только субструкцией, а в погребальную камеру переделан в конце XIII или начале XIV в.[17]

И все же в Константинополе известна двухэтажная церковь-усыпальница, близкая черниговской как хронологически, так и типологически – Одалар-джами[18]. Очень плохая сохранность руин и отсутствие систематических исследований не позволяют полностью реконструировать даже план церкви. Тем не менее ясно, что церковь четырехстолпная, трехапсидная, возведена в XI или XII в.[19] Техника кладки – из плинфы со скрытым рядом и с прокладками рядов отесанных камней. Наиболее существенное ее отличие от черниговского храма – наличие бемы. Высказывалось предположение, что первоначально она называлась церковью Марии Константинопольской[20].

Таким образом, хотя постройка двухэтажных церквей-усыпальниц не характерна для византийского зодчества, но отдельные примеры таких построек все же известны, а одна из них – церковь Одалар-джами – даже является довольно близкой аналогией черниговскому памятнику. И если бы выяснилось, что константинопольская церковь Одалар-джами являлась усыпальницей рода императора Константина Мономаха, семье которого принадлежала мать Владимира Мономаха, причина возведения в Чернигове подобного храма нашла бы логичное объяснение. К сожалению, ни точная дата памятника, ни личность его заказчика пока не установлены. Однако прямая связь черниговского храма с константинопольской традицией все же несомненна.

Наконец, раскопанный храм-усыпальница – наиболее ранний пример возведения на Руси четырехстолпной церкви. Возможно, примерно к этому же времени относится заложение четырехстолпной церкви в Минске, строительство которой так и не было завершено[21]. Следующая по времени четырехстолпная церковь – храм Иоанна Крестителя в Перемышле, построенная в 1119 г.[22] Однако было бы неверно думать, что черниговский памятник был образцом, на который ориентировались при строительстве четырехстолпных церквей в более позднее время. Очевидно, различия между шести- и четырехстолпными

храмами не рассматривались как принципиальные. Это один и тот же тип церкви, но либо имеющей нартекс, либо без него. Хорошим примером, подтверждающим такой вывод, является собор Елецкого монастыря в Чернигове. В нем использованы плинфы двух размеров – один тип для столбов и арок, другой – для стен. Столбы, отделяющие нартекс от основного помещения, сложены из плинф, предназначенных для стен. Следовательно, с точки зрения строителей западная пара столбов и соединяющие их стены рассматривались как западная стена, отделяющая церковь от нартекса. Иногда такое разделение осуществлялось и в процессе строительства. Так, в соборах киевского Выдубицкого (1070) и новгородского Антониева монастыря (1116) вначале возвели основную часть здания и лишь через несколько лет с запада пристроили нартекс.

Таким образом, четырехстолпность черниговского храма вполне вписывается в общую типологическую схему русских церквей XI–XII вв. Гораздо более существенным отличием черниговского памятника является его двухэтажность. Но эта особенность не нашла продолжения в развитии русского зодчества домонгольского периода, ибо ко времени возведения черниговской усыпальницы в Киеве уже сложились достаточно прочные архитектурные традиции. В русской архитектуре определился ставший каноничным типологический и стилистический вариант храма, и памятники, не совпадавшие с этим типом, как правило, не оказывали существенного влияния на дальнейшее развитие русского зодчества. Черниговский храм-усыпальница остается уникальным памятником во всем зодчестве Руси домонгольского времени.

[1] *Веремейчик Е.М., Казаков А.Л., Коваленко В.П. и др.* Работа Чернигово-Северской экспедиции // АО 1986 г. – М., 1988. – С.261–262; *Большаков Л.М., Коваленко В.П.* Новий пам'ятник давньоруського зодчества XI ст. в Чернігові // Друга Чернігів. обл. наук. конф. з істор. краєзнавства. Тез. доп. – Вип.2. – Чернігів; Ніжин, 1988. – С.106–107; *Коваленко В.П.* Исследования детинца древнего Чернигова в 1984–1986 гг. : Исслед. храма XI в. в северо-восточной части детинца // Архив ИА АН УССР. – Т.7.

[2] *Гребінь П.М.* Знаки на плінфі собору останньої чверті XI ст. в Чернігові // Друга Чернігів. ... – С.108–109.

[3] *Раппопорт П.А.* Русская архитектура X–XIII вв. : Каталог памятников. – Л., 1982.

[4] *Раппопорт П.А.* Из истории киево-черниговского зодчества XII в. // КСИА АН СССР. – 1984. – Вып.179. – С.61.

[5] *Памятники* древней письменности. – Спб., 1894. – Т.98. – С.26.

[6] *ПВЛ.* – М. ; Л., 1950. – Ч.1. – С.200.

[7] *Раппопорт П.А.* О роли византийского влияния в развитии древнерусской архитектуры // ВВ. – 1984. – Т.45. – С.185.

[8] *Раппопорт П.А.* Знаки на плинфе // КСИА АН СССР. – 1977. – Вып.150. – С.28.

[9] *Холостенко Н.В.* Черниговские каменные княжеские терема XI в. // Архитектур. наследство. – 1963. – № 15. – С.4.

[10] *Каргер М.К.* Памятники переяславского зодчества XI–XII вв. в свете археологических исследований // СА. – 1951. – Т.15. – С.44.

[11] *Раппопорт П.А.* Русская архитектура... – С.99.

[12] *Грабар А.* Болгарские церкви-гробницы // Известия на Българския археологически институт. – София, 1924. – Т.1. – Св.2. – С.103; *Брунов Н.* К вопросу о болгарских двухэтажных церквах-гробницах // Там же. – 1927. – Т.4. – С.135; *Чангова Й.* Градоустройство и архитектура. – Перник; София, 1983. – Т.2. – С.86.
[13] *Грабар А.* Болгарские церкви-гробницы... – С.107.
[14] *Там же.* – С.123.
[15] *Брунов Н.К.* К вопросу... – С.142; *Mathews T.F.* The Byzantine chucches of Istambul. – Pennsylvania, 1976. – P.36.
[76] *Striker C.L.* The Myrelaion (Bodrum Camii) in Istambul. – Princeton; New Jersey, 1981. – P.6.
[77] *Ibid.* – P.33.
[18] *Brunov N.* Die Odalar-Djami von Konstantinopol // Byzuntinische-Zeitschrift. – Leipzig, 1926. – Bd. 26. – S.352.
[19] *Mathews T.F.* The Byzantine chucches... – P.220.
[20] *Schneider A.M.* Byzans // Istambuler Forschungen. – Amsterdam, 1967. – Bd 8. – S.62.
[21] *Загорульский Э.М.* Древний Минск. – Минск, 1963. – С.42.
[22] *Раппопорт П.А.* Русская архитектура... – С.112.

Р.С. ОРЛОВ

ВИЗАНТИЯ И РУСЬ. ПРОБЛЕМА ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Рассматривается процесс усвоения византийских духовных ценностей на Руси как двухнаправленное общение в виде диалога культур.

Масштабы воздействия византийской цивилизации на культуру средневековой Руси трудно преувеличить. Духовные ценности, созданные Византией, послужили фундаментом для национальных культур многих государств обширного региона – от Южной Италии и Далмации до Северного Кавказа. Древняя Русь не являлась исключением – она сохранила и приумножила богатства византийской культуры, особенно в области церковной идеологии, богослужебной литературы, архитектуры, изобразительного и прикладного искусства, этики и эстетики[1].

В современной науке преобладает несколько предвзятая точка зрения на сложную проблему византийского влияния на культуру Древней Руси, сводящая процесс передачи культурной информации к однонаправленной коммуникации – передачи античных традиций варварским народам. Как правило, исследователи игнорируют тот факт, что в процессе передачи художественной информации от автора к реципиенту, в данном случае из Византии на Русь, возникает двунаправленное общение, то есть диалог художественного текста и реципиента[2]. Другая, также ошибочная, на наш взгляд, точка зрения на процесс усвоения византийской культуры связывает национальный характер местной культуры не с формированием новой знаковой системы культуры, не с овладением сущностью новых художественных

© *Р.С.Орлов, 1991*
ISBN 5-12-003266-4. Южная Русь и Византия. К., 1991

образов, а с сохранением в местной культуре "традиции языческого народного творчества"[3]. Иногда характер сложного диалога греческих и местных мастеров освещается исследователями как противопоставление двух разных культурных традиций в социальной и художественной сферах Древнерусского государства. Примером служит повторенная З.В.Удальцовой вслед за В.Н.Лазаревым характеристика фресок Дмитриевского собора во Владимире (1194–1197): "Изображения принадлежащие кисти греков, суровы и замкнуты, тогда как лики, созданные местными мастерами, открыты и наделены особой добротой и мягкостью"[4]. Подобное мнение М.К.Каргера о строительстве Ярослава Мудрого как конкуренции Константинополю и влияние на художественный образ Софии Киевской языческого деревянного зодчества был справедливо подвергнут критике в одной из последних работ А.И.Комеча. Многоглавие древнерусских Софийских соборов, пятинефная структура связана не с влиянием местного деревянного строительства, а с особыми требованиями заказа, выражающего общую идею молодого государства, значение княжеской культуры и самого князя как проповедника христианства[5]. Подлинный диалог двух культур – византийской и древнерусской, в результате которого была создана абсолютно оригинальная композиция собора, явился результатом не взаимодействия христианской и языческой культур, а политической самостоятельности Киева XI в. (фото 1, *1, 2*).

Проблема византийского влияния на культуру Древней Руси с точки зрения всемирно-исторического процесса рассмотрена в последней работе Ю.М.Лотмана[6]. Правомерность такой постановки вопроса о первоистоках древнерусской культуры обусловливается попыткой установить в общих чертах целостность культуры Руси в рамках средневековой Европы или восточнохристианского мира. Несколько ранее Л.А.Лелеков исследовал восточные связи древнерусской культуры. По его мнению, "восприимчивая Русь" вместе со всей Европой приобщилась к великому богатству многоликой культуры Востока[7].

Принципиально новым в работе Ю.М.Лотмана является решительная замена неточного и дискредитированного, по его мнению, понятия "влияние" на "диалог". Не разделяя мнение автора по поводу конкретного проявления диалогической ситуации между Византией и Русью, отметим, что в предложенной работе Ю.М.Лотмана впервые в отечественной историографии отмечены важнейшие типологические черты диалога культур. В широкой исторической перспективе взаимодействие культур всегда диалогично – один из участников диалога осуществляет передачу культурной традиции, другой находится на приеме. Эта попеременная активность передающего и принимающего охарактеризована Ю.М.Лотманом как первая черта всякого диалога, в том числе византийского влияния на древнерусскую культуру. Процесс столь сложного явления, как "влияние" культуры Византии (конфессиональный центр) на Русь, понимается исследователем как сложный процесс

включающий этапы выработки общего языка, укоренения чужой традиции, ее трансформации, и поток культурной информации, текущей в обратном направлении. При этом ответный поток подобной информации может быть адресован культуре иной, чем та, которая его (в данном случае древнерусская) воспринимала[8].

В характеристике диалога культур Руси и Византии, данной Ю.М.Лотманом, на наш взгляд, отсутствует тот феноменологический образ культуры, сложившийся в историографии к концу XX в. М.М.Бахтин в своих работах неоднократно подчеркивал, что культура собственной "территории" не имеет в том смысле, что лицо каждой культуры представляет своеобразный "двуликий Янус", обращенный и в глубь себя, и к иной культуре. В осмыслении понятия культуры (как своеобразной целостности произведения искусства, философии, явлений религии и др.) как сосредоточия в одном логическом "месте" духовной деятельности и некоего среза целостной материальной, вещной деятельности, В.Б.Библер вслед за М.М.Бахтиным приходит к выводу о способности жить и развиваться культуре только на грани культур, в диалоге с другими целостными, замкнутыми "на себя", на выход за свои пределы культурами[9].

Типологические параллели "растянувшегося на несколько веков русско-византийского диалога" убеждают во многом: в росте враждебности к доминировавшему участнику диалога, о "мощном выбросе собственных текстов в окружающее культурное пространство"[10]. По мнению Ю.М.Лотмана, татаро-монгольское нашествие помешало киевской культуре стать транслятором собственных культурных идей в романской культуре Европы. Не оспаривая основных идей исследователя о межкультурном общении государственных образований Средневековья, отметим, что понятие "свое" – "чужое" у него не выходит за рамки целых регионов. Между тем специфика византийско-древнерусского культурного диалога проявилась в значительной роли своеобразных катализаторов передачи культурных традиций – представителей правящей княжеской династии Рюриковичей. Роль княжеской культуры как носителя византийской традиции и полноправного участника византийско-славянского культурного диалога не оценена в полной мере исследователями (фото 2, *1, 2*).

Христианское искусство и обрядность, поднимающие авторитет князя, были усвоены и окружением киевских князей. Этому в немалой степени способствовал факт сохранения за первыми князьями-христианами древних жреческих функций: Владимиром, Ярославом, вероятно, Святославом Ярославичем. Очень точно восприятие князей как духовных владык подчеркивает хазарский титул "каган", прилагаемый к верховному сакральному царю. Этот титул употреблен Иларионом и в "Слове о законе и благодате" применительно к Владимиру и Ярославу, и в надписи в Софии Киевской по отношению к Святославу Ярославичу, где они названы "великими" и "нашими" "каганами"[11]. С приведенными данными согласуется поступок Игоря Святославича

в "Слове о полку Игореве", когда по прибытию в Киев он направляется к церкви Богородицы Пирогощей ("огнем горящей"), которую приводят как пример особого значения церкви как замены языческого начала[12].

Ярче всего сакральная природа княжеской власти проявилась в княжеских уставах, противоречащих византийским церковным канонам. Так, устав Ярослава хотя и начинается словами "не подобаеть сих тяжь судити князю, ни бояром его, ни судьям его", но такой подход нарушается в архетипе устава второй половины XI – первой половины XII в., в статьях об оскорблении словом, умыкании, пошибании, оставлении жены, о толоке, прелюбодеянии, поджоге, острижении[13]. Личность несла ответственность за нарушение правил христианской церкви не перед моралью, а перед политической властью. Виновный наказывался не эпитимьей (или не только ею), а государственными штрафами (вирами, продажами), что переносило традиционные брачные и семейные обычаи из религиозно-моральной сферы в публично-правовую. Обычно эти отличия от византийского образца связывают с подчиненным положением и экономической зависимостью церкви перед княжеской властью. Важна причина, отмеченная Я.Н.Щаповым: устройство церковной организации хотя и по подобию византийской церкви, но на основе языческой религиозной организации[14]. Приведенные свидетельства – яркий пример результата византийско-древнерусского диалога в сфере политико-правовой идеологии.

Наряду с решением теоретической проблемы соотношения закона и истины как совокупности правил, воспитываемых в человеке под влиянием христианской нравственности, Иларион впервые в истории политической литературы Руси вводит мысль о божественном происхождении княжеской власти[15]. Использование в трактате Иларионом титула верховного сакрального царя хазар выглядит вполне закономерно[16]. Из сведений о посольстве в Ингельгейме следует, что титул был известен в "Русской земле" еще до 839 г. Из текста "Слова о законе и благодати" древнерусский читатель узнавал, что во всех странах чтут и славят учителей православной веры, "похвалимъ же и мы по силѣ нашеи малыими и наставника великааго кагана нашеи земли Володимера...", а в настоящем – "помолися о снѣ твоемѣ блговѣрнѣмь каганѣ нашемь Георгии"[17]. Подобные представления о сакральной природе княжеской власти, делавшей ее прерогативой всего правящего рода Рюриковичей, а также общее наследственное право ставили княжескую династию наряду с христианской церковью подлинными проводниками византийской культуры в разноэтничном конгломерате племен, населявших Восточноевропейские равнины.

В свете сказанного по-иному раскрывается и вызывающая особый интерес тема славянской языческой культуры, понимаемая как народная, противостоящая официальной – христианской. Некритическое отношение к праздничной культуре древнерусского средневековья

привела к тому, что некоторые исследователи считали ее обрядность, зафиксированную этнографами, не результатом византийско-славянского диалога на протяжении сотен лет, а осколками самобытной языческой культуры. Примером служит интерпретация праздника Масленицы, понимаемой как славянский языческий праздник. Известно, что масленица вместе с сырой неделей блуждали год от года по времени более чем в месяц[18]. Особая роль молодых брачных пар – "новежен ов" – в масленичной обрядности связана не с языческим праздником брака или с языческой похоронной тризной, как в духе исследователей XIX в. полагает В.В.Велецкая[19]. Масленичное действие тесно связано с тематикой Великого поста и приурочено к избранным дням христианской седмицы: пятнице, субботе и воскресенью. Сжигаемое чучело – образец греховного, ветхого – мыслилось как преодоление смерти, ветхого мира (чучело из соломы) (фото 3). Образ воды, заливающей огонь – привычный символ спасения в Христианстве. Травестия истории грехопадения своеобразно преломилась в сословных вольностях, опирающихся на абвивалентную идею рождества как соединения Христа и Адама. В идее Великого поста мы видим тесно сплетенные элементы церковной, христианской культуры, идущей из Византии, с местными славянскими элементами народной культуры[20].

В области художественной культуры аналогичным примером поверхностного подхода к результату византийско-славянского культурного диалога является толкование образов тератологического орнамента. Выделенный впервые Ф.И.Буслаевым новый стиль из неразрывных комбинаций животных форм и плетения не вытекает непосредственно из византийского[21]. Используемый для инициалов македонских рукописей XI в., тератологический стиль совершенствуется в тырновской школе XII–XIII вв. на территории Восточной Болгарии. В конце XII в. мотивы этого стиля встречаются в одной из новгородских служебных Миней, но в полном объеме – в рукописях XIII–XIV вв. Для происхождения стиля определенное значение могут иметь более ранние образцы развитых тератологических мотивов черниговской скульптуры, в частности капители плоскостной и объемной резьбы из Борисо-Глебского собора (фото 4, *1, 2*).

Тератологические мотивы рукописей обычно рассматривались в отрыве от содержания иллюстрируемых текстов, что позволяло исследователям усматривать в них замаскированный языческий или даже антицерковный сюжет. Н.К.Голейзовский, раскрывая характерные для христианской теологии и искусства образы и символы тератологических рукописей, доказал их тесную связь с философскими понятиями и литературными образами[22]. Иллюстраторы рукописей, используя "неподобную" символику в подборе мотивов и композиционных схем, колорита, лукавой иронии, дали живописную интерпретацию сложнейшим умозрительным положениям, подсказанным книгами св.Писания.

Осмысливание отечественной истории в Древнейшем летописном Своде, составленном, по мнению А.А.Шахматова, в 1037–1039 гг. и продолженное Повестью временных лет, предполагало широкое использование Хронографа, соединившего Хронику Иоанна Малалы с Хроникой Георгия Амартола. Использовалась и Пасхальная хроника, Толковая Палея, Житие Мефодия и Кирила, Статьи Епифания Кипрского, Откровение Мефодия Патарского, Поучение о казнях Божиих и другие произведения византийской литературы[23].

В основе знаменитой "Речи философа" – хронограф, в числе источников которого находился славянский перевод Амартола. Благодаря славянским переводам византийских хроник, древнерусская культура приобщалась к византийской историософской концепции. Хроники не только приобщали древнерусского читателя к мировой культуре. Они реализовывали острую необходимость обращения культуры вовне, быть вне собственного бытия. Проецирование истории Руси в хроники со сведениями по античной истории, мифологии, географии – подлинное б ы т и е древнерусского читателя в к у л ь т у р е. В то же время в византийские исторические сочинения проникают уникальные сведения о балканских войнах Святослава в 968–971 гг., а изображение подлинного политического диалога Византии и Руси – обсуждение условий мирного договора между Иоанном Цимисхием и Святославом, донесла до нас миниатюра Хроники Скилицы (фото 5).

Летописи, Поучение Владимира Мономаха, Изборник 1076 г., находясь под влиянием взаимодействия христианской доктрины с античной, формировали на Руси представление о строении Вселенной. Для этого использовался "Шестоднев" Иоанна экзарха Болгарского и "Христианская топография" Козьмы Индикоплова, в основе объяснения мира природы которых была разработанная Аристотелем телеологическая концепция с антропоморфизацией пространства в сочетании с его символикой.

В культуре Руси специфика решения онтологических вопросов вырабатывалась на пересечении различных мировоззрений[24], в том числе и путем изложения ортодоксальной христианской доктрины, например в "Житии Феодосия Печерского", а также идеи "начальных" событий исторического бытия. В тоже время Хроника Иоанна Малалы, ставшая известной на Руси не позже XI в., сообщала древнерусскому читателю основное содержание "Энеиды".

Перечень результатов византийско-древнерусского культурного диалога свидетельствует о более тесной связи и преемственности культурной традиции в "высших" слоях культуры – княжеской и церковной. Корни данного явления уходят в прошлое – в эпоху "Русской земли" IX в., когда государство поднепровских славян и Византия получили первое представление друг о друге, включая дипломатическое признание Руси Византией. Примечательное в истории Восточной Европы событие 860 г. – высадка русов со стороны моря у стен Кон-

стантинополя ознаменовало серию военных конфликтов Византии с освободившейся от хазарской зависимости Поднепровской Русью[25]. Этому событию предшествовал факт появления в Византии в 838 г. первого посольства (Константинополь, Ингельгейм) "Русской земли" – признак не только внешнеполитической независимости, но и консолидации знати.

Примечательно, что в результате похода 860 г. Византия и Русь впервые вступили в договорные отношения, а в более широком смысле – в византийско-древнерусский культурный диалог: историография договора Василия I Македонянина с Русью свидетельствует о распространении христианства в русских землях. Однако Русь в представлении византийцев оставалась "варварским миром"[26]. В последующем Русь занимала определенное место в политической доктрине Византии, где все варварские народы рассматривались в иерархии "Византийского содружества наций"[27]. В историографии вопроса начиная с В.Г.Васильевского, М.В.Левченко, а затем В.Г.Пашуто, Г.Г.Литаврина и В.Л.Янина подчеркивается наступательный характер политики Руси в борьбе за экономические и торговые привилегии. Все эти внешнеполитические события, касающиеся Крыма, Приазовья, Нижнего Подунавья, свидетельствуют о влиянии византийской и славянской культур на Причерноморский регион, но не раскрывают характер культурного диалога между Византией и Русью.

Не вызывает сомнений, что языческая знать "Русской земли" – "росы" или "русь", – оставившая обширные дохристианские могильники в Киеве, Чернигове, Гнездове и других славянских центрах, включившая варягов, становится в конце X в. главным носителем византийской культурной традиции. Определяющим фактором освоения византийской культуры является направление сбыта и реализации "полюдья" – по Днепровскому (Греческому) пути. Г.Г.Литаврин, рассматривая состав свиты Ольги, принятой в Константинополе Константином VII Багрянородным, уточнил социально-политическую организацию киевского общества середины X в.[28] Всего в свите Ольги насчитывалось по социальной градации семь рангов. К высшей знати отнесен племянник Ольги, 8 доверенных лиц, очевидно, высшей военной знати, жены князей шести крупнейших центров "Русской земли" и 6 послов от них, 22 посла и 44 купца от других областей Руси. Общее количество людей в свите Ольги определяется в 1500 человек. Нам представляется, что деятельность этих людей и послужила проводником новых духовных ценностей в культуре Киева X в. Особую роль в передаче этих ценностей сыграл Днепровский путь, столь живо описанный Константином Багрянородным в девятой главе – "Об управлении империей".

Днепровский путь, или, как его называли в летописях, Греческий, - "путь из варяг в греки", начал интенсивно функционировать в середине IX в., очевидно, вскоре после первых дипломатических контактов. Регулярный сбыт "полюдья" из Киева в Константинополь

по Греческому пути потребовал заключения важных торговых договоров 907, 911, 945 гг. Не все племена участвовали в начавшемся культурном диалоге Византия – Русь: судьба славянских племен, "приседяху Дунаеви", оказалась драматичной. Уличи после взятия Пересечена (940) вообще исчезают со страниц летописей, но встречается новый термин – "дунайцы". Они не участвовали в походах Руси в Константинополь, ставшие уже обычными к концу IX в. Во всяком случае в первом древнейшем арабском географическом сочинении Ибн Хордадбеха "Книга путей и стран", датируемой не позднее 885 г., купцы-русы присутствуют на Черном Море: "Если говорить о купцах ар-Рус, то это одна из разновидностей славян. Они доставляют заячьи шкурки, шкурки черных лисиц и мечи из самых отдаленных (окраин страны) славян к Румийскому морю. Владетель арх-Рума взимает с них десятину..."[29].

Маршрут "росов" Константина Багрянородного, или, по меткому выражению В.Г.Васильевского, "варяго-русской" дружины, отмечен рядом памятников. На о.Березань (в средние века мыс коренного берега) еще в 1905 г. Э.Р.Штерном исследовались остатки кургана с трупоположением, перекрытым известняковой плитой – вторично использованным мемориальным руническим памятником. Текст, высеченный в XI в., по-видимому, готландцами, сласит: "Грани сделала этот холм по Карлу, своему сотоварищу".

Другая находка связана с о.Эферия. На берегу Днепровского лимана до 1863 г. в Кинбурнском кладе помимо 33 золотых византийских монет найдены три златника Владимира Святославича с надписью "Владимир на столє". Так как византийское золото использовалось главным образом для транзитной торговли, данная находка свидетельствует об интенсивном использовании Греческого пути в конце X – начале XI в. Сребреник Владимира (I тип) с надписью "Владимиръ а се его сребро" в 1856 г. обнаружен у с.Раденское Цюрупинского района Херсонской области[30].

Ярким свидетельством византийско-древнерусского диалога в сфере художественной культуры является третья группа украшений Причерноморского центра художественной металлообработки[31]. А.Н.Кирпичников справедливо видел аналогии декора конской узды из Каменки и Котовки в древнерусских древностях X в. Аналогичные мотивы украшают ножны сабель из усадьбы Десятинной церкви в Киеве и Венского музея.

Несмотря на внутренние факторы культурного развития Византии, исследователи подчеркивают внешние культурные импульсы стран Востока, а также латинского Запада и Руси. Установление культурных связей Руси с Византией не было случайностью, но вряд ли связано, как полагала З.В.Удальцова, только лишь с обращением "к культуре самой передовой страны в Европе того времени"[32]. Принятие христианства из Византии не могло привести к духовному подчинению Руси –

этому предшествовал летописный **выбор веры**, при котором княжескими кругами государства рассматривался онтологический статус всего созданного людьми предметного мира и воплощенный в нем личностный аспект существования и развития человека. Эти рукотворные формы византийской культуры пришлись по вкусу послам Руси: "И приходомъ же въ Греки, и ведоша ны, идеже служат богу своему, и не свѣмы, на небѣ ли есмы были, ли на земли: нѣсть бо на земли такого вида ли красоты такая..." (ПВЛ под 987 г.). Именно поэтому роль Византии в развитии древнерусской культуры бесспорно значительна, так как проявилась и как форма диалога культур, и как самодетерминация личности в древнерусском обществе.

[1] *Удальцов З.В.* Культурные связи Руси и Византии // ВВ. – 1981. – Т.42. – С.26.
[2] *Борев Ю.Б.* Художественное общение и его языки : Теоретико-коммуникативные и семиотические проблемы художественной культуры // Теории, школы, концепции : (Критические анализы). Художественная коммуникация и семиотика. – М., 1986. – С. 5.
[3] *Удальцова З.В.* Указ. соч. – С.26.
[4] *Там же.* – С.32.
[5] *Комеч А.И.* Древнерусское зодчество конца X – начала XII в. – М., 1987. – С.231.
[6] *Лотман Ю.М.* Проблема византийского влияния на русскую культуру в типологическом освещении // Византия и Русь. – М., 1989. – С.227–236
[7] *Лелеков Л.А.* Искусство Древней Руси и Восток. – М., 1978. – 160 с.
[8] *Лотман Ю.М.* Указ. соч. – С.228.
[9] *Библер В.С.* Культура. Диалог культур : (Опыт определения) // Вопр. философии. – 1989. – № 6. – С.36.
[10] *Там же.* – С.233.
[11] *Молдаван А.М.* "Слово о законе и благодати" Илариона. – Киев, 1984. – С.78, 92, 99; *Высоцкий С.А.* Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. – Киев, 1966. – С.49.
[12] *Попович М.В.* Мировоззрение древних славян. – Киев, 1985. – С.137.
[13] *Шапов Я.Н.* Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI–XIV вв. – М., 1972. – С.297.
[14] *Там же.* – С.303.
[15] *Золотухина Н.М.* Русская политическая и правовая мысль. Ч.I. Политико-правовые идеи в памятниках древнерусской письменности (XI – середина XV в.) // История политических и правовых учений : Средние века и Возрождение. – М., 1986. – С.193.
[16] *Добродомов И.Г.* Этимология, контекст, значение // Вопросы словообразования и лексикологии древнерусского языка. – М., 1974. – С.274–284.
[17] *Молдаван А.М.* Указ. соч. – С.78, 99.
[18] *Лихачев Д.С., Панченко А.М., Понырко Н.В.* Смех в древней Руси. – Л., 1984. – С.178.
[19] *Велецкая Н.Н.* Языческая символика славянских архаических ритуалов. – М., 1978. – С.123.
[20] *Лихачев Д.С., Панченко А.М., Понырко Н.В.* Указ. соч. – С.175–202.
[21] *Щепкина М.В.* Тератологический орнамент // Древнерусское искусство. Рукописная книга : Сб. второй. – М., 1974. – С.219–239.
[22] *Голейзовский Н.К.* Семантика новгородского тератологического орнамента // Древний Новгород : История. Искусство. Археология. – М., 1983. – С.197–247.

[23] *Шахматов А.* "Повесть временных лет" и ее источники // ТОДРЛ. – 1940. – IV. – С.9–150.
[24] *Горский В.С.* Философские идеи в культуре Киевской Руси XI – начала XII в.– К,, 1988. – С.136.
[25] *Сахаров А.Н.* "Дипломатическое признание" древней Руси (860 г.) // ВИ. – 1976. – № 6. – С.33.
[26] *Бибиков М.В.* Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа (XII–XIII вв.) // Древнейшие государства на территории СССР : Материалы и исслед. 1980 год. – М., 1981. – С.48.
[27] *Там же.* – С.68.
[28] *Литаврин Г.Г.* Состав посольства Ольги в Константинополе и дары императора // Византийские очерки. – М., 1982. – С.71–92.
[29] *Ибн Хордадбех.* Книга путей и стран. – Баку, 1986. – С.41.
[30] *Сотникова М.П., Спасский И.Г.* Тысячелетие древнейших монет России. – Л., 1983. – С.56.
[31] *Кирпичников А.Н.* – САИ. – 1973. – Е1–36. – С.28.
[32] *Удальцова З.В.* Вклад византийской культуры в культурное развитие Европы // Литература и искусство в системе культуры. – М., 1988. – С.31–39.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН СССР	–	Академия наук СССР
АО	–	Археологические открытия
ВВ	–	Византийский временник
ВИ	–	Вопросы истории
ВИД	–	Вспомогательные исторические дисциплины
ЗРАО	–	Записки Русского археологического общества
КСИА АН СССР	–	Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИА АН УССР	–	Краткие сообщения Института археологии АН УССР
НА ИА АН УССР	–	Научный архив Института археологии АН УССР
ПВЛ	–	Повесть временных лет
ПСРЛ	–	Полное собрание русских летописей
РИБ	–	Русская историческая библиотека
СА	–	Советская археология
САИ	–	Свод археологических источников
Сообщ. ВЦНИЛКР	–	Сообщения Всесоюзной центральной научно-исследовательской лаборатории консервации и реставрации музейных ценностей
ТОДРЛ	–	Труды отдела древнерусской литературы
УІЖ	–	Український історичний журнал

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3
Толочко П.П. Киев – соперник Константинополя 5
Брайчевский М.Ю. Ольга и Константинополь 12
Котляр Н.Ф. Галицко-Волынская Русь и Византия в XII–XIII вв. (связи реальные и вымышленные) 20
Толочко А.П. "Порты блаженных первых князей": к вопросу о византийских политических теориях на Руси 34
Ивакин Г.Ю. Связи Киева с Византией во второй половине XIII–XIV вв. 43
Зоценко В.Н. Византийская монета в Среднем Поднепровье 57
Пуцко В.Г. Византия и становление искусства Киевской Руси 79
Высоцкий С.А. Древнерусская историческая тема в светской живописи Софийского собора в Киеве 99
Боровский Я.Е., Архипова Е.И. Новые произведения мелкой каменной пластики из древнего Киева (по материалам раскопок) 119
Пекарская Л.В., Пуцко В.Г. Византийская мелкая пластика из археологических находок на Украине 131
Архипова Е.И. Палеологовская капитель из фондов Государственного Исторического музея УССР 138
Коваленко В.П., Раппопорт П.А. Новый памятник византийского зодчества на Черниговском детинце 142
Орлов Р.С. Византия и Русь. Проблема диалога культур 157
Список сокращений 167

Научное издание

ЮЖНАЯ РУСЬ И ВИЗАНТИЯ

Сборник научных трудов
(к XVIII конгрессу византинистов)

Художник обложки *Н.Ф.Кормыла*
Художественный редактор *И.М.Галушка*
Технический редактор *Т.К.Балашкая*
Оператор *Т.Н.Шевченко*
Корректоры *Н.А.Стрелец, Е.И.Мазниченко*

ИБ №

Сдано в набор 13.05.91. Подп. в печ. 26.06.91. Формат 60x84/16. Бум. офс. № 1. Гарн. Пресс Роман. Офс. печ. Усл. печ. л. 10,70. Усл. кр.-отт. 10,93. Уч.-изд. л. 12,33 + вкл. 0.76 = 13.09. Тираж 1000 экз. Заказ 1–364. Цена 4 р. 50 к.

Оригинал-макет подготовлен в издательстве "Наукова думка"
Отделение редакционно-издательской и рекламной деятельности
УкрНЭНДИСИ.
Киев, ул. Жадановского, 69/71
Киевская книжная типография научной книги. 252004 Киев 4, ул. Репина, 4